
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Составители
Геннадий БОРДЮГОВ,
Леонид ДОБРОХОТОВ

Москва
2013

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил. – ISBN 978-5-91022-250-6.

В основе книги – труд, изданный в 2008 году к 70-летию выдающегося ученого, историка и политолога. Новая публикация, выходящая к 75-летию Стивена Козна, дополнена посвящениями друзей юбиляра из США, Нидерландов и России, фотографиями и другими материалами.

ISBN 978-5-91022-250-6

© Авторы, 2013
© АИРО-XXI, 2013

Содержание

<i>Михаил Горбачев</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	9
---	---

I. ПРОСТРАНСТВО БИОГРАФИИ

<i>Валерий Писигин</i> В ПОИСКАХ РУССКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ.....	15
---	----

II. ДВЕ РОДИНЫ

<i>Александр Авеличев</i> НЕ ВСЕ ДВЕРИ ЕЩЕ ЗАКРЫТЫ	31
---	----

<i>Нэнси Адлер</i> УВАЖЕНИЕ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.....	43
---	----

<i>Антон Антонов-Овсеенко</i> ВИРТУАЛЬНЫЕ МОСКВИЧИ	46
---	----

<i>Сергей Бабурин</i> РОМАНТИК И КОНСЕРВАТОР.....	48
--	----

<i>Татьяна Баева</i> МИРОТВОРЕЦ.....	53
---	----

<i>Геннадий Бордюгов</i> ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР АИРО.....	58
---	----

<i>Александр Гельман</i> ПАТРИОТ РОССИИ	62
--	----

<i>Вагиф Гусейнов</i> РОССИЯ И США НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ	64
--	----

<i>Ирина Давидян</i> АМЕРИКАНЕЦ	71
<i>Никита Дедков</i> ЛЮБИМЫЙ АВТОР «СВОБОДНОЙ МЫСЛИ»	73
<i>Леонид Доброхотов</i> О МЫСЛИТЕЛЯХ И ПРОРОКАХ ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ	76
<i>Евгений Евтушенко</i> ВСЕГДА РОССИЕЙ ОН ОБЕСПОКОЕН... ..	82
<i>Геннадий Зюганов</i> ДРУГ ИСТИНЫ И ДРУГ РОССИИ.....	84
<i>Алан Касаев</i> БОРЕЦ С ИСТОРИЧЕСКИМ НЕВЕЖЕСТВОМ.....	87
<i>Ирина Ключникова</i> ВЫДЕРЖКА И ДЕЛИКАТНОСТЬ.....	90
<i>Эдвард Кляйн</i> ПОНИМАТЬ РОССИЮ	91
<i>Пол Кристенсен</i> ТРИ ПУНКТА	95
<i>Виктор Кувалдин</i> ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ	100
<i>Владлен Логинов</i> НЕ ВСЕ ДВЕРИ ЕЩЕ ЗАКРЫТЫ	102
<i>Рой Медведев</i> ГОРБАЧЕВ ВСЕГДА ВЫДЕЛЯЛ ЕГО	104
<i>Дмитрий Муратов</i> ИСТОРИКУ И ЧЕЛОВЕКУ	106
<i>Павел Палажченко</i> ДРУГ РОССИИ, ДРУГ ГОРБАЧЕВА.....	108
<i>Леонид Парфенов</i> ОДНАЖДЫ НАЧАТОЕ ПОТОМ НЕОСТАНОВИМО.....	114

<i>Владимир Познер</i> РАЗ И НАВСЕГДА ПРИНЯТЫЕ СХЕМЫ НЕ ДЛЯ НЕГО	116
<i>Евгений Примаков</i> О ПОЛЬЗЕ ДОХОДЧИВЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ	118
<i>Алексей Пушков</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЧЕСТНОСТЬ ДОРОГОГО СТОИТ	121
<i>Александр Рабинович</i> ДРУГ И КОЛЛЕГА НА ВСЮ ЖИЗНЬ.....	122
<i>Олег Румянцев</i> МОРАЛЬНЫЙ ЛИДЕР АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ	127
<i>Юрий Соломонов</i> ОДИН ИЗ НИХ БЫЛ РУССКИМ УКЛОНИСТОМ.....	130
<i>Виталий Третьяков</i> О СТОЙКОСТИ ПРИНЦИПОВ – В ПОЛИТИКЕ И В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.....	137
<i>Евгений Умеренков</i> НЕАНГАЖИРОВАННОСТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ «МОДЕ»	141
<i>Анатолий Уткин</i> ДРУЗЬЯ НА ГУДЗОНЕ	143
<i>Надежда Фадеева</i> 33 ГОДА ВМЕСТЕ.....	149
<i>Борис Фрезинский</i> ВСТРЕЧИ НА ДОРОГАХ ЖИЗНИ... ..	157
<i>Александр Ципко</i> ПОНИМАТЬ И ЛЮБИТЬ РОССИЮ	163
<i>Петр Черемушкин</i> ОН ПРЕДСКАЗАЛ ПЕРЕСТРОЙКУ	165

<i>Михаил Шатров</i>	
XX ВЕК ПОДАРИЛ НАШЕЙ СТРАНЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ДРУГА	170
<i>Михаил Шевелев</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНТ ДВУХ НАРОДОВ	174
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
МОЙ СТИВ	176
III. «НАМ НАДО БЫЛО ВСТРЕТИТЬСЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД...»	
Из писем Анны Михайловны Лариной-Бухариной Стивену Коэну	183
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Стивен Коэн отвечает на вопросы «Новой газеты».....	191
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ СТИВЕНА КОЭНА	198
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	218

Михаил ГОРБАЧЕВ

Предисловие

Когда мне сказали, что Стивену Коэну – известному американскому историку и специалисту, пишущему на российские темы, – исполняется в этом году 70 лет, я не поверил. Его образ живого с большим юмором человека, сразу всплывший в моем сознании, явно противился этой «серьезной» дате. Так бывает: образ человека определяется не столько прожитым временем, сколько его отношением к жизни, работе, людям.

Стива Коэна я знаю давно: часто встречался и обсуждал с ним различные проблемы исторического и политического характера. Откровенные беседы сделали нас друзьями. Его книги о России всегда отличали актуальность, всесторонность и глубина исследования избранной темы. Помню, как в годы перестройки многие мои знакомые буквально зачитывались его книгой о Николае Бухарине. Суждения Стива об этой крупной и неоднозначной фигуре нашей истории поражали точностью оценок и последовательностью выводов. Помню, эта книга, во многом созвучная общественным переменам той поры, стала бестселлером в Советском Союзе.

Но еще более значимой стала его книга «Переосмысливая советский опыт», где он, в отличие от «традиционных советов», игнорирующих противоречивый характер советской истории, всячески «сталинизирующих» ее, дал объективное осмысление ее основных этапов. Размышляя над текстом этой книги, я отмечал для себя много общего с автором в оценках разных периодов и важнейших событий советской истории.

Как исследователь постсоветской политической истории Стив Коэн показал себя смелым и объективным ученым.

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О Э Н А

В этом отношении особенно характерна одна из последних его работ «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России», в которой он, как специалист и эксперт по российским проблемам, выступил против прямого вмешательства американской власти в реформирование России, в частности, против одобрения ею разрушительной ельцинской политики «шокотерапии».

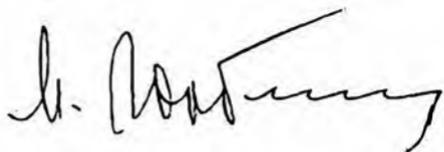
Признаюсь, меня радует, что Стив Коэн, изучая российскую историю, плодотворно сотрудничает с Горбачев-Фондом. Его недавняя работа, посвященная анализу реформирования Советского Союза, органически вошла в коллективную монографию «Прорыв к свободе», посвященную 20-летию перестройки. Надеюсь, он и дальше будет сотрудничать с нами.

Думаю, что научные успехи Стива были бы невозможны без умного друга и любимой жены Катрины. Являясь знатком России и редактором демократического журнала «The Nation», она всегда оказывала и оказывает мужу ту необходимую помощь, без которой его книги были бы менее точны и совершенны. Когда Стив Коэн приезжал в Россию, я замечал, что рядом с ним всегда находилась его прелестная дочка Ника, постоянно задающая папе непростые вопросы, на которые он стремился откровенно отвечать. Это было непросто, но именно такое откровенное общение воспитывает детей лучше всего. Давно замечено, что не надо «специально воспитывать» детей: просто они должны быть полноправными участниками жизни своих взрослых родителей. Уверен, что Катрин и дочка Ника – это такие источники вдохновения нашего юбиляра, без которых его жизнь, конечно, была бы менее радостной и плодотворной.

Заканчивая свои размышления, еще раз хочу подчеркнуть такие качества его личности, как постоянное стремление к истине, смелость и объективность. Эти качества сегодня присущи не многим ученым, историкам и публицистам, но именно в них, как никогда ранее, нуждаются люди и человечество, переживающее глобальные вызовы современности. Для анализа этих вызовов нужна не апологетика современности, а беспристрастное искание научной истины, без чего нельзя понять настоящее и предвидеть будущее.

Современный мир как никогда ранее нуждается в новом демократическом и гуманистическом видении будущего. Думаю, что своими знаниями, смелыми и оригинальными исследованиями Стив Коэн способствует формированию такого видения.

Накануне его 70-летия хочется пожелать ему одно: «Так держать!»

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'М. Горбачев', written in a cursive style.

Михаил Горбачев

I
ПРОСТРАНСТВО
БИОГРАФИИ

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Валерий ПИСИГИН

В поисках русской альтернативы

Если бы пришлось одним словом отразить нынешнюю внутривнутриполитическую жизнь России, то более точного слова, чем «скука», вряд ли подыскать. И когда в редкие минуты с телеэкрана мелькнут кадры бурных восьмидесятых-девяностых, охарактеризованных пропагандой как время политических недоразумений и сплошных катастроф, невольно задаешься вопросами: «Куда делись перевозбужденные толпы, вышедшие на улицы и требующие от власти справедливости? Где политические деятели, влекущие за собой массы? Куда пропали отчаянные публицисты, разоблачающие каждый шаг власти, и где наша доблестная пресса, со всеми своими оттенками и направлениями, беспрерывно ведущая спор между собой, несущая свет правды, борющаяся за свою честь и за своего читателя? Где телевидение, приковывавшее к себе внимание тем, что вело на своих каналах шумный диспут о будущем страны и её народов? И вообще: мы вчерашние – это мы? И если да, то неужели понадобилось всего десять лет, что бы так нас переиначить?»... И за этими вопросами, пробуждающими память о нашей недавней истории, за еще пока легкой дымкой, затянувшей прозрачный воздух прошлого, – возникают подзабытые имена, кажется, еще вчера бывшие у всех на устах, вызывавшие всеобщее внимание, уважение одних и ненависть других, но только не равнодушие, потому что равнодушия тогда не было. И среди этих имен, так или иначе оказавших влияние на внутривнутриполитический процесс, на осознание нами своего настоящего места в истории прошедшего века, – американский ученый, историк, публицист, профессор Стивен Коэн...

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О Э Н А

Этот стройный, всегда в очках, в неизменных джинсах, с густой щетиной и говорящий таким же густым басом «советолог» появился вскоре после начала Перестройки, стал известным и даже популярным во время её апофеоза, затем в одночасье оказался «консерватором» и тихо исчез, вместе со страной, которую изучал всю жизнь, вместе с публичной политикой, которая оказалась загнанной под кремлевский ковер, вместе с независимой прессой, свободными выборами и прочими атрибутами полноценного демократического государства. И сегодня, когда наше усталое общество ушло в частную жизнь, оставив власть в гордом одиночестве (чего эта власть и добивалась последние годы), когда наша пресса, за редким исключением, утратила лицо и обрела физиономию с привычной гримасой «чего изволите?», а «интеллектуальная элита» озабочена позорными и мелкими вопросами вроде вопроса о преемнике, – быть может, самое время вспомнить американского историка и обратиться к его книгам, статьям, выступлениям, благо повод к тому есть: в 2008 году Стивену Коэну исполнится 70 лет!

Его роман с Советской Россией, как оказалось, пожизненный, начался почти полвека назад, когда молодой студент из Индианы, с внешностью рок-н-ролльной звезды Бадди Холли, оказался в английском Бирмингеме, где проходил практику в местном университете. По окончании сессии, в июле 1959 года, этот студент решал нетривиальную задачу: как и где провести оставшийся летний месяц? Тогда его влекла Испания, поскольку Стивен Коэн находился под влиянием книг Эрнеста Хемингуэя. Он уже было собрался в Мадрид, как неожиданно, прохаживаясь по рабочим кварталам Бирмингема, увидел рекламу, предлагавшую месячный круиз на теплоходе по Советскому Союзу. Стоимость круиза – триста долларов: ровно столько, сколько у Стива оставалось в кармане!

«Я размышлял, как настоящий еврей, – вспоминает Стивен Коэн. – “Две недели в Испании или месяц в Советском Союзе, причем за одни и те же деньги?”. И я решил ехать в СССР».

Стив приобрел путевку и на теплоходе то ли «Максим Горький», то ли «Александр Пушкин» отправился в страну, о которой имел самые смутные представления. К счастью, молодой американец оказался в окружении пенсионеров – вете-

ранов коммунистического движения Англии, – и потому его месячная прогулка получилась несправдливой: старые коммунисты по ходу круиза рассказали много любопытного о стране, еще не оправившейся от страшной войны и десятилетий сталинского террора... По Балтийскому морю теплоход достиг Копенгагена, Стокгольма, Хельсинки и наконец оказался в Ленинграде. Точный маршрут теперь определить трудно, но Стив помнит, что, кроме Ленинграда, побывал в Москве, Ростове-на-Дону и других городах... Мимо молодого человека из американской глубинки проплывали чудные картины русской провинции, с её древними храмами, старинными постройками и неповторимой природой, которая в летнее время скрывает наш тяжкий быт. Но больше всего в памяти Стива запечатлелось иное: люди, которые встречались ему в том или ином городе. Он запомнил их удивленные и отчасти недоверчивые лица, их одежду и, конечно, их вопросы.

«Когда я сходил на берег для прогулки, люди сразу же признавали во мне иностранца, вероятно из-за одежды. И они подходили ко мне и задавали вопросы, но я не знал даже слова по-русски. Они никогда в жизни не видели американца».

Наконец, в одном из городов вокруг Стива собралась настоящая толпа, по воспоминаниям Коэна, больше сотни человек, и даже нашелся переводчик, как полагает Стив, из этой же толпы, хотя мы-то знаем, откуда был этот переводчик, и потому можем судить о точности перевода. Но не это важно. Важно то, какие вопросы сыпались в 1959 году на голову американского студента, невесть откуда взявшегося в российской провинции. Это не были вопросы о политике, о социальном строе и государственном устройстве США – это были вопросы об американском быте: «сколько стоит в Америке холодильник?», «есть ли у вас квартира, а если да – то какая?», «имеется ли автомобиль и, если да, сколько он стоит?», «что американцы едят и сколько стоят эти продукты?», «что из одежды предпочитают носить простые американцы летом, а что зимой?» и, кстати, «есть ли в Америке морозы, как у нас, в России?».

Эти и другие вопросы следовали один за другим, так что Стив едва успевал отвечать, а его спонтанный «переводчик в штатском» – переводить.

Толпа все увеличивалась, превращаясь в настоящий стихийный митинг. Отвечая на по-детски наивные вопросы, американец успевал разглядывать открытые и доброжелательные глаза советских людей – представителей совершенно иной формации, даже другой цивилизации, отличной от той, в которой он родился и вырос. Возвращаясь домой, еще раз проплывая мимо советских городов и сел, Стивен Коэн уже проникался интересом к их жителям. В начале августа 1959 года его теплоход еще раз оказался в Москве. Стив еще раз прогулялся по улицам советской столицы. Конечно, он тогда не мог знать, что в эти же самые августовские дни из двадцатилетней сибирской ссылки возвратилась в Москву Анна Михайловна Ларина.

Прибыв в США, студент Университета штата Индиана Стивен Коэн поинтересовался, имеется ли в этом учебном заведении «русская программа». Оказалось – имеется, более того, ею заведует признанный специалист в этой области профессор Роберт Такер. Так Стивен Коэн приступил к изучению страны, о которой еще некоторое время назад не имел никакого представления. Но его волновала не просто история России. Путешествие по неизвестной стране, встречи с людьми, вопросы, которые он услышал, пробудили в нём самом немало встречных вопросов, на которые Стиву уже тогда хотелось найти ответы. И среди ключевых – вопрос о том, была ли обречена страна, совершившая величайшую социальную революцию, на тотальный террор государства против своего народа? Проще говоря, была ли альтернатива сталинизму? Таким образом, Стивена Коэна уже с самого начала влекла история политического устройства Советской России.

Но откуда в молодом человеке из Кентукки такая тяга к изучению исторических альтернатив?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к юным годам Стивена Коэна и к среде, в которой он рос.

Стив родился в конце 1938 года в Индианаполисе, в еврейской семье, глава которой обанкротился в годы Великой Депрессии. Штат Индиана, однако, не стал родным для Стива, поскольку весной 1939 года его отец получил работу в соседнем Кентукки, в городе Овенсборо, расположенном на южном берегу реки Огайо... Кентукки находится в самом центре

Америки, во многом соединяя американские Север и Юг, Запад и Восток. Большую часть штата занимает Аппалачское плато, но западная часть Кентукки, где находится Овенсборо, представляет собой равнину, идеально пригодную для выращивания сельскохозяйственных культур, прежде всего табака и кукурузы. Именно аграрный сектор привлекал в эту часть штата множество черного населения из южных штатов. Соединялись здесь и культуры черной и белой Америк, и вовсе не случайно, что именно Кентукки является родиной Билла Монро (Bill Monroe) и музыки блюграсс, а также местом, откуда вышли в музыкальный мир всемирно известные братья Эверли (Everly Brothers)...

Однако, по законам того времени, черное и белое население проживало раздельно. Все большие и малые американские города, особенно на юге, были поделены чертой (как правило, определенной улицей), переходить за которую не решались ни белые, ни черные. У них были раздельные церкви, школы, клубы, кафе, транспорт, футбольные и баскетбольные чемпионаты. Словом, на глазах всего мира существовали как минимум две Америки – черная и белая, и было очевидно, какую именно из этих Америк обслуживает государство и правящий класс... И здесь надо иметь в виду, что в детстве Стив посещал с отцом местную синагогу – нечто, что находилось посреди двух церквей, черной и белой. Также отметим, что няней Стива была чернокожая женщина, несколько раз водившая его на воскресную службу в баптистскую церковь для афроамериканцев. Это значит, что уже с детства Стив имел четкое представление об альтернативе. Ребенком, он, конечно, не подвергал сомнению существующие законы, в том числе и законы апартеида, но в его сознании, несомненно, уже откладывались впечатления, которые с годами породили вопросы: «почему моя страна не живет по тем заповедям, которые еженедельно провозглашаются с кафедр всех трех церквей?» и «почему я, гражданин страны, декларирующей свободу и равенство, не могу дружить со своими черными согражданами, почему это опасно?»...

Подобными вопросами задавались в те годы миллионы сверстников Стива по всей Америке. Это было началом борьбы за гражданские права черного населения, за достоинство

нации, за ее будущее, и именно поколению Стивена Коэна предстояло разрешить, наверное, самую важную проблему в истории своей страны – расовую. Вот откуда в студенте из Университета Индианы такая тяга к познанию альтернатив! Вот почему он, после того как побывал в Советской России и открыл для себя трагическую историю её народа, тотчас задался вопросом о том, можно ли было избежать этой трагедии? И с этим вопросом он пришел к профессору Роберту Такеру.

Большинство историков, исследовавших советскую историю, считали, что альтернативой Сталину был Лев Троцкий. Но Роберт Такер к их числу не принадлежал. Он был вдумчивым исследователем и знал, где надо искать действительную альтернативу. Он рекомендовал своему студенту изучать Новую Экономическую Политику и так называемый «правый уклон» в ВКП(б). При этом Такер не назвал ни одного имени. Имя всплыло сразу же после того, как Стив погрузился в источники – Николай Бухарин. С этого момента Бухарин становится частью биографии историка из Кентукки.

Итак, Стивен Коэн стал изучать историю НЭПа, историю «правого уклона» и биографии его вождей, прежде всего Бухарина. Таким образом, он стал изучать альтернативу сталинизму. Это значит, что, сам того не ведая, Коэн погрузился в советскую политику – не в абстрактную, не во вчерашнюю, а в реальную, животрепещущую, ждущую своего часа, ибо вопрос об альтернативе витал не только в головах наиболее просвещенных советских исследователей вроде Михаила Яковлевича Гефтера, но и в головах некоторых советских вождей: известно, что вопрос о реабилитации Бухарина встал еще во времена хрущевской оттепели, но Хрущев попросту не успел его решить...

Но почему Бухарин? Почему такая проблема с его реабилитацией?

Да потому что политическая реабилитация Бухарина – это признание не столько его исторической правоты, сколько признание того курса, символом и выразителем которого он был, а это означало, что многоукладная экономика, включающая частную собственность, вовсе не чужда идеям социализма. Но многоукладность в экономике тотчас привела бы и к полити-

ческим реформам, без которых огромная страна задыхалась. Проще говоря, вместе с Бухариным в жизнь страны вошла бы и его доктрина – губительная для сложившейся в стране системы государственного монополизма.

В начале шестидесятых Стивен Коэн взялся за биографию Бухарина, которая стала его докторской диссертацией. На самом деле Коэн даже не предполагал, что пишет политическое пособие для будущих «перестройщиков», своеобразное алиби для тех, кто надеялся удержать СССР «в рамках социализма». Словом, Стивен Коэн невольно сделал всё, чтобы оказаться втянутым в планетарный политический процесс – поскольку демонтаж сталинского государства был проблемой мирового уровня. Счастливая участь для любого ученого!

Между тем еще в середине семидесятых о существовании Стивена Коэна в России не знали. Он благополучно преподавал историю в Принстонском университете, куда пришел вслед за Такером в 1968 году, и готовил издание биографии Бухарина. Когда же книга вышла, на неё обратили внимание исследователи и журналисты, справедливо полагавшие, что книга окажется полезнее в России, нежели в Штатах. О новой книге сообщили по «вражьи голосам», к которым прислушались в России, и особенно в Москве, на улице Кржижановского. Так Анна Михайловна Ларина узнала о вышедшей на Западе биографии ее мужа и впервые услышала имя автора – американского историка Стивена Коэна. Шел 1974 год.

А еще через год они встретились! И для Коэна, и для Анны Михайловны, и для всей ее семьи появление Стива в их жизни стало судьбоносным событием. С той поры Коэн стал частью семьи Анны Лариной. С обретением Анны Михайловны Стивен Коэн лишился главного, чем должен руководствоваться историк-исследователь, – он перестал быть беспристрастным к предмету своего изучения. Теперь Россия приобрела для него черты необыкновенной женщины, некогда одной из красивейших в Москве, но волей судеб оказавшейся в центре политической борьбы, ставшей её жертвой, но все же перенесшей муки ада и вышедшей из него несломленной. С тех пор Стивен Коэн бывал в Москве десятки раз, в самых разных качествах и с самыми разными миссиями, но при любых обстоятельствах он, обвешанный сумками с «запрещенными» книгами

и подарками, прежде всего стремился в дом к Анне Михайловне Лариной, и история его отношений с семьей Бухариных – это совершенно отдельная и сугубо личная тема. «Он приоткрыл над Бухариным крышку гроба», – образно оценивала роль Стивена Коэна вдова Николая Ивановича.

Между тем на повестку дня встал вопрос о переводе запрещенной книги на русский язык. Этим занялись сын Бухарина – Юрий Николаевич Ларин – и сотрудник Бухарина по его работе в «Известиях» – Евгений Александрович Гнедин. Когда перевод был готов, текст, при содействии того же Стива, переправили за границу и там издали. Так на свет появилась толстая книга в мягкой красной обложке. Книгу эту нелегально завозили в Москву, зачитывали до дыр, делали пометки и выписки, передавали из рук в руки, но главное – над книгой задумывались.

В конце концов биография Бухарина попала в руки генерального секретаря ЦК КПСС. Когда точно это произошло – неизвестно. Но то, что книга повлияла на Михаила Горбачева и на его политический курс, – очевидно. Сам он, при своем знакомстве со Стивеном Коэном в 1987 году, признался, что книга оказалась «очень полезной». Стив до сих пор гадает, почему Горбачев произнес именно это слово, хотя в ответе Горбачева всё очевидно: ему нужен был исторический аргумент, позволявший бы делать новые шаги по либерализации экономики, но, непременно в рамках существующей политической системы, включающей КПСС с её руководящей ролью. Бухарин как наследник Ленина времен НЭПа, как альтернатива сталинизму – лучше всего подходил для этой роли.

Сейчас мы видим, что это была своеобразная соломинка, за которую хватались наиболее трезвомыслящие деятели из правящего класса и интеллектуальной элиты, поддерживавшей Горбачева, – историки, журналисты, литераторы, публицисты из поколения так называемых «шестидесятников». Вот тогда-то и потребовался Стивен Коэн генсеку. Не как историк, но как политолог, могущий рассказать американцам и миру о процессах, происходящих в СССР.

Стив зачастил в Советский Союз. Он стал желанным гостем в прогрессивных изданиях, интервью с ним печатались ежемесячно и широко обсуждались в обществе; его приглаша-

ли на радио и на телевидение, в студенческие и академические аудитории; о нем сняли документальный фильм, и этот фильм с успехом показали по телевидению; наконец, самые высшие инстанции доверили Стивену Коэну сделать телеобращение с Красной площади во время первомайской демонстрации 1989 года. Это была самая настоящая популярность. Его узнавали таксисты и домохозяйки, а на измайловском вещевом рынке стали продавать модные значки с надписью «Я споКОЭН»; его книга, еще вчера запрещенная, была уже по несколько раз всеми прочитана, но в издательстве «Прогресс» – самом прогрессивном в то время – подоспел отечественный вариант книги, так что биография Бухарина разошлась по стране, и студенты-историки сдавали по ней экзамены. Надо ли говорить о том, что со Стивом в то время были дружны многие известные публицисты, редакторы и издатели, поэты и писатели, историки и политики? Он был, что называется, в моде. Да что там мода? Он слыл другом самого Михаила Сергеевича, а это в такой стране, как Россия, поважнее всего прочего. Я вспоминаю чествование Стивена Коэна во дворце приемов американского посла на Арбате: столы ломились от яств, а от знаменитостей рябило в глазах! А какие были речи!!! Это был триумф пятидесятилетнего ученого, советолога, профессора. Это был апогей Перестройки и ее лидера. Это было время возвращения Николая Бухарина и творческого взлета Анны Михайловны, у которой вышла книга воспоминаний.

Но триумфы, как известно, длятся недолго.

Стив поведал мне о любопытном диалоге, случившемся во время заседания политбюро где-то в 1987 году. Горбачев высказал мнение о том, что пора бы, наконец, реабилитировать Бухарина и других лидеров «правого уклона». Все промолчали, за исключением Б.Н. Ельцина, который высказал сомнения: «Не рано ли?» – «Нет, Борис Николаевич... Слишком поздно», – ответил Горбачев.

Не знаю, правда ли это, но в любом случае диалог двух политиков-антагонистов символичен. Горбачев, конечно же, прав: политическая реабилитация Бухарина и обращение к его экономическому наследию, равно как и стремление во что бы то ни стало сохранить политическую систему – запоздали как минимум на четверть века. Это было актуально во времена

Хрущева, и, если бы Никита Сергеевич решился на реабилитацию Бухарина в начале шестидесятых, – у «социализма с человеческим лицом» еще был шанс какое-то время продержаться. Но к началу девяностых в республиках Советского Союза и в самой России уже всюду развивались иные процессы, в одночасье отбросившие прочь все идеи по сохранению социализма и его идеологов.

Возвышение Ельцина, создание структур власти, параллельных союзным, бестолковое топтание на месте самого Горбачева, отсутствие с его стороны последовательных шагов на пути к демократии, угроза реванша со стороны консерваторов и прочее, включая борьбу за власть в союзных республиках, – привели в 1991 году к августовскому путчу и, как следствие, к развалу СССР.

Началась новая история, в которой не оказалось места ни Бухарину, ни самому Горбачеву. Анна Михайловна, едва оправившаяся от звания «жена врага народа», только-только испытывавшая радость от торжества справедливости, вновь оказалась там, где была. Теперь её муж выставлялся как главный пособник большого террора, не жертва, а, наряду со Сталиным, один из создателей Большого Террора. Ее перестали приглашать на встречи, на конференции, на торжества, с ней перестали общаться журналисты, и она, как это было раньше, – замолчала. И даже известный документальный фильм об Анне Лариной сняли не мы, а американцы.

Но что же Стив?

Вовлеченный в большую политику, он должен был следовать за её течением и изменяться в зависимости от политической конъюнктуры, как это делали большинство его вчерашних почитателей и приятелей. Но Стивен Коэн дал понять, что он ученый, а не политик, что его, историка, интересуют политические процессы, происходящие в России, но не участие в политике. Он неоднократно подчеркивал, что является преподавателем истории и обязан доносить до студентов свое видение того, что происходит в посткоммунистической стране, а не быть полпредом радикальных экономических реформ, с которыми Коэн-ученый был с самого начала не согласен. Эта его позиция была продиктована, прежде всего, отвержением фигуры Бориса Ельцина, в которой он видел угрозу России. Еще в 1991 году он сказал: «Ельцин – это война». Меня потрясла

эта жесткая фраза, так как в Ельцине я видел пусть и неидеального, но реформатора, искренне желавшего своей стране процветания. Мы разошлись со Стивом в оценке Ельцина и его реформ, но не перестали быть друзьями, потому что нас объединяло нечто более важное, чем политика, – Анна Михайловна Ларина.

Но в целом отношение к Стиву коренным образом изменилось. Его перестали публиковать в демократических изданиях, его не приглашали на встречи, не давали трибуну для выступлений, ему был заказан вход на телевидение, его сторонились академические круги. Вчерашние друзья перестали с ним иметь дело, отвернулись и именовали не иначе как пособник коммунистов, консерватор и так далее. В 1992 году Егор Владимирович Яковлев упрекал меня за то, что я дружу со Стивом: «Чего ты возишься с ним, он же с коммунистами?». А другой Яковлев, Александр Николаевич, некогда благоволивший к Коэну, «не заметил» его во время одного из торжественных приемов в США. Тогда Стив подошел к нему и спросил, в чем дело? И Яковлев категорично ответил: «Ты, Стив, стал ужасным консерватором». Уточним, что такое обвинение бывший член политбюро, коммунист, вчерашний горбачевец и перестройщик бросил гражданину США, профессору истории Принстонского университета, никогда не принадлежавшему ни к коммунистам, ни к социалистам, ни к кому-либо еще!

Но как относились к Стиву в самих Соединенных Штатах? Примерно так же. На арену вышли иные советологи, теперь просто советники, которые в тесной взаимосвязи с тогдашним правительством России проводили экономические реформы. Нужда в ученом, всю свою жизнь изучавшем Советский Союз, его традиции, особенности его политической системы и государственного устройства, отпала.

Наш знаменитый писатель-эмигрант Вадим Синявский, встретившийся со Стивом в Нью-Йорке, сказал ему: «Знаешь, Стив, мы с тобой – последние товарищи». И добавил: «Подожди. Все станет на свое место».

И действительно, все случилось очень скоро. Отрезвление последовало даже быстрее, чем ожидалось. И если после расстрела парламента в октябре 1993 года еще были у кого-то сомнения относительно политического курса России, то с началом

войны в Чечне вчерашние критики Стивена Коэна, по сути, присоединились к нему, а наиболее дальновидные уже тогда предвидели крах демократической России. Вот что писал Лен Вячеславович Карпинский накануне первой чеченской войны, которая тогда еще именовалась «силовой операцией»: «Если чеченский позор сойдет с рук его инициаторам, которые голосовали, формулировали и подписывали соответствующие решения, то выход из чеченского противостояния неизбежно станет входом всей страны в диктаторский режим. В сущности, состоятся похороны славных демократических начинаний в великой стране» (Московские Новости, № 63, 11–14 декабря). Подчеркну, выдающийся публицист писал это за несколько недель до ввода танков в Грозный, но его предупреждений в Кремле уже не слышали: в России уже была иная политическая реальность – та, о которой еще раньше предупреждал Стивен Коэн.

Сейчас, спустя десятилетие, и даже больше, у нас много шума из-за того, что Владимир Путин уничтожает или уже уничтожил демократические завоевания, оставленные ему в наследство Борисом Ельциным. В стране, по сути, нет парламента, нет полноценного правительства, нет независимой судебной власти, ничего не значит Конституционный суд, да и сама Конституция – не демократическая; а кроме того, нет независимой прессы, нет полноценных партий, нет свободных выборов. нет ничего, что могло бы характеризовать политический строй России как демократический. Но зададимся вопросом: а когда все это исчезло? Когда перестала существовать публичная политика? Когда демократические выборы превратились в старосоветский фарс?.. Ответ очевиден – не сегодня. Парламент перестал быть таковым после его расстрела в 1993 году; полноценного правительства не стало, после того как все ключевые министры оказались переподчинены напрямую президенту; судебная власть независимой вообще никогда не была, члены Конституционного суда полностью подконтрольны Администрации; свободные выборы исчезли после чудачковатых выборов 1996 года, и тогда же исчезла публичная политика, уступив место подковёрной борьбе кремлевских кланов, и тогда же наружу вылезло унижительное для демократии слово «преемник». Свободная пресса и телевидение также были

переподчинены Кремлю. Все это случилось еще при Ельцине. Владимир Путин лишь довел дело до логического конца, действительно, став полноценным преемником политики Бориса Ельцина, направленной на сворачивание демократических институтов власти. Это значит, что нынешний политический курс – прямое продолжение курса, подготовленного и сверстанного при Ельцине. Обо всем этом и писал Стивен Коэн в своих статьях, книгах, очерках, – да кто же в России (тем более в Америке) его слушал.

Сейчас Стивен Коэн испытывает некоторую досаду, оттого что его предупреждения не были услышаны, что политика демократических реформ в России в очередной раз потерпела крах, что нет больше той страны, куда он приезжал, которую изучал и с судьбой которой он все еще связан. Ушли из жизни многие близкие друзья, приятели, бывшие товарищи по встречам, дискуссиям, спорам. Нет Михаила Гефтера, Отто Лациса, Владимира Тихонова, Лена Карпинского, Егора Яковлева. Уже больше десяти лет, как ушла в иной мир Анна Михайловна Ларина. Мало кого интересует Горбачев, еще меньше – Бухарин. Кажется, что и вопрос об альтернативе сталинизму заботит сегодня только редкие академические головы. да и заботит ли? Похоже, страна и ее народ устали от десятилетий реформ, которые сейчас кажутся чем-то ужасным, а само слово «демократ» вызывает у граждан либо ненависть, либо тоску, и все мечтания обращены вовнутрь своего собственного «я»: частные проблемы вышли на первое место, и, очевидно, надолго.

Так что же? У нас нет нужды в глубокомысленном обобщении и осмыслении того, что с нами происходило все эти годы? И нам более не нужен вдумчивый, честный и доброжелательный взгляд со стороны?

Да нет же. Скорее, наоборот. Именно сейчас и нужен нам добрый и вдумчивый взгляд со стороны, коль скоро сами мы на него теперь неспособны или попросту того не хотим. И если так – то нам еще пригодятся опыт и знания нашего старого друга Стивена Коэна, и, следовательно, рано ему откладывать в сторону свое перо и грустить о своей второй родине – России. Мы ждем от него новых книг, новых работ, столь же честных, столь же пронизательных и, конечно, столь же полезных.

II
ДВЕ
РОДИНЫ

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Александр АВЕЛИЧЕВ

Не все двери еще закрыты

As soon as histories are properly told
there is no more need of romances.

Walt Whitman, Leaves of Grass

And in the end, it's not the years
in your life that count.
It's the life in your years.

Abraham Lincoln

Дорогой Стив, размечая по привычке календарь на 2008 год, сразу же подчеркнул в нем ждущую тебя в следующем ноябре круглую дату. Вспомнил в этой связи и о двух бухаринских годовщинах, поскольку имя Николая Ивановича связано в моем сознании не с исследованиями советских историков, но с тобой и твоей книгой. Благодаря тебе Бухарин вновь обрел в глазах многих моих соотечественников человеческое лицо и даже смог заговорить голосами выживших чудом членов семьи – Анны Михайловны и Юры. Сев за написание этого письма почти за год до твоего юбилея, я решил дать ему вылежаться до поры до времени в ящике письменного стола. С учетом особых обстоятельств, которые побудили меня взяться за перо, я предпослал ему целых два эпитафия, присутствие которых в тексте, вопреки всем каноническим законам жанра, показалось мне оправданным и целесообразным.

Круглые даты неизбежно настраивают на торжественный лад. Сколько помпезных од и лживых панегириков было создано за длинную историю человеческого рода поэтами-лауреатами по поводу той или иной даты в биографии страны или человека, округленной магическим нулем. Постараемся избежать опасного искуса.

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О З Н А

Размышляя о жанре будущего послания к тебе, я понял, что мне хочется прежде всего поддержать твоё извечное человеческое и профессиональное желание идти дальше, испытывая неослабевающий с годами интерес к каждому факту, небольшой детали, контексту и интонации подлинной, не придуманной Истории. Твоя, давно мной подмеченная, неудовлетворенность сделанным, напомнили мне об ином, столь же требовательном к себе и к своему творчеству человеку, который когда-то написал следующие слова:

«С шестилетнего возраста во мне проявилась страсть к рисованию форм предметов. К пятидесяти годам я создал бесконечное множество рисунков, но все, что было создано мною до семидесяти лет, далеко от идеала. Только в семьдесят три года я начал приближаться к пониманию истинной природы зверей, трав, деревьев, птиц, рыб и насекомых. Это значит, что я достигну еще большего к восьмидесяти годам, в девяносто проникну в тайны вещей; в сто лет достигну несравненно высокого уровня и, когда мне исполнится сто десять, каждая созданная мною точка, линия внезапно оживут и наполнятся жизнью. Я предлагаю всем, кто проживет столько же, сколько и я, проверить, сдержу ли я свое слово» (Hokusai).

Чтение Хокусаи подсказало мне, о чем и как написать тебе, Историк и Человеку, в этом послании. Я обещаю не писать тебе: о тебе самом, о твоих заслугах, о твоих достоинствах. Я просто пошлю тебе очередную пригоршню известных мне лично фактов и непридуманных свидетельств о жизни людей и страны, которой ты посвятил и еще посвятишь, не сомневаясь, многие годы серьезных исторических штудий. В известной степени, как ты увидишь ниже, мой рассказ связан с теми вопросами, которые ты задавал мне разные моменты нашего почти двадцатилетнего знакомства, но на которые по тем или иным причинам я не ответил тебе ранее.

*
* *

Итак, позволь мне начать издалека. Я имел счастье родиться в стране бесконечных переизданий «Краткого курса», в краю суверенной социалистической демократии и свёрнутых в бараний рог (для красоты и удобства граждан) истин.

Ты увидел впервые свет солнца и звезд в Кентукки, и неожиданно для своей семьи и, думаю, для самого себя, посвятил значительную часть жизни изучению советской истории, открывая стертые имена, сознательно забываемые и искажаемые события, восстанавливая истину и поименно называя истинных же героев советского эпоса.

В школе и в университете я учил советскую историю по учебникам, в которых, в определенный период времени («Краткий курс» обязывал), в предельно кратком списке действующих лиц исторической драмы 20 века, кроме двух самых главных вождей – Ленина и Сталина, оставались еще только Молотов-Ворошилов-Буденный-Котовский-Стаханов и появлялся временами маршал Жуков (верхом на коне). Все остальные были политическими шаржами и карикатурами, гиенами или шакалами.

Тебе, американскому историку, вход в наше прошлое открывался с парадного подъезда (не в смысле торжественного приема, который ждал тебя за дверями, а в смысле свободы доступа к коллекциям архивных документов и свидетельств). Я, как и все мое поколение, был для Пименов официальной советской историографии кухаркиным сыном, от которого необходимо было спрятать правду, чтобы не расстраивать социально-политическую гармонию самого справедливого общества на Земле.

В сознании моих сверстников чтение учебников по истории порождало эффект театра исторического абсурда, где за кулисами девственно пустой сцены, обрамленной пышными декорациями слышны были едва различимые реплики недоступных глазу безымянных персонажей, и где гипнотические голоса кремлевских любомудров вели недоступные для непосвященных словесные баталии с совершенно неизвестными нашему поколению лицами, о которых нам было достоверно известно лишь то, что они являются носителями заведомо вредоносных идей.

Эта штука в постановке академического Большого Театра Советской Власти, была посильнее дантовского Ада. Картина советской официальной истории XX века напоминала дом с привидениями, где что-то бесконечно ужасное и загадочное охает и ахает в густой тьме этажей и коридоров, пробуждая в душах мистический ужас и священный трепет.

Однако знания, почерпнутые мной (нами) из официальных учебников, ежедневно пополнялись и корректировались живой жизнью, входившей с ее школьным изображением в диалектическое противоречие. Жизнь, в отличие от упрощенной схемы исторического процесса, наполнилась живыми деталями и персонажами.

...Мне где-то 5–6 лет, мы живем в Алма-Ате. Как-то однажды отчим, ведя меня за руку по дороге, по которой до того мы уже сотню раз проходили, направляясь в городскую баню, показывает украдкой на зеленый высокий забор, через щели в котором можно разглядеть небольшой дом с приделами, стоящий в буйно разросшемся саду: «Запомни, сынок, в этом доме давным-давно жил Троцкий». – Кто такой Троцкий? – Вырастешь, узнаешь».

Но еще до того, как имя Троцкого перестало быть для меня тайной, отчим, будучи уже тяжело больным, рассказал мне о том, как на глазах у него, четырехлетнего мальчишки, в 1918 г., в селе Волчиха Барнаульского уезда красногвардейцы зарубили шашкой отца, который отказался отдать им свою лошадь, единственную кормилицу многодетной крестьянской семьи. Не сразу поняв, что произошло, не понимая, почему отец лежит посреди двора, накрытый вынесенной из дома шинелькой, четырехлетний мальчуган тоже забрался под нее и навсегда запомнил последнее тепло быстро остывающего отцовского тела. Мой отчим – офицер-пограничник, внешне далекий от романтики и сентиментальности человек, прежде никогда и никому не рассказывал о пережитом в детстве ужасе, но, как оказалось, втайне пронес эту незарастающую травму через всю жизнь.

Совсем незадолго до смерти он открыл мне еще одну из своих ран, рассказав, как в 1944 г. их, солдат Советской армии, служивших на границе с Китаем, без всяких объяснений посадили в теплушки и повезли в неизвестном направлении. Все думали – на фронт, а оказалось – в Чечено-Ингушетию. По прибытии на место им было приказано участвовать в операции по выселению чеченцев с Кавказа в Среднюю Азию. Ночь, окружение войсками аулов, спящие прожектора, плачи женщин и детей, проклятья, грузовики, теплушки, долгий путь в Казахстан, подписка о неразглашении. «Я всю жизнь стыжусь этого воспоминания. Ты даже не можешь предста-

вить себе, сынок, в каком преступлении меня заставили участвовать» – говорил отчим.

Лишенная деталей, персонажей, их живых голосов, подвигов и поступков, любая история превращается в миф. Так было и так будет всегда.

Еще одно воспоминание из детства. Неоднократно спрашиваю у мамы: «А что случилось с твоим папой? От чего он умер?». Всякий раз она переводит разговор на другую тему. Лишь много позднее из ее рассказов я узнал, что мой дед Роман Тихонович Годяев, инженер-телеграфист, был направлен в середине 30-х годов в Туркестан строить телеграфные и телефонные линии. Жили в Ташкенте. В жарком августе 1939 г. дед был арестован за опоздание на работу (опоздал он вместе со всем рабочим поездом, в котором ехал на степной объект) и осужден в тот же день за саботаж. Это было время священной борьбы со спецами-саботажниками. Примерно через три недели семье сообщили, что дед умер в тюрьме от воспаления легких. После XX съезда мама и бабушка неоднократно посылали запросы в различные инстанции Москвы и Ташкента, но ни разу не получили ни одного определенного ответа. В ташкентской тюрьме мой дед, как в воду канул.

Зачем и почему я об этом пишу?

Во-первых, потому что ты профессионально и по-человечески интересуешься именно этим периодом советской истории, тридцатыми годами. Одна-две новых детали безусловно не способны повлиять на уже сложившуюся в твоём сознании картину, но могут оказаться потенциально полезными при очередной необходимости противостоять попытке ревизовать все то, что было сказано о советской истории на протяжении последних двадцати лет. Думаю, не только мне одному сегодня становится тошно, когда в очередной раз приходится слышать и читать о непозволительных преувеличениях преступлений сталинского времени и т. п. Таких попыток (прежде всего официальных, уже нашедших отражение в новом учебнике истории для российских школ) становится в последнее время все больше, и это крайне опасно для страны и ее нравственного здоровья. Поэтому, вероятно, мне показалось необходимым впервые написать тебе о некоторых деталях истории моей собственной семьи.

Во-вторых, мне хотелось таким незамысловатым образом еще раз воздать должное Его Величеству историческому факту, на основании которого только и должно проводить осмысление истории, поскольку подгонка фактов под заранее заготовленную концепцию очередного «Краткого курса» представляет кратчайший и неоднократно испробованный путь к новому историческому тупику. Но закончу с этим и продолжу обещанное повествование.

Дорогой Стив, несколько лет назад, по твоей просьбе, я довольно детально написал тебе о «тайной (закулисной) истории» издания в СССР твоей замечательной книги о Н.И. Бухарине, которую я и по сей день высоко ценю. Упомянул я в том письме и знакомое мне до нашей первой личной встречи «издание биографии Бухарина в красной обложке» Ardis'a. Поскольку я отлично видел, что твое любопытство удовлетворено не полностью, воспользуюсь случаем, чтобы добавить к ранее сказанному несколько новых для тебя деталей, относящихся к предыстории нашего знакомства в стенах «Прогресс».

Я расскажу тебе о некоторых аспектах жизни этого издательства, мало известных широкому кругу людей. В помощь самому себе я переведу специально для тебя несколько страниц из тех кратких воспоминаний, которые, как ты знаешь, я написал на французском языке для одного канадского издателя. Предполагалось, что ты напишешь вступление к этой публикации. По независящим от нас причинам она тогда не состоялась. Но это не помешает мне послать тебе сегодня (как ты об этом как-то меня попросил) несколько слегка причисанных страниц из заинтересовавшей тебя рукописи...

*
* *

...Издательство «Прогресс», хорошо известное своими книгами на десятках иностранных языков во многих странах мира, было основано в 1931 году под названием Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР. В начале 80-х годов, когда я пришел в издательство, и даже еще в середине 80-х в коллективе были живы и бережно сохранялись прогрессовскими ветеранами некоторые партийные традиции эпохи Коминтерна (1919–1943). Предметом особой гордости являлось то, что в предвоенное и в военное время в стенах издательства

работали многие руководители европейских компартий (Морис Торез, Долорес Ибаррури, Георгий Димитров и др.). Неудивительно, что значительное место в деятельности «Прогресса» занимало издание на иностранных языках классиков марксизма, которое лишь дополнилось со временем рядом современных политических публикаций, университетских учебников для развивающихся стран, словарей, художественной литературы, фотоальбомов и т. д. Однако, несмотря на большие объемы выпуска, книги на иностранных языках были лишь одной из сторон издательской пирамиды, стороной, обращенной вовне страны.

Другая сторона деятельности была представлена изданиями иностранных авторов в переводе на русский язык. Благодаря этому направлению большое количество произведений зарубежных авторов, масса инновационных идей, плеяда всемирно известных имен (среди многих десятков имен – Илья Пригожий, Арнольд Тойнби, Роман Якобсон, Мирча Элиаде и позднее Джордж Оруэлл, Олдос Хаксли, Алексис де Токвиль, Зигмунд Фрейд, Карл Поппер, Дж.К. Гэлбрейт, Аурелио Печчеи, Роберт Таккер, Стив Коэн, Александр Рабинович и многие др.) были введены или возвращены после долгого перерыва в научный и культурный оборот страны.

Именно благодаря своим переводным изданиям издательство «Прогресс» особенно ценилось интеллигенцией, которая всегда считала, что этому издательству многое дозволено. В этом не было, впрочем, ничего удивительного, поскольку такого же мнения придерживались и многие московские коллеги-издатели, объяснявшие себе некоторые наши издательские удачи неким таинственным покровительством верхов. Но мне-то было доподлинно известно, что эта кажущаяся внешняя свобода существовала лишь в воображении стороннего наблюдателя, принимавшего зачастую конечный результат многоходовых комбинаций за условия и изначальные правила самой игры.

И наконец, в стенах издательства существовало и еще одно не афишируемое на публике направление наших публикаций. На протяжении многих лет под грифами «секретно», «для служебного пользования» или «рассылается по специальному списку» издательство осуществляло выпуск на русском языке многочисленных книг антисоветского содержания.

Речь шла о регулярном издании тиражами в несколько единиц, десятков или сотен нумерованных экземпляров книг, читателями которых становились высшие кадры советской и партийной номенклатуры. Для каждой новой книги имелся особый список рассылки, в соответствии с которым издания рассылались адресатам по каналам ЦК, МИД СССР, Минобороны, КГБ и, случалось, ГРУ! Эти организации заказывали нам перевод книг, запрещенных в СССР, для нужд аналитической работы своих подразделений. Для заказа и быстрого приобретения новинок за рубежом у нас имелись необходимые валютные ресурсы, уполномоченные для приобретения книг (как правило, жены послов в различных странах), а также услуги диппочты.

Редакция специзданий «Прогресса» была совершенно уникальной ячейкой в системе советского книгоиздания и позволяла подчас инициировать и осуществлять самые неожиданные публикации по самым невероятным поводам.

В 1983 г., вскоре после принятия закрытого постановления ЦК КПСС по вопросам контрпропаганды, Б.Н. Пастухов, сменивший Б.И. Стукалина на посту председателя Госкомиздата СССР, возложил на меня, тогдашнего главного редактора «Прогресса», функции ответственного секретаря Межведомственного Координационного Совета по контрпропаганде. В этом символическом качестве мне довелось несколько раз (до тех пор пока все Советы по контрпропаганде не почтили в бозе вслед за их творцами из ЦК) придумывать и готовить тематику заседаний, проводившихся Госкомиздатом СССР примерно раз в три месяца совместно с представителями МИД, ТАСС, АПН, ВААП, Государственного Таможенного Комитета, Минсвязи, Межкниги и КГБ. Иногда темы для обсуждения черпались из шифровок совпослов, желавших показать Центру эффективность nasкоро сочиненных зарубежных Советов по контрпропаганде. Иногда, их подсказывала сама жизнь.

В 1984 году центральной темой Франкфуртской международной книжной ярмарки должен был стать роман Джорджа Оруэлла «1984», который я прочел впервые по-французски еще в 60-е годы, находясь в Алжире, и хранил с тех пор в своей библиотеке. В рамках моих полномочий секретаря межведомственного Совета по контрпропаганде и имея в своем подчинении редакцию специзданий, в конце 1983 г. я написал

записку в Международный Отдел ЦК с предложением о подготовке советских пропагандистов к тому, чтобы «дать энергичный отпор планируемой подрывной акции со стороны нашего идеологического противника». Для обеспечения такой подготовки предлагалось подготовить в кратчайшие сроки выпуск в свет под грифом «для служебного пользования» романа Джорджа Оруэлла с предисловием известного журналиста-международника, тогдашнего руководителя пресс-центра МИД СССР, а позднее – Посла СССР в Португалии Геннадия Герасимова. С Г. Герасимовым, который все прекрасно понимал без лишних слов, у нас уже была предварительная договоренность. Более того, существовал и готовый анонимный (а на деле не более анонимный, чем секрет Полишинеля) перевод, известный многим по московскому самиздату. Решение ЦК не заставило себя ждать и роман Дж. Оруэлла в замечательном переводе В.П. Гольшева, был опубликован летом «юбилейного» года тиражом 1,5 тыс. экземпляров и разослан по партийным инстанциям вплоть до уровня секретарей тогдашних обкомов КПСС. Тогда было совершенно невозможно предвидеть, что всего пятью годами позже, в 1989 году, мы сможем еще раз вернуться к этому тексту и вновь публиковать Джорджа Оруэлла вполне открыто, да еще и совершенно фантастическим тиражом 200 тысяч экземпляров.

С момента моего прихода в «Прогресс», среди многочисленных служебных обязанностей на меня было возложено и оперативное курирование редакции специзданий. В этом подразделении трудилось около 20 человек, отобранных для работы при прямом участии КГБ и совершенно незаметных в обычной сутолоке редакционных коридоров огромного московского издательства. Некоторые из сотрудников редакции владели двумя-тремя языками и были прекрасными редакционными специалистами.

Редакция специзданий, вся ее переписка, рукописи, документы и архивы находились под жестким контролем со стороны еще одного ответственного сотрудника, занимавшего официальную должность помощника генерального директора издательства «Прогресс». Эта уникальная должность существовала только в издательстве «Прогресс» и традиционно была занята генералом или полковником КГБ, назначаемым (в ожидании нового и более интересного поста) по личному пред-

ставлению начальника 5-го Главного Управления КГБ СССР (борьба с инакомыслящими). В те годы это был генерал армии Филипп Денисович Бобков.

Мне довелось поработать в «Прогрессе» с двумя генералами и тремя полковниками. Нужно было быть слепым как китайская обезьянка, чтобы не видеть очевидного: помощник директора выполнял в издательстве самые разнообразные функции, которые ему определялись Лубянкой, и о которых он естественно не информировал своего непосредственного начальника в «Прогрессе». Одной из основных его забот было руководство сетью осведомителей, организованной и достаточно вольготной существовавшей в коллективе. Это создавало понятные и многочисленные сложности в работе, ставшие особенно заметными и нетерпимыми в начале перестройки, когда мы делали все возможное для обновления и расширения тематики наших изданий¹.

С молчаливого согласия и при неявной, но реальной поддержке ЦК мне пришлось на протяжении определенного времени заняться довольно решительным пересмотром места, которое, еще с 30-х годов, отводилось этой контрольной ячейке в структуре издательства. Влияние помощников директора на климат в коллективе и на дела в «Прогрессе» столь часто выходило за допустимые пределы, что было необходимо как-то на это реагировать. Работая с иноспециалистами, иностранными авторами и партнерами было невозможно постоянно наткаться на присутствие чужого и далеко не всегда благожелательного и понимающего суть проблем взгляда. Достаточно высокая заинтересованность некоторых отделов ЦК в реше-

¹ Так, по поводу одного из проектов в записке 5 Главного Управления КГБ СССР (начало 1988 г), в частности, говорилось: «Оперативным путем получены материалы о подготовке к выпуску в издательстве “Прогресс” советско-французского словаря “Гласность”. Обращает на себя внимание тот факт, что французская сторона, которую представляет директор известного в Париже Советологического центра М. Ферро, пытается под предлогом наиболее характерных для перестройки в СССР терминов включить в него такие слова, как “Гулаг”, “диссидент”, “тоталитаризм”, “терроризм”, “забастовка” и т. д. Во-вторых, требует внимания к себе авторский коллектив, в котором с советской стороны привлечены лица, известные 5-му Управлению своим политическим нигилизмом, демагогией. Информация доложена руководству Управления». – Впервые опубликовано газетой «Россия», № 4(63), 22–28 янв. 1992 г.

нии этого вопроса была связана в основном с тем, что часть доверительной или просто конфиденциальной информации попадала на столы партийного руководства благодаря соседям с Лубянки, ускользя из поля зрения партийных наблюдателей и информаторов. В это время между партийным и чекистским аппаратом велась, попросту говоря, борьба за сферы власти и влияния, и никоим образом не стоял вопрос об освобождении общества от вездесущего ока КГБ. К резкому повороту советское общество было не готово, хотя и постепенно эволюционировало, утрачивая свой укоренившийся за долгие десятилетия страх перед органами...

Кураторство редакцией специзданий с 1982 по 1987 гг. требовало от меня быть в курсе значительного числа книжных и журнальных новинок по советской тематике, ежегодно появлявшихся за рубежом. В начале перестройки начали быстро меняться наши подходы к отбору публикуемых текстов, и целям публикации. На первый план стремительно выходили академические работы по малоизученным периодам советской истории. Зарубежные аналитические материалы по советскому обществу и истории КПСС, по возможностям конвергенции политических систем, по налаживанию диалога с государствами капиталистического мира составляют основу закрытых изданий этого времени. Одним из серьезных академических исследователей, постоянно привлекавших внимание редакции в те годы, и ряд статей которого, ранее опубликованных в различных американских изданиях (включая многие статьи в «Нью-Йорк Тайме»), переводился для нашего закрытого информационного бюллетеня, был профессор Принстонского университета Стивен Ф. Коэн. Для спецпользования и изучения мы заказывали в те годы практически все издания на русском языке издательства «Ardis», издательств Валерия Чалидзе, «Посев», ИМСА-Пресс и др. Не удивительно, что в «Прогрессе» имелось и «красное издание» биографии Н.И. Бухарина выпущенное несколькими годами ранее в переводе Е. Четвергова (Е. Гнедина) и Ю. Четвергова (Ю. Ларина)...

*
* *

Дорогой Стив, вот вкратце мой рассказ о том, о чем ты спрашивал некоторое время назад. Прими его в знак дружбы, в ка-

честве подсобного материала для твоей будущей работы и, быть может, для книги воспоминаний о тех Россиях, которые ты знал, знаешь и любишь. Переноса на бумагу эти страницы, я вновь с удовольствием окунулся в незабываемую атмосферу перестроечных лет. Знаменитая пресс-конференция в связи с выходом книги «Иного не дано». Круглый стол о перестройке в моем тогдашнем кабинете на Зубовском бульваре, который был организован совместно с «Огоньком» эпохи раннего В. Коротича, и на котором сошлись разом А.Д. Сахаров, Александр Гельман, Стив Коэн, Роберт Таккер, Питер Реддуэй, Игорь Клямкин, Павел Бунич, Николай Шмелев, Юрий Афанасьев, Леонид Баткин и мн.др. А помнишь вечер «Прогресса» в Центральном Доме кинематографиста, на сцене которого на несколько часов объединились столь разные по опыту, взглядам и мыслям люди, как А.Д. Сахаров, твой учитель Роберт Таккер, Стив Коэн, М.Я. Гефтер, Г.В. Старовойтова, В.Л. Шейнис?

Замечательное время, когда, как ты писал мне несколько лет назад, «it seemed that so many doors (possibilities) had been opened for Russia, the U.S., and the world. And now, 16 years later, are they all lost – for all of us?» (ноябрь 2004 г.).

Будем надеяться, дорогой Стив, что еще не все двери закрыты, что еще не все песни спеты и что все лучшие книги еще впереди.

Мы с Доминик тепло обнимаем тебя, Катю и Нику.

Твой Саша

P.S. Для твоих перестроечных архивов посылаю тебе одну фотографию лета 1988 г., чудом уцелевшую в моих бумагах несмотря на многочисленные переезды последних лет. На ней запечатлена пресс-конференция в «Прогрессе» по поводу только что выпущенной книги «Иного не дано». Через десять дней после этого я прилетел в Нью-Йорк и по сей день помню первую импровизированную читательскую конференцию в гостинице на Лексингтон с первыми читателями по ту сторону океана – Стивеном Коэном, Михаилом Шатровым и Кириллом Лавровым.

Нэнси АДЛЕР

Уважение и признательность

В моем кабинете у входа стоит чудесная фотография, запечатлевшая драгоценный момент: моя семья, собравшаяся вокруг камина в моем институте, со Стивом и Катриной в центре. Фото сделано в 2012 году, на презентации моей недавно вышедшей книги, и они специально прилетели в Амстердам, где я живу, чтобы принять в ней участие. Широкий жест, вполне в его духе.

Студенткой, когда я училась советологии в Барнард-колледже при Колумбийском университете в начале восьмидесятых годов, я с большим уважением относилась к работам Стива, но лично его не знала. Затем, в девяностые, когда я занялась изучением проблемы выживших в Гулаге, наш общий друг, Джонатан Сандерс, предложил мне связаться со Стивом, которого давно волновала эта тема. Это было почти двадцать лет назад. Во время ланча в его квартире на Риверсайд обнаружилось, что у нас с ним общая страсть – крайне неравнодушное отношение к судьбам, зачастую трагическим, этих необыкновенных людей, и с этого единомыслия начался наш совместный путь. Стив немедленно дал мне ключи от своего кабинета в Принстоне, чтобы я могла копаться в его объемном архиве, посвященном возвращенцам, который он собирал десять лет. С той поры, год за годом, я то и дело моталась в Принстон, чтобы отправить по почте очередные коробки в Амстердам и всякий раз получить от Стива охапки – если не грузовики – материалов. Все это сопровождалось компетентными советами, подсказками, порой острой критикой и всегда теплой поддержкой. Стив был открыт для диалога со мной, и я

очень много почерпнула для себя из его глубоких и интересных наблюдений.

Было ясно, что из нашей «гулаговской» связи родилась большая дружба. Стив, Катрина и Ника стали неизменными участниками нашего семейного новогоднего застолья в Нью-Йорке, где живет моя мама, и с тех пор каждый Новый год мы встречаем вместе. Когда у меня родились близнецы, Зое и Ноа, Стив лично взялся отучить мою дочку от пустышки, что запечатлено на замечательной фотографии: он просто держит соску на расстоянии, так, чтобы она не могла дотянуться. Учитель всегда и во всем! С такой же нежной заботой Стив взял под свое крыло Ноа, давая ему другие жизненные уроки. Когда мы познакомились со Стивом, Нике было четыре года. Мы с моим мужем Робом и детьми были счастливы наблюдать за ее превращением в красивую и умную молодую женщину, которой она стала.

В истории нашего общения со Стивом было великое множество забавных, смешных и необычных случаев: мы неоднократно встречались в Москве (как минимум, однажды Стив представил меня Михаилу Горбачеву); мы терялись в Новом Орлеане в такси, водитель которого не говорил ни на одном известном нам языке; я смертельно обижала Стива, когда перед «круглым столом» в Бостоне, который я устроила по поводу его книги *Soviet Fates and Lost Alternatives*, спросила, собирается ли он переодеться для выступления (он был, как обычно, в джинсах и без галстука); мы обедали вместе на бульваре Сансет в Голливуде (ньюйоркец Стив, житель Верхнего Вестсайда – на Западном побережье!). Ни одна из наших встреч не была ординарной, и, я уверена, что всякий, кто общался со Стивом (и, конечно же, Катрина), скажет то же самое.

Неотъемлемой частью научной деятельности Стива является его социальная и политическая активность. Продолжая совершенствовать свое пионерское исследование жизни и творчества одного из большевистских отцов-основателей Бухарина, он счел своим долгом представить пронзительные тюремные рукописи Бухарина англоязычной аудитории. Он также является мотором деятельности Музея Гулага в Москве. Что касается его непосредственно научной и творческой работы, ее от-

личает не только глубокое, накопленное за долгие годы экспертное знание, но и непревзойденный талант рассказчика и острый взгляд нестороннего наблюдателя, делающего выводы из личных встреч, разговоров, интервью с главными действующими лицами (видными гулаговцами, политиками, историками). Его тексты очень эмоциональны, написаны живым и понятным, доступным обычной публике языком, в то же время его неизменно обширные и подробные примечания делают работы Стива неисчерпаемым и важным источником для ученых. Кроме того, Стив не боится малохоженных дорог – и даже вообще нехоженных – и часто предлагает нешаблонные ответы на самые сложные вопросы.

Но для нас, тех, кто пытается понять и оценить значение советского опыта для создателей, преданных сторонников и жертв системы, возможно, одна из главных заслуг Стива – с точки зрения истории, политики и даже цивилизации – не ответы, которые он предлагает, а вопросы, которые он перед нами ставит.

Знаю, что говорю от лица многих, когда заявляю, что знакомство со Стивом обогатило меня.

Антон АНТОНОВ-ОВСЕНКО

Виртуальные москвичи

Со дня нашего знакомства прошло тридцать лет, но Стив Коэн остался таким же энергичным, любознательным и приветливым, каким явился к нам в ту пору, ещё придавленной Системой. Будто яркий луч пронзил застоявшуюся тьму.

Николай Бухарин, которому американский историк посвятил свой фундаментальный труд, числился недавно по разряду заклятых «врагов народа». Мой отец тоже.

Историография после весьма сомнительной реабилитации погибших катилась по старым и новым ухабам на полуправде и густой фальсификации. Предстояло преодолеть яростное сопротивление ревнителей светлого прошлого и откровенных сталинистов. Мачеха-цензура ещё не почила, страх перед глубыми мундирами сковывал наши души. Под ним продолжала жить и вдова Бухарина, незабвенная Анна Михайловна.

Публиковать правду, всю правду о прошлом в СССР не дозволялось, а если там – каралось тюрьмой. Преступным оказалось даже хранение зарубежных изданий. На мою долю пришлось два погромных обыска. Анна Михайловна, после выхода в свет моего «Портрета тирана», перепрятала свой архив в надёжное место.

Стив не только помог опубликовать мою книгу в Нью-Йорке, но и привёз в Москву множество рецензий на «Портрет тирана». Он помог другому бывшему узнику ГУЛАГа, Гнедину, опубликовать в США книгу «Катастрофа и второе рождение». Ещё один прорыв к истине.

Стив, конечно же, тоже рисковал: его контакты с советскими учёными могли в любой момент попасть под запрет. Что и случилось вскоре.

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Мне выпало участвовать вместе с ним в работе семинаров и конференций, и всякий раз отмечать основательность знаний друга-коллеги, талантливого полемиста. При этом, как бывалый баскетболист, Стив кладёт свой мяч точно в корзину. А богатое чувство юмора, этот верный признак острого ума, делают Коэна желанным собеседником в любой компании.

Разносторонний учёный, он выдвинулся на передний план в качестве политолога. Его книга «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза?» (М.: АИРО-XXI, 2007) стала заметным событием в среде знатоков (и творцов) политической истории. Критика его доброжелательна, он не только сопереживает бедам перестройки, но и отмечает все плодотворные ростки.

Супруги Коэны довольно часто посещают новую Россию, выступают в университетах, встречаются с самыми разными людьми. На презентации последней книги Коэна я хотел обозвать их «виртуальными москвичами», но мне не дали.

Природа заложила в этого человека большой творческий заряд. Но он предпочитает держаться в тени, обременённый грузом скромности. А в глазах – искры глубокого ума и весёлого нрава. Вы не заметили? А ведь в последнее время Стив начал катастрофически молодеть.

По всему этому, приближающиеся 70 – для него лишь первая ступенька. Ему суждено долголетие, ибо он занимается любимым делом, ибо у него прекрасная семья: чудесная жена, друг и единомышленник Катя, красавица дочь Ника (богиня победы у древних греков).

Мне остаётся только поздравить победительную семью с юбилеем!

Сергей БАБУРИН

Романтик и консерватор

Познакомились мы в смутные времена. 4 июля 1992 года на дипломатическом приеме в посольстве США (тогда меня ещё приглашали) ко мне подошел седовласый мужчина средних лет. В очках, высокий, стройный, говоря с акцентом, он сказал, что хотел бы познакомиться. С определенной уверенностью я ответил, что знаю господина Стивена Коэна как ученого давно, по трудам и фотографиям и, без преувеличения, очень рад личной встрече. Стивен представил свою жену, улыбчивую и обходительную Катрин ванден Хейвел, а потом сказал, что, работая в архиве ЦК КПСС, в «Особой папке» Политбюро он нашел письмо 1977 года студента 1-го курса университета из Омска, предлагавшего реабилитировать вычеркнутых в то время из истории Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Сокольников и других. Письмо подписано Сергеем Бабуриным. Когда он начал фразу «Хочу Вас спросить...», я, опережая, ответил: «Это я». Действительно, будучи студентом 1-го курса омского юрфака, я направил летом 1977 г. такое письмо на имя Леонида Ильича Брежнева, ставшего в тот момент Председателем Президиума Верховного Совета СССР. И получил осенью в Комитете партийного контроля Омского ОК КПСС «ответ».

Так началось наше знакомство с этим уникальным американским гражданином и ученым. Уверен, что имя С. Коэна в России должны произносить и будут произносить с большим уважением и благодарностью. Стивен Коэн занимался исследованием жизни и взглядов Н.И. Бухарина, политической ис-

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

тории России 20–30-х годов в то время, когда аналогичные исследования для советских ученых были невозможны. Он стал советологом, когда это слово для нашей отечественной общественности имело только ругательный характер. Среди западных специалистов, часто изучавших и изучающих нашу страну только для доказательства ее опасности и злоумышленности, Стивен Коэн – ученый, настоящий ученый, исследователь. Он рассматривает явления, не формулируя заранее выводов, под которые должен подогнать факты и аргументы. Не случайно его оценки Гражданской войны, оценки периодов советской коллективизации и индустриализации в начале XX века – это оценки заинтересованного и доброжелательного эксперта, когда подмечаются и анализируются нюансы, когда общество рассматривается динамично развивающимся при искренности идеологических схем, доминирующих в общественном процессе. Стивен Коэн ученый дотошный, скрупулезный, но эти качества у него дополняются объективностью оценок и глубинным, фундаментальным гуманизмом.

Именно поэтому труды Стивена Коэна при их переводе на русский язык стали прорывом в нашем общественном сознании в 80-е годы. И не только в отношении Николая Ивановича Бухарина – человека не просто незаурядного, а талантливого до гениальности, одновременно эмоционально пристрастного, противоречивого, способного как огульно отвергать Есенина, потому что того до небес превозносит Лев Троцкий, так и превозносить сельское трудолюбие, вплоть до ярких оценок зажиточных крестьян и лозунга «Обогащайтесь!», как невинно оправдываться и дезавуировать свой «правый уклон» под шквалом критики со стороны Сталина и сталинистов, так и за многие месяцы нравственных и физических пыток остаться несломленным, сохранить верность убеждениям и никого не оклеветав.

Будучи в 1992 году в составе официальной делегации в США, я побывал у Стивена Коэна дома. Убедился в спартанском образе жизни семьи Коэна – ванден Хейвел, когда оба супруга не только декларировали, но и активно проводили в жизнь свои демократические взгляды, обращенные не только к истории человечества, но и к сегодняшней жизни США, к

сегодняшним общемировым процессам развития. Принимая затем Коэнов у себя дома в Москве, предоставляя им возможность выступить перед студентами и профессорами Российского государственного торгово-экономического университета, я вновь и вновь убеждался, что научные взгляды Стива, общественная позиция и Стивена и Катрины неразрывно между собой связаны и являются олицетворением того исповедального демократизма, уважения человеческой личности и превознесения реальных политических свобод при отвержении любых симптомов тоталитарного давления государства на человека, которое было сформировано еще в первых публикациях молодого Коэна-ученого.

Возьмите его книги, посвященные гибели Советского Союза и процессам, протекающим в российско-американских отношениях уже на рубеже XX и XXI века. Стивен Коэн один из первых заговорил об ошибочности действий администрации США в отношении слепой поддержки «реформаторского» движения в России и пагубности разрушения Советского Союза. Как объективный исследователь, Стивен подчеркнул и привел очень много доказательств того, что гибель Советского Союза не была неизбежной, что она стала результатом сложения разных сил: и внутреннего социально-экономического кризиса в СССР, и усилий правящих кругов США и западного мира по разрушению Советской сверхдержавы, и иллюзий многих интеллектуалов на Западе в отношении того, что советский социализм может быть быстро трансформирован в западную демократию.

Анализируя недавние межгосударственные отношения США и России, Стивен Коэн по существу закладывает основу для становления прагматичных взаимовыгодных, но доверительных отношений между Россией и США в будущем. Он позволяет нам, его друзьям в России, сохранить чувство уважения и надежды на гражданское общество США, верить в возможность сотрудничества с США. Благодаря Коэну мы видим, что в США есть не только злобные недоброжелатели, но и наши потенциальные партнеры, люди, с которыми можно и нужно иметь дело и в научной среде, и в политической среде, в межгосударственных отношениях. С. Коэн остаётся не только другом нашей страны, но и романтиком.

Я восхитился, но не удивился, когда Катрин ванден Хейвел возглавила многотысячные демонстрации протеста жителей США против попрания международного права администрации Буша, против развязывания войны в Ираке, а Стив её подержал. Это закономерный шаг людей, для которых уважение прав человека – неотъемлемая часть национального самосознания и сохранения шанса на правовую организацию своего государства. И если на сегодняшний день в США правовое государство стало химерой, обеспечивая внешнюю политику Буша-младшего как политику канонеров, то, конечно, Стив и Катрин борются за возвращение традиционных ценностей США – уважение прав и свобод человека.

Стивен Коэн с начала 90-х годов лелеял мечту соединить в политике нас с Г. Явлинским. Мои возражения, что при близости наших с Григорием Алексеевичем демократических принципов, Явлинский все же продолжает линию «западников», а я – «славянофилов», не казались ему убедительными. Встречаясь со Стивом, мы не только пьем кофе, не только говорим о политике, но и соглашаемся и спорим. Спорим, потому что размышляем.

Сильно повзрослели и дочь Стива и Катрин Ника, и мои сыновья, когда-то ездившие гурьбой на трехколесном велосипеде. Изменились и мы. В начале XXI века Стив – чистый консерватор, ведь консерватор не тот, кто настроен против любых перемен, а тот, кто борется за сбережение всего ценного, что мы унаследовали от прошлого, за создание нового, гармонично опирающегося на фундаментальные традиционные ценности соответствующего общества. Именно поэтому он сам трансформировался из советолога – историка в аналитика и исследователя современности, в активного общественного деятеля. И его книги «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза» и «Провалившийся крестового похода. США и посткоммунистическая Россия» посвящены не только нашей стране, они обращены и к американцам, предостерегая их о растущих опасностях для их собственного общества, для демократической и гуманистической североамериканской традиции и самой государственности. Именно поэтому Стивен Коэн – убеждённый романтик и принципиальный консерватор.

Дай Бог, чтобы следующие поколения российских учёных были столь же добросовестны, как американец Стивен Коэн. Дай Бог, чтобы обеспокоенный голос С. Коэна, его аргументы и его предложения по возможности и необходимости партнерских отношений США и России были бы услышаны не только в Москве.

P.S. Решением Ученого Совета Российского государственного торгово-экономического университета от 26 февраля 2008 г. Стивену Коэну присвоено звание Почетного Профессора РГТЭУ.

Татьяна БАЕВА

Миротворец

Это были те далекие времена, когда Советский Союз приподнял железный занавес и начался обмен между учеными разных стран. Особенно много было посланцев США.

Русское радушие, открытость и умение дружить было в диковинку американцам и они жадно впитывали в себя новые отношения, что не мешало им подтрунивать над нашей наивностью.

Американцы гордились своей страной, и много рассказывали нам о ее достоинствах. Сравнение явно было не в пользу СССР. Мы видели в журналах счастливых, хорошо одетых людей, с голливудской улыбкой, живущих в огромных домах и путешествующих по миру. И, конечно, впечатляла главная ценность истинной демократии: свобода слова.

Надо сказать, что круг моих друзей был далек от меркантильных интересов и валютно-денежных операций. Мы жаждали духовной пищи. И наше восхищение США было вполне бескорыстным.

Но вот странность! Порой из уст американцев звучали туманные фразы, типа: вы даже не подозреваете, в какой счастливой стране вы живете. У вас бесплатная медицина и образование. Вам гарантирована работа по специальности. У вас квартиры, хоть и маленькие, но почти ничего не стоят. Пусть в ваших магазинах пусто, но те продукты, которые удастся достать, гораздо вкуснее, чем в Америке. А парочка дипломатов вообще назвала Ленина гением. Это было уже слишком!

Теперь, вкусив капитализма, мы уже не удивляемся их словам.

Однажды в один из осенних вечеров 1976 года я столкнулась в подъезде с американцем, который завел со мной шуточный разговор и напросился в гости. Это был историк Стивен Козн, который когда-то выбрал темой своей диссертации судьбу опального советского политика Н.И. Бухарина, расстрелянного в 1938 году. В дальнейшем, он оформил диссертацию в книгу.

Конечно, такого рода работа была интересна в основном русским историкам, поскольку Бухарин не был реабилитирован на XX съезде КПСС, и его имя в СССР по-прежнему находилось под запретом. Поэтому книга Стива Козна была чрезвычайно востребована в России. И Стивен отправился в Москву.

Жил он двумя этажами выше и мы стали часто видеться. Стив обладал невероятным шармом. Всегда в синих джинсах и твидовых пиджаках, с вполне приличным русским и удивительным тембром голоса. Надо сказать, что он не пользовался этим «джентльменским» набором для обольщения, но с ним легко и весело было дружить. В отношениях с людьми Стив был весьма демократичен и дружелюбен.

Очень скоро Стив вошел в круг историков самого разного толка: здесь были коммунисты, «антисталинцы», «истинные ленинцы», борцы за «социализм с человеческим лицом» и прочие политические диковинки. Казалось бы, аудитория не совместимая! Но Козн сразу позиционировал себя как историк. Это позволяло ему общаться с людьми самых разных взглядов. Он умел слушать и не вступал в политические дискуссии.

Наши с мужем отношения со Стивом и его женой Катриной ванден Хювел были далекими от политики, несмотря на то, что я немного «диссидентствовала». Мой отец был ученым, и круг моих интересов был там. Мы много шутили, смеялись и более рассуждали об истории, чем о политике.

Вскоре выяснилось, что Стив знаком с вдовой Н.И. Бухарина, Анной Михайловной Бухариной.

В предыдущие годы я иногда пересекалась с Анной Михайловной в различных домах. Дело в том, что мой отец имел косвенное отношение к «Бухаринскому делу»: он посещал

философский кружок при Казанском университете, который вел брат секретаря Бухарина Александр Слепков. Такие просветительские кружки организовывались в Советском Союзе по инициативе Николая Ивановича. В 1937 году все члены кружка были расстреляны, кроме одного – Валентина Астрова, а мой отец, по счастливой случайности, избежал расстрела, но отсидел 17 лет в лагерях и ссылках, что не помешало ему в дальнейшем стать академиком РАН.

Эта история демонстрирует нам, насколько опасной казалась Сталину доктрина Бухарина.

Многие годы все попытки Анны Михайловны реабилитировать мужа заканчивались крахом. Имя его по-прежнему было под запретом. Но теперь она получила мощную поддержку со стороны американского историка. Это было для нее настоящим подарком судьбы. Вместе они стали бороться за восстановление доброго имени Бухарина и его реабилитацию.

Анна Михайловна была человеком строгих политических взглядов и могла отказать от дома тем, кто был недостаточно почтителен к Ленину. Но в фильме об Анне Михайловне, который Стив создал в начале 1990-х, есть заключительный эпизод, когда она энергично отстаивает «ленинские идеалы», и Стив задает ей вопрос: «А кем вы себя считаете А.М.»? Анна Михайловна улыбнулась и растерянно сказала: «Демократом».

И это правда, несмотря на различные политические взгляды, мы все тосковали по демократическим идеалам.

Несмотря на перенесенные ею испытания, 20 лет лагерей, тюрем и ссылки, Анна Михайловна сохранила свой ум, красоту и обаяние. Она полюбила Стива истинной материнской любовью. И он высоко ценил это. Приятно было наблюдать радость их встреч после долгой разлуки. Отныне Стив взял на себя заботу о семье, участвуя во всех её проблемах.

С детьми Анны Михайловны я познакомилась уже при Стиве. Прежде всего, с сыном Бухарина – Юрой Лариным, невероятно яркой личностью, очень похожего на отца внешне и внутренне, тонким художником и умницей, человеком доверчивым и беззащитным. Несмотря на свое увлечение творчеством, Юра принимал самое активное участие в переводе книги Стива об отце, подвергая опасности свое будущее. Узнала я и

детей Анны Михайловны от второго брака... Миша – добряк и философ, Надя – невероятной красоты длинноногая брюнетка с синими глазами, душа любой компании, сделавшая невероятно много для сохранения архива семьи Н.И. Бухарина и творческого наследия Анны Михайловны Лариной-Бухариной. С Надей мы часто вспоминаем свое ссыльное детство, что придает нашим отношениям ощущение определенного родства.

Вскоре вокруг Стива образовался круг, состоящий из множества «неблагонадежных персон», которых он активно снабжал «антисоветской» тамиздатовской литературой, в чей список помимо политических трудов, попали русские философы и даже поэты.

Благодарности нашей не было предела, Эти книги восполняли огромные информационные пробелы, которые возникли благодаря партийной цензуре. Поэтому мы все с нетерпением ждали очередного приезда Стива. Пользуясь дипломатическими «каналами» Стив пересылал в Америку чьи-то рукописи, архивы, книги и воспоминания. Естественно, КГБ следило за Стивом, и вскоре наступил момент в 1982 году, когда ему не дали визу на очередной приезд в Москву.

К сожалению, пик популярности Стива в России и его «падение», описанные в других воспоминаниях, остались для меня за «кадром», поскольку в начале «перестройки» мы с мужем оказались в Америке, где постигали тонкости американской жизни. Но связь со Стивом и Катриной не прерывалась, и тепло дружбы сохранилось.

Стив хорошо понимал историческую неизбежность репрессий в развитии демократического общества. Советский Союз не являлся исключением. Физический и моральный прессинг свойственен любому государству. И Америка пережила режим Маккарти. Сколько судеб было разрушено. Вспомним лагерь периода Второй мировой войны, куда были свезены все граждане США японской национальности. Поэтому Стив сохраняет оптимизм относительно будущего России в отличие от многих моих соотечественников. В девяностые годы Стив занял высокопринципиальную позицию, создавая объективную картину политических процессов в России и настаивая на

«сильной России», в то время как официальная политика США хотела и хочет видеть ее слабой.

Позиция миротворца в отношениях двух великих держав не замедлила отразиться на судьбе Стива. В частности, популярная передача на канале CBS NEWS с его участием в роли консультанта была переведена на ночное время, а вскоре он и вовсе исчез с экрана. И поверьте, это чувствительная плата в Америке за право иметь свое мнение.

Мне кажется, что из Стива Козна получился бы прекрасный дипломат. Это человек искренне любящий обе страны, знающий их историю и стремящийся к объективности. Он уже проявил себя истинным дипломатом и миротворцем. А, как известно, миротворцы «сынове Божии нарекутся» (Матф. 5: 9). На этой высокой ноте я и закончу свое слово о Стиве – человеке и гражданине.

Геннадий БОРДЮГОВ

Почетный доктор АИРО

Не многие знают, что Стивен Коэн является бессменным членом Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО- XXI), которой в марте этого года исполнилось 15 лет.

В начале 90-х группа тридцати-сорокалетних историков, отчаявшись в условиях кризиса традиционных институтов исторической науки решать свои проблемы в академических или университетских рамках, издательских центрах, где рукописи монографий, казалось, застряли навечно, решила выступить с собственным проектом новых исследований, изданий и самоорганизации. Группа энтузиастов на ходу осваивала азы издательского дела, преодолевала бюрократические препоны с получением лицензии, открытием счёта в банке, училась выстраивать отношения со всеми соответствующими государственными институтами. Когда общее количество книг выросло, пришлось волей-неволей арендовать офис и помещение для хранения книг, что стоило, как минимум тиража одной книги. К тому же, оборванные региональные связи позволяли распространять книги только в пределах Москвы.

Многие из наших коллег, к сожалению, до сих пор не имеют представления, как работает сегодня книгоиздательская система, в которой практически исчезли старые понятия о гонорарах, вне зависимости от того, продана ли книга или нет, о полистной и потиражной оплате, авансе, тематическом плане и т. д. Нам пришлось пережить и банкротство банка, на счетах которого лежали наши средства, и нечестность коллег, которым доверили административно-финансовую деятельность.

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Тогда я, бывая в Нью-Йорке и Принстоне, подолгу разговаривал со Стивом о смысле Ассоциации, о проектах и издательских программах, которые не претендовали бы на звание нового направления или научной школы, а были примером взаимодействия историков в условиях кризиса. Несмотря на призывы некоторых наших друзей создать устойчивое дисциплинированное объединение, мы, слава богу, не пошли по этому пути, не замкнулись в обособленную группу с некоей иерархией. Важнее было не фиксированное членство, а временные объединения – самые разные, большие и малые, для реализации новых идей и замыслов. Надо было помочь самим себе и друг другу освоиться в необычных условиях, иной информационной среде, происходящих подвижек в, казалось бы, нерушимых границах гуманитарного знания. Одновременно закладывались принципы формирования свободных отношений исторической науки с обществом, государством, зарубежными коллегами, восприятия историографического процесса с позиции преемственности, возможности выбора любого интеллектуального абсолютизма.

Правда, Стив замечал: независимые учреждения, конечно, дают больше свободы, но они относительны, они доступны для использования лишь в тех границах, которые не раздражают руководство учреждения, к которому историк «приписан», с которым он по разным причинам не спешит прервать отношений. Он также предупреждал, что идеологическая подневольность советской науки сменится меркантильной заикленностью науки российской. И надо быть готовым к тому, что новые политические режимы не откажутся контролировать прошлое, что и сам выбор темы исследований будет совершаться не из внутренних потребностей науки, а из конъюнктуры, позволяющей получить грант. Это неизбежно повлияет как на академические традиции, так и на отношения «наставник-ученик».

И действительно, скоро стало очевидным, что практика научных фондов предполагает большую вероятность не конкурса идей, а должностей и связей, а издательства отдадут предпочтение научным сенсациям и рыночной упаковке. Корпоративные элитные круги старались не допускать чужаков к источнику поддержки, а складывающаяся система грантов оказалась

не приспособленной для проведения длительных, серьезных научных исследований. В таком противоречивом поле действовала и действует наша Ассоциация – одно из негосударственных учреждений страны.

Так получилось, что у неё на первом плане оказались исследования, подсказанные временем: анализ основных тенденций «Исторических исследований» постсоветского времени (I том – 1996, II – 2003), сложного процесса создания «Национальных историй» и взаимовлияния «Старых и новых образов в новых учебниках» в странах СНГ и Балтии (конференции и издания 1999, 2000, 2003 годов), актуализации «Мифов и мифологии в современной России» (конференции и издания 1999, 2000, 2003 годов), изменения отношений «Культуры и власти в условиях коммуникационной революции» (конференции и издание 2001 и 2002 годов) и др.

В 2008 году АИРО представляет результаты двух новых исследований: «De Futuro, или история будущего» и «Научное сообщество историков России. Портрет переходного времени».

За время своего существования АИРО осуществила множество крупных научных проектов. Число изданий, объединенных различными сериями, насчитывает почти 250 наименований, совокупный их тираж составляет почти полмиллиона книг. В той или иной мере с проектами и изданиями АИРО было связано свыше 1000 историков России, других стран СНГ, Балтии, русистов США, Германии, Великобритании, Японии, Польши, Венгрии, Италии, Франции, Швеции, Сербии. Принцип взаимопомощи, в том числе с участием зарубежных историков не только сработал, но и позволил опробовать одну из возможных альтернативных структур существования научного сообщества.

Нашей работе содействовали, с одной стороны, представители старшего поколения историков России – академики П.В. Волобуев, Ю.А. Поляков, профессора М.Г. Вандалковская, Л.Г. Захарова, В.Т. Логинов, Л.В. Максакова, Э.В. Молодякова, А.П. Ненароков, Н.М. Пирумова, Р.Г. Пихоя, Ф.И. Фирсов, К.Ф. Шацилло, а, с другой, известные специалисты по изучению России – прежде всего, профессора Карл Аймермахер и Габриэла Горцка из Германии, Норманн Неймарк из США, Харуки Вада и Такеси Томита из Японии, Роберт Дэвис

и Джонн Морисон из Великобритании, Андреа Грациози из Италии и др.

В этом ряду имя Стивена Коэна и созданного при его и Катрин ванден Хювель участия Фонда имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной занимают особое место. Ими была сделана ставка на поддержку именно серии «Первая монография», в которой были опубликованы книги свыше 30 молодых авторов. Большинство из них не были вовлечены в «борьбу за прошлое» и заполнение так называемых «белых пятен». У них свой опыт и групповое самосознание, не сводимое к возрастной дифференциации, нормальное восприятие нарушений дисциплинарных границ. Они чувствительны к западным авторитетам и не относятся к ним как к периферийным по отношению к авторитетам российским. Так что выбор Стива не удивителен.

Издательский центр АИРО получил особую известность, когда Стивен Коэн предложил к публикации в нём двух своих, теперь уже знаменитых, книг «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» и «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза?». За это ему особая благодарность.

Не берусь рассуждать о том, какую роль лично в моем становлении как историка сыграли труды и личность Стива. Однако именно благодаря ему я всё более отчётливо понимаю (особенно когда вижу потуги представить наше прошлое как исключительно «счастливое»), что национальный интерес – не в новой канонической истории, открывающей дорогу староновым мифам, иррациональности, а, в конечном счёте, манипулированию сознанием, не в единой, монистической, огосударственной и безальтернативной истории. Национальный интерес в том, чтобы очень сложный ландшафт исторических фактов осмысливался без высокомерия, без смакования катастроф и несчастий, без восторгов по поводу побед, за которые заплачена немалая цена, без наклеивания ярлыков и выдёргивания фигур и событий на злобу дня, без ставки на суд, поскольку он всегда будет из современности, а значит, прошлое будет представлять перед нами неполноценным.

Александр ГЕЛЬМАН

Патриот России

Когда мы с женой впервые увидели их, Стива и Катю, мы буквально с первых минут прониклись к ним симпатией. Это было, если не ошибаюсь в 1990-м, в Нью-Йорке, у них дома. Я был тогда народным депутатом СССР, входил в сахаровскую Межрегиональную депутатскую группу, регулярно публиковал политические заметки в «Московских новостях». Стив читал эти заметки, поэтому и разыскал меня, когда я оказался по своим театральным делам в Штатах.

Доверительные отношения установились сразу, это связано с какой-то особой интонацией общения, присущей Стиву и Кате. Не часто встречаешь такие две сугубо самостоятельные личности, два сугубо индивидуальных мира, способных образовать столь дружную, по-особому слаженную, одухотворенную семью. Все эти годы, а мы видимся примерно раз в году, я наблюдал, как они неизменно радуются друг другу, радуются тому, что они вместе, что они муж и жена, что они папа и мама своей любимой дочери Ники. То, что Стив – серьезный историк и политолог, то, что Катя руководит известным политическим журналом, никак и ничуть не мешает им оставаться прелестной парой. Я всегда их воспринимаю сначала как мужчину и женщину, мужа и жену, а уже потом, как профессионалов высокого класса, интереснейших собеседников на разного рода политико-философские темы. А какой у них симпатичный, у каждого свой, с массой ошибок, искажений, неповторимый смешной русский язык!

Мы не всегда сходились, что называется, во взглядах. Но поскольку мы знакомы уже почти двадцать лет, а это были годы

бурные, со многими порой достаточно резкими неожиданными переменами, каждый из нас имел возможность увидеть, где он был прав, где не прав, и, как мне кажется, мы в этом смысле на данный момент квиты – ошибались в оценках событий и персон примерно равное количество раз. Но есть один человек, который нам одинаково близок и дорог – это Михаил Сергеевич Горбачев. При всей неоднозначности, не лишённой противоречий деятельности Горбачева, те перемены, которым он дал первый, решающий толчок имели и продолжают иметь планетарное значение.

Об одном нашем разногласии, пожалуй, стоит рассказать. Оно носит методологический характер. Когда во время наших прогулок по Москве или у меня дома мы размышляли и спорили о современной истории России, Стив часто прибегал к сослагательной логике. Он доказывал, что то или иное событие, то или иное решение, та или иная направленность политики (не буду утомлять конкретными примерами) могли быть другими, более разумными, более социально оправданными и справедливыми, более перспективными для общества. Я же считал и считаю, что все, что произошло, все, что было, не могло быть иначе, чем было. Это только кажется, что могло. На самом же деле, для того, чтобы могло быть иначе, слишком многое должно было быть другим, слишком многие должны были быть другими. Было так, как могло быть. Если бы действительно могло быть иначе, то и было бы иначе.

Я думаю, сослагательный пафос Стива связан с тем, что он очень близко к сердцу принимал и принимает неудачи, глупости, а нередко и злонамеренность, корыстность наших политиков и нашей политики. Он болеет за нас больше, чем мы сами за себя боеем. Я позволю себе почти непозволительное: Стив Коэн – патриот России. О том, до какой степени благополучие России и США взаимозависимо, Стив понимает и чувствует глубже многих профессиональных политиков обеих стран.

Вагиф ГУСЕЙНОВ

Россия и США нужны друг другу

В экспертной среде Стивен занимает особое место в исследованиях развития России после Октябрьской революции 1917 года, а также отношений СССР и России с Соединенными Штатами Америки. Темы эти мне, естественно, очень близки, поэтому я стараюсь в максимально полном объеме знакомиться с тем, что по этому поводу пишут и думают американские историки и публицисты, а также люди, которых принято называть советологами.

Первые же труды г-на Коэна, которые я прочитал будучи журналистом, убедили меня в том, что наш юбиляр отличается «лица необщим выраженьем» по сравнению с огромным большинством других американских специалистов, пишущих на темы России. Такие его монографии, как «Бухарин и большевистская революция, 1888–1938», «Переосмысление советского опыта: политика и история с 1917 года», «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России», резко контрастируют с той, не побоюсь этого слова, «писаниной», которую зачастую так называют американские «советологи». Их отличие состоит прежде всего в объективном, непредвзятом подходе к изучению такого непростого и для многих россиян вопроса, как отечественная история, они действительно глубоки и по-настоящему аналитичны. Сразу чувствуется, что автор ставил себе не пропагандистские цели, не желание попасть в то, что сейчас называется «мейнстримом», а на самом деле хотел разобраться в непростых хитросплетениях нашей истории.

Именно за это его ценят не только в России, а во всем мировом научном сообществе. Недаром он является членом

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

таких значимых научных объединений, как Американская ассоциация развития славистики, Американская историческая ассоциация, Американская политологическая ассоциация и Совет по международным отношениям, а также входит в редакционную коллегию журнала *PostSoviet Affairs*. Его исследования по советской и российской истории пользуются большим спросом в академических кругах всего мира.

Тот факт, что в длинном перечне организаций, членом которых имеет честь быть г-н Коэн, многие имеют в своих названиях «славянские корни», далеко не случаен. Ученый давно и преданно любит нашу страну, многократно бывал в России, знает русский язык. Глубокое понимание нашей страны, ее подлинных, а не навязываемых пустой пропагандой, интересов и устремлений позволяет ему делать правильные выводы и давать верные советы американской политической элите. Так, в своей статье «Америка развязывает новую холодную войну», наделавшей много шума в 2007 г., он вопреки сложившемуся на Западе мнению делает верный вывод о том, что США должны всемерно помогать Кремлю поддерживать ту стабильность в России, которая сложилась при В. Путине, а не проводить, как полагает исследователь, в отношении Российской Федерации взаимоисключающих курсов: «декоративного и внешне дружелюбного», с одной стороны, и «реального и все более безответственного» – с другой. Автор утверждает, что США «беззастенчиво пользуются» ослаблением России после 1991 года, и фактически предупреждает об опрометчивости и недальновидности подобной политики.

Во многих своих трудах ученый формулирует и свою, может быть, основную претензию к проводимой Вашингтоном политике – стремление добиться абсолютного ядерного превосходства и применение во внешней политике «двойных стандартов». С. Коэн совершенно правильно утверждает, что Москва после распада СССР холодную войну прекратила, а Вашингтон продолжает проводить прежнюю политику, теперь направленную на построение моноцентричного мира. Прав исследователь и тогда, когда полагает, что усилившаяся и укрепившаяся за последние годы Россия вполне может адекватно отреагировать на столь лицемерную политику официального Вашингтона и даже победить если не во всем мире, то на

большей части постсоветского пространства. Именно поэтому все последние публикации г-на Козна проникнуты идеей изменить подход официального Вашингтона к отношениям с Россией. Впрочем, при этом он справедливо указывает, что для этого «понадобятся кругозор и смелость, способность идти наперекор общепринятому мнению».

О переживаемых ученым чувствах, о его боли за то, что добрые и равноправные отношения между нашими странами так и не сложились, лучше всего сказал он сам: «Сегодня в Америке намного труднее говорить о России, чем во времена “холодной войны”. Тогда у нас всегда существовали две точки зрения – ее сторонников и сторонников “разрядки”. Я принадлежал ко вторым. Каждый редактор газеты и продюсер телепрограммы должен был приглашать представителей обеих сторон. Меня приглашали очень часто. А сегодня существует только одна точка зрения – тех, кто поддерживает “холодную войну”. Политический класс считает, что Путин испортил партнерство между странами. Говорят, что отношения между нами в 1990-х, между Ельциным и Клинтонем, были идеальной моделью – в своих мемуарах Клинтон даже похвастался, что “получал от России при Ельцине все, что надо было американцам”. Я думаю, это неправда. Три-четыре эксперта в США придерживаются такого же мнения, как и я. Но нам теперь почти не дают выступать в прессе или по ТВ. Вот вам пример. Кто-то ранил в пригороде Вашингтона эксперта по безопасности Пола Джояла, который был знаком с Литвиненко. Газета Washington Post написала: это дело рук Путина. Нет, это уже психоз».

И как итог оценки ученым нынешнего состояния российско-американских отношений еще одна цитата из его интервью: «Отношения между Россией и США сегодня очень плохие. Я думаю, это уже “холодная война”... Много зависит от того, как будут развиваться отношения между НАТО и Украиной с Грузией. Это – новый фронт «новой холодной войны». В Москве и Вашингтоне у некоторых недальновидных политиков есть такое мнение: сейчас вообще ничего не надо предпринимать, все нормализуется само собой. Потому что США, дескать, не нужна Россия, а России – США. Это мнение неверно. Мир сегодня более опасен, чем он был в предыдущую «холодную войну».

Не со всеми мыслями ученого можно полностью согласиться. Например, вряд ли мир сегодня более опасен, чем в период настоящей холодной войны. Хотя история и учит лишь тому, что ничему не учит, все-таки некоторые выводы политики делают. Никто ни в России, ни в США, за исключением каких-то маргинальных групп, не заинтересован в развязывании новой холодной (и тем более «горячей») войны. Но опасность в том, что избранный нынешней американской администрацией путь действительно несет ту угрозу, что предпринятые однажды конфронтационные действия с целью достижения тактических интересов могут, помимо воли их инициаторов, привести к глобальным непредсказуемым последствиям.

Впрочем, это отлично понимает и американский ученый, который во всех своих научных трудах, во всех своих интервью подчеркивает, что США и Россия «нужны друг другу. Не как друзья. Но как партнеры. Чтобы достичь определенных целей. Жить порознь слишком опасно. Доступ к ядерному оружию стал практически бесконтрольным впервые в истории. Только Россия и США могут снизить этот риск. Мы должны срочно сократить наши ядерные вооружения – чтобы дать миру пример, показать, что мы настроены серьезно».

Есть у меня и другие разногласия с г-ном Коэном по не самым принципиальным вопросам. Например, ученый считает, что «Иран не хочет иметь ядерное оружие для того, чтобы напасть на Израиль, а Северная Корея – чтобы атаковать Японию. Они хотят иметь ядерное оружие, потому что они боятся нас. Следовательно, если Россия и США – большие ядерные державы – покажут миру, что они не намерены атаковать ни одну страну, эти государства не захотят иметь ядерное оружие». Как человек, большую часть жизни проживший в Советском Союзе, я испытываю некоторые сомнения в отношении того, что современное иранское или северокорейское руководство не использовало бы это оружие, сложись для этого благоприятная ситуация.

Впрочем, эта ситуация, опять-таки, настолько гипотетическая, что особого интереса для обсуждения не представляет. Гораздо важнее подчеркнуть, как тонко г-н Коэн чувствует всю деликатность проблемы расширения НАТО для россиян. Известный факт, что когда М. Горбачев, в отношении итогов

политической деятельности которого, кстати, у нас тоже есть разногласия с г-ном Коэном, договаривался о присоединении ГДР к ФРГ и роспуске организации Варшавского договора, Запад ему обещал нераспространение НАТО на восток. Как эти обещания были выполнены, мы имеем возможность наблюдать собственными глазами. Неудивительно, что положительных эмоций такая политика россиянам не добавляет. И тысячу раз прав американский исследователь, когда говорит, что «США необходимо прекратить политику расширения НАТО. Без этого не может быть хороших отношений между Россией и США. Поэтому разговоры в Вашингтоне о включении Грузии и Украины в альянс должны немедленно прекратиться. Конечно, тут надо сказать о НПРО. Во-первых, эта система вряд ли когда-нибудь эффективно заработает. Во-вторых, никому она в Польше и Чехии не нужна. Даже в США многие понимают, что это провокация. Даже такие консервативные газеты, как британская *The Times* и американская *The New York Times*, усомнились в том, что Америка не сможет прожить без НПРО. А у меня вот даже сомнений нет: это в первую очередь политический подарок Польше от Белого дома».

Особая боль исследователя – война в Ираке. Немного нашлось в Соединенных Штатах людей, которые сразу же заявили, что вторжение в Ирак – это величайшая ошибка президента Буша. И, конечно же, я не удивился, что среди них был Стивен Коэн. В одном из последних своих интервью он заявил: «Конечно, Америка войну в Ираке уже проиграла. И даже Бушу это понятно – хотя он не может в том публично признаться. Это одна из худших глав в истории внешней политики США. И никто в Америке не знает – что делать. Мне кажется, нам нужно вывести войска». Сегодня под этим утверждением, наверное, могли бы подписаться большинство американцев, но ученый придерживался этой точки зрения с самого начала!

Не вызывает в этой связи удивления и его трезвая позиция в отношении проблемы Ирана: «Думаю, полномасштабной войны между США и Ираном не будет. Для этого у Америки сейчас нет ни достаточного военного потенциала, ни человеческих ресурсов. У нас уже и на Ирак всего этого не хватает. Что же касается вероятности нанесения авиаударов по Ирану,

то она довольно велика. Но я считаю, что Вашингтону следует наладить диалог с «режимом аятолл». От этого будет зависеть стабильность в регионе». От себя хотелось бы лишь добавить, что официальному Вашингтону следует прислушаться к мнению серьезного ученого, свой лимит стратегических ошибок администрация Дж. Буша уже исчерпала, ввязавшись в иракскую войну. Еще один конфликт с приграничным государством угрожает непоправимой катастрофой не только для этого региона, но и для всего мира. Не следует забывать, что политические элиты ошибаются, а народам потом приходится с этим жить и расхлебывать последствия этих ошибок.

Совершенно верен и общий вывод, который Коэн делает в отношении российско-американских отношений и ситуации в мире в целом: «США должны прекратить добиваться того, чтобы Россия имитировала нас и служила нам! Надо относиться к РФ как к равному партнеру, потому что угроза для всех страшная». И трижды прав ученый, когда считает, что дестабилизация обстановки в России или ее распад могут привести к такой угрозе национальной безопасности США, когда все другие угрозы, исходящие от Ирака, Афганистана, Ирана или Северной Кореи и т. д., покажутся детской шалостью. «Основополагающий принцип – пишет Коэн – политического курса по отношению к посткоммунистической России должен звучать как Клятва Гиппократа: “Не навреди!”». Положение осложняется еще и тем, что многие в России не питают ни любви, ни уважения к Соединенным Штатам. Коэн предупреждает, что из-за страданий и лишений, которые пережили россияне после 1991 г., события в стране могут пойти по «Веймарскому сценарию», когда Россия начнет проводить «по отношению к Западу еще более враждебную политику, чем ее предшественник – СССР».

Основания для таких прогнозов есть: многие российские политики второго эшелона и политологи, воспользовавшись экономическими и внешнеполитическими достижениями России последнего времени, уже спят и видят, как бы вновь померяться силой с извечным заокеанским противником, претендующим на роль единственного центра силы в мире.

Я столь подробно остановился на политических взглядах г-на Коэна, чтобы подчеркнуть, что честная, объективная и не-

заангажированная позиция советолога не может не вызывать к нему глубочайшего уважения. По своим политическим убеждениям Коэн может быть определен как левый социалист. И эти убеждения мне лично весьма симпатичны и близки. К глубокому сожалению, люди подобных взглядов далеко не везде и не всегда в чести. Мало того, что круг людей, придерживающихся подобных взглядов, в США весьма узок, так и в Советском Союзе профессор успел побывать в числе «антикоммунистов», а его книги о Бухарине, например, в Москве даже конфисковывались.

Неудивительно, что мне всегда хотелось лично познакомиться со столь интересным человеком, поэтому я предложил ему стать постоянным автором нашего журнала «Вестник аналитики». Его статьи в нашем журнале всегда встречают живой читательский отклик, заставляют задуматься, независимо от того, согласен ты с автором или нет. В любом случае его статьи – это всегда приглашение читателя к размышлениям, к сотворчеству, что, собственно, и является одной из задач аналитики.

Особенно для нас ценна та высокая оценка, которую г-н Коэн дал нашему журналу. Косвенным свидетельством высокой оценки нашей работы со стороны г-на Коэна является тот факт, что он порекомендовал целому ряду американских библиотек подписаться на него.

В заключение я хотел бы пожелать глубоко уважаемому ученому, весьма ценимому мной автору многих книг, в том числе автору нашего журнала, многих лет плодотворной работы во благо мира, во имя укрепления мирового сотрудничества равноправных государств. Здоровья и счастья Вам, глубоко уважаемый г-н Коэн, и не забывайте, что в России есть журнал «Вестник аналитики», который всегда готов предоставить Вам свои страницы для изложения своих оценок, с которыми иногда можно спорить, не всегда соглашаться, но в искренности которых, как и в научной добросовестности автора, сомневаться не приходится никогда.

Ирина ДАВИДЯН

Американец

«Ира? Это Стив», – голос в телефонной трубке мягко перекачивается и по-американски рокошет. Его можно полюбить за один голос – хриловатый, низкий, сексуальный. И откуда у американцев такие густые, мужские голоса? Особенности языка? Или оттого, что у них никогда голода не было?..

Все-таки, Стив – американец. Да, он очень любит Россию, любит своего героя – Бухарина (даже назвал в честь него свою дочь), любит родных и близких Бухарина, своих многочисленных русско-советских друзей. Да, он болеет душой за Россию, уже двадцать лет лично участвует в ее истории, мчится сюда при первой возможности или когда чувствует себя нужным. И пишет, пишет обо всем, что его волнует, что ему кажется неправильным и что он, как историк, думает, что может исправить. О перестройке и исчезновении Советского Союза, о новой российской политике и новой «холодной войне», о демократии и деле ЮКОСа и вообще обо всем, что ему небезразлично в новой русской жизни. Но все-таки Стив – американец, и очень многие вещи, которые он говорит и пишет о России, обращены к его собственной стране, к собственному правительству. Он любит свою великую страну, гордится ее достижениями, и ему искренне больно видеть, как ее руководители, в угоду сиюминутной конъюнктуре, забывают или пренебрегают и ее собственными историческими уроками, и уроками нашей общей истории.

Да, он американец. Нью-йоркский интеллектуал, университетский профессор, официальному костюму он явно предпочитает джинсы и ботинки со скошенными каблуками, кото-

рыми он с удовольствием притопывает в такт типичным американским южным ритмам. Высокий, подтянутый, он до сих пор здорово играет в баскетбол, к которому приобщил и дочку. И в этом тоже весь Стив: баскетбол ведь игра хоть и университетская, но типично-американская, потому как демократическая. Баскетбольное кольцо висит едва ли не в каждом американском дворе, а во многих нью-йоркских «блоках» есть настоящие оборудованные площадки, где азартно лупят мяч афроамериканские мальчишки возрастом от семи до семидесяти лет. Одну из таких площадок, кстати, помог создать и опекает Стив, и надо видеть, каким неподдельным уважением и любовью он, единственный белый в этой компании, пользуется.

Американец Стив еще и в том, что ему до всего есть дело, он неуспокоен и любознателен, и, несмотря на все свои заслуги, явно не собирается почивать на лаврах. Он в курсе всех новинок литературы и журнальных статей. Он успеваает реагировать на дискуссии, как в американской, так и в русской прессе. Он яростный и неустанный критик американской республиканской администрации и не менее яростный критик недемократических тенденций российской администрации. Он без конца указывает на глупость и лицемерие, политику двойных стандартов и непоследовательность во взаимоотношениях двух стран. Указывает на ошибки и просчеты, опираясь на свой опыт историка, предупреждает о возможных последствиях, надеясь, что его услышат.

И его слышат, потому что ругают и там, и тут. Но больше все-таки там. Американские оппоненты обвиняют его в левачестве и русофильстве, чуть ли не предательстве интересов Америки, а он, на самом деле, очень любит свою страну. Ведь только очень любя свою страну, можно научиться так же любить чужую.

Никита ДЕДКОВ

Любимый автор «Свободной мысли»

Наверное, в любом издании есть свои любимые авторы. Любимые не потому, что это люди приятные во всех отношениях, с которыми не грех лишний раз встретиться, пообщаться и хорошо провести время. И уж тем более не потому, что они сумели как-то угодить и понравиться работникам редакции. Любимого автора редактор вообще может лично не знать и поддерживать с ним отношения исключительно посредством услуг связи, тем более что технические средства с каждым годом делают такое виртуальное общение все более и более удобным. «Привилегированное» положение любимого автора определяется тем, что его тексты, представленные в редакцию, всегда актуальны, всегда интересны и не нуждаются в дополнительной доработке (а какое это счастье и какая это редкость, может понять только тот, кто поработал в российских печатных СМИ).

Одним из таких любимых авторов журнала «Свободная мысль» (известного до 1991 года под именем «Коммунист», а после 1998-го – как «Свободная мысль-XXI») был Стивен Козн. Не могу сказать, чтобы его статьи появлялись в журнале часто или хотя бы регулярно, но каждый раз его вопрос: «Не заинтересует ли редакцию статья на такую-то тему?», встречаясь в редакции если и не с восторгом, то, во всяком случае, с чувством близким к тому состоянию, что описывается этим словом. И судя по всему, у самого Стивена Козна эта радостная реакция вызывала некоторое недоумение: как же так, текста еще не видели, а уже говорят о готовности его публиковать?

Если рассуждать отвлеченно, то недоумение уважаемого автора было совершенно оправданно, да и у нас в редакции не

очень-то любили, когда кто-то со стороны предлагал написать статью на какую-то, пусть даже самую актуальную тему. Ответ был стандартный: «Несите текст», что и понятно, поскольку недостатка в материалах мы не испытывали и, если в чем и нуждались, то не в «статьях на тему», а просто в хороших статьях. Но Стивен Коэн был исключением; его имя было не то что брендом – мало ли второсортной продукции выпускается под известными брендами – его имя было гарантией качества, и гарантией стопроцентной.

Стивен Коэн – историк, и, казалось бы, согласно законам жанра в общественно-политическом журнале его статьям было уготовано малочетное место где-то ближе к концу, там, где у нас традиционно помещались архивные публикации и заметки о новых книгах. Но на деле все выходило совсем по-другому. Статьи американского историка, написанные с академической основательностью и доказательностью, всегда оказывались в высшей степени актуальными и остро политическими по своему характеру. Дабы избежать голословности, упомяну одну из них – «Изучение России без России» («Свободная мысль-XXI», 1999, № 9–12), впоследствии вошедшую в качестве главы в книгу «Провал крестового похода: США и трагедия пост- коммунистической России». Анализ особенностей развития американской советологии после распада Советского Союза неожиданно затрагивал самые животрепещущие проблемы российской политической жизни и, в частности, пагубного влияния на нее заморских рецептов. Это сейчас, 8 лет спустя, наша политическая элита усвоила моду на самобытность и государственничество, а в те времена ситуация была диаметрально противоположной, и указания на вопиющую, скажем так, некомпетентность американских советников российских реформаторов воспринимались едва ли не как святотатственное покушение на устои. Но зато и принималась читателями статья американского же профессора Стивена Коэна с искренней благодарностью к автору, который имел мужество открыто, честно и четко сказать то, что чувствовали многие.

Само название журнала удивительно гармонировало со статьями Стивена Коэна. В них всегда ценна не полемическая заостренность, не красота слога – хотя повторю это еще раз, они и остры, и написаны безукоризненно, – а именно свобод-

ная мысль, как будто не ощущающая на себе давления общественного мнения, политической конъюнктуры и настроений, преобладающих в среде коллег по цеху.

«Свободная мысль» вообще была журналом самым подходящим для публикации статей Стивена Коэна в нашей стране. И дело тут, конечно, не в названии, и даже не в том, что среди общественно-политических журналов демократической России рубежа XX – XXI веков вряд ли был еще один, который позволял бы себе жестко критиковать власть, не впадая при этом в ультрапатриотизм и ностальгию по сталинским временам. У сложившегося сотрудничества журнала и автора был еще один замечательный аспект – историко-символический, о котором в редакции не говорили, но, безусловно, помнили.

Наверное, не стоит лишний раз напоминать о том, что Стивен Коэн приобрел известность в России или, точнее, еще в Советском Союзе, после того, как в 1988 году впервые вышла в свет на русском языке написанная им политическая биография Николая Ивановича Бухарина. Появление этой книги оказалось событием настолько важным, что для русского читателя имена Стивена Коэна и Николая Бухарина как будто соединились. А между тем на долю героя знаменитой книги Стивена Коэна выпало и бремя создания теоретического печатного органа ВКП(б) журнала «Большевик», первым главным редактором которого он являлся. Впоследствии «Большевику» суждено было стать «Коммунистом», «Коммунисту» – превратиться в «Свободную мысль», а автору первой биографии Бухарина – стать любимым автором этого журнала при последнем главном редакторе «Коммуниста» Наиле Бариевиче Биккенине. Более того, в трудные дни журнала – а после распада Советского Союза таких дней было немало – Стивен Коэн не раз протягивал редакции руку помощи,

принимая любую просьбу так близко к сердцу, что казалось – речь идет о его личном деле. И, наверное, не так уж и важно, думал ли он в тот момент об исторической связи «Свободной мысли» с Николаем Бухариным или же ему просто была безразлична судьба российского журнала, – важно то, что его дружескую руку, его внимание редакция всегда чувствовала, и все, кто работал в ней, сегодня сохраняют чувство самой искренней признательности Стивену Коэну – за всё.

Леонид ДОБРОХОТОВ

О мыслителях и пророках первой величины

Лично с профессором Стивеном Коэном я впервые встретился на приеме в Спасо-хаусе – резиденции американского посла в СССР – в 1988 году. Прием был проведен послом Джоном Мэтлоком в связи с выходом в Москве на русском языке немедленно ставшей у нас бестселлером коэновской биографии Николая Бухарина. Ее английский оригинал я давно уже прочитал в спецхране Ленинской библиотеки и возможность увидеть автора воочию казалась мне очень интересной.

Народу на презентацию собралось немеренно. По составу присутствующих я быстро понял, что посольство в соответствии со своими давно принятыми тогда правилами собрало на мероприятие в основном диссидентствующую в отношении советского строя и идеологии публику – активистов-правозащитников (западников) а, с другой стороны, сторонников «русской идеи». В результате за столом на приеме, где я оказался, сидели и довольно мирно пикировались такие совершенно противоположные люди, как Сергей Ковалев и Станислав Куняев...

Я то время работал в Идеологическом отделе ЦК КПСС (подотделе внешнеполитической информации) и отвечал как раз за развитие бурно развивавшихся информационных и общественных контактов с США, но пришел на прием по собственному выбору – получив приглашение от посла Джона Мэтлока. В перестроечное время подобная самодеятельность «аппаратчиков» вроде меня сходилась нам с рук – на нее просто перестали обращать внимание.

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

После выступления Коэна и других желающих, вроде меня, Стива окружили стремящиеся познакомиться. Я тоже протянул свою визитку, сказав, что из ЦК, что историк по образованию и с большим интересом отношусь к его исследованию бухаринской жизни и судьбы. Первая реакция Коэна на меня и мои слова была, скорее, удивленно-холодной и вопросительной. Позднее я понял, что Стив тогда все еще ощущал себя в жесткой оппозиции к «режиму», воплощением которого ЦК и являлось. Тем более что незадолго до этого, его вообще на несколько лет лишили въездной визы в СССР за «антисоветскую деятельность». К таковой были отнесены в позднебрежневское и андроповско-черненкоовское время некоторые его довольно жесткие в оценках этого времени книги и статьи, «контакты с антисоветскими элементами», да и сама главная тема его исследований – Бухарин.

Как известно, на подвергнутую разгрому в 20-е – 30-е годы внутривластную оппозицию, в период от Сталина до раннего Горбачева, в СССР было наложено абсолютное табу, вплоть до того, что во всех советских энциклопедиях отсутствовали даже соответствующие фамилии. То есть статья «троцкизм» была, а статьи «Троцкий» не было. «Гитлер» и «Гембельс» были, и «Зиновьева» и «Бухарина» не было. Соответствующим образом, все козновское бухариноведение оказалось у нас в 70-е – начале 80-х под полным запретом. Даже в спецхранах библиотек все, с ним связанное, включая книгу и статьи Коэна, находилось под «тремя гайками» и выдавалось, как говорится, узкому кругу ограниченных лиц.

Поэтому первоначальная реакция Стива на меня, как на воплощение этой системы, была, в общем-то, понятна. Ни я, ни он в то время не могли себе и представить, что станем ближайшими друзьями и по большому кругу вопросов – единомышленниками. Что последовавший вслед за этим в нашей стране и в мире «тектонический сдвиг пород» приведет к фундаментальным подвижкам в мировоззрении нас обоих. Из убежденного советского западника я превращусь в советского же, но славянофила. А Стив, не прекращая дела всей своей жизни – исследований личности и судьбы Бухарина, превратится в одного из самых выдающихся историков, аналитиков и критиков горбачевского СССР и постсоветской России, аме-

риканской советологии, частью которой сам и является. Причем в ней он – не просто остров, но уже и целый материк.

Важно понять, что в отличие от выдающейся американской журналистки и горячо любимой Стивом его супруги Катрины ванден Хейвел, сам Коэн никогда не был и не является сейчас левым человеком и даже левым либералом, как она. Он – классический американский либерал-центрист, и поэтому его остро критическое отношение ко многому в нашей действительности и идеологии в советское время и сегодня, противоположное принципам демократического общества и разделения властей, понятно.

Кстати, могу сказать, что делящаяся уже 20 лет наша с ним дружба и тщательное отслеживание всего того, что он пишет и говорит в литературе и в СМИ, стали для меня решающим фактором выработки убеждения в том, что возрождение России не только в обретении ею национальной независимости во всех ипостасях, учете требований геополитики и следовании лучшим из национальных традиций, но и в принятии идеалов и принципов классической демократии. Поэтому, яростно ругаясь с либералами и демократами, особенно отечественными, я всегда останавливаюсь у той черты, которую переходить нельзя. Потому что либералом и демократом был глубоко почитаемый мною Джефферсон. Великий Байрон. И Коэн.

Именно либеральные и глубоко демократические идеалы Коэна заставляют его быть резким критиком многого в американской внутренней и внешней политике, и при демократах, и при республиканцах, противоречащего этим принципам, но особенно – политики США в отношении СССР и постсоветской России, писаний большинства американских советологов и журналистов.

«Проблема» Коэна в том, что он честен, искренен, не циничен и не догматичен. Будучи фундаментально убежденным в принципах свободы и демократии, он не является фундаменталистом и фанатиком этих идей. С другой стороны, будучи американским патриотом и вообще американцем до мозга костей, он никогда не ставит национальные интересы своей страны выше принципов демократии и права. Вернее, он убежден в том, что соблюдая эти принципы, возможно наилучшим образом соблюдать национальные интересы. И поэтому,

когда Ельцин в октябре 1993 года стрелял из танков по символу демократии – первому в истории нашей страны демократически избранному парламенту, посылал снайперов на отстрел его защитников, а американский госсекретарь через несколько дней после того высказывал восхищение действиями Кремля, что соответствовало оценкам всей американской элиты и прессы, то для Стива это стало таким же жестоким моментом истины, как и для меня.

Сегодня те в Америке, кто восхищался Ельциным и ельцинщиной, все как один ярые антипутинисты. Здесь не время и не место для анализа того и иного деятеля и соответствующих им периодов истории России. Однако очевидно, что морально-политический крах американской двухпартийной политики в отношении России начался именно тогда. Удивительно, как нынешние американские хулители Путина – «могильщика демократии» – не понимают, что она – русская демократия – была смертельно ранена именно тогда, перед Белым домом на Краснопресненской набережной, что кровавая Чечня стала прямым следствием этого, а существовавшая в то время «свобода слова» Гусинского–Березовского с неизбежностью должна была выродиться сегодня в версию Леонтьева в программе «Время» 1-го канала Российского телевидения.

Стивен Коэн оказался одним из очень немногих в США и вообще на Западе специалистов по России, кто уже тогда – при Ельцине – давал четкую оценку этого гнусного явления нашей истории и позорной американской политики по его использованию якобы на пользу США (а на самом деле – во вред). Я никогда не забуду, как много раз в 90-е годы Стив говорил и писал, и публично, и в частной переписке с автором этих строк, что слабая ядерная Россия потенциально опаснее для Америки, чем сильный ядерный СССР, что русские никогда не забудут и не простят Америке ее деятельного участия в разрушении их великого государства и образа жизни, ее – Америки – советов и советников, упорного стремления навязать России противоположный ее интересам, географическому положению, истории, культуре и идеологии строй и упорного надменного невежества в познании и признании иной великой цивилизации.

Мнение Коэна тогда и теперь в Америке во многом было и остается гласом вопиющего в пустыне, хотя хотелось бы надеяться, что в ходе предвыборной кампании и после президентских выборов в Штатах 2008 года ситуация изменится. Сегодня он признан и востребован в России многократно больше. Его здесь уважают справа и слева. Он умудряется дружить и с Горбачевым, и с Явлинским, и с Зюгановым. С ним считаются. Его мнение – сильнейший аргумент в ведущихся у нас бесконечных спорах о том, что с нами случилось и почему, что с нами происходит сегодня. Он давно стал русским американцем. Американским русским. Частью нашей истории, науки и культуры. Частью нашей жизни. Лучшей частью.

Думаю, что причин тому несколько. Одна коренится в его глубоком интеллектуализме и познании закономерностей нашей истории. Огромную роль здесь сыграло изучение им Бухарина и советской эпохи с позиций научности и объективизма (хотя Стив – яростный в отстаивании своих взглядов и спорах с оппонентами, очень эмоциональный и не скрывающий своих эмоций человек). КГБ в свое время грубо ошиблось, причислив его к антисоветчикам и не пуская в страну. Точно так же оно ошиблось, выслав из страны Александра Зиновьева. А сегодня и на перспективу тот и другой – безусловно, мыслители и пророки первой величины. Самое главное в том, что именно эти крупнейшие критики советской системы сегодня объективно для таких советских по убеждениям людей как я, стали сильнейшим аргументом в ее защиту.

Книга Коэна «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России» – не просто пример глубоко научного и тщательно документированного анализа. Это еще и надгробный памятник дурной американской «русской» политике, советологии и невежественной журналистике. И вообще самому жуткому периоду нашей собственной истории и позорному провалу американской политики и дипломатии в отношении России – вообще 90-м годам.

Его книга «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» – это не просто исследование самого удивительного и трагического события русской и мировой истории. Это еще и пример гражданского подхода историка к предмету исследования и к своему ремеслу. В ней, в отличие от груды

написанного на Западе и в России за последние 17 лет, Стивен приходит к выводу, что распад Советского Союза не был неизбежным, не был итогом некоей предопределенности, а явился следствием стечения обстоятельств, грубых ошибок и целенаправленных действий изнутри и вовне по уничтожению государства. Хотя Коэн в своей работе четко определяет внутренние фундаментальные слабости советской системы, как диалектик, он в то же время четко показывает, что она рухнула в значительной мере из-за появившегося избытка того, что ранее столетиями было у нас в дефиците – свободы и демократии, но брошенной на самотек, не уравновешенной ответственным и грамотным политическим и экономическим менеджментом. Пациент умер от избытка кислорода, хотя причина смертельного недуга была именно в его недостатке. В этом смысле Коэн объективно становится жесточайшим критиком Горбачева и всего его политического наследия, хотя его ранние работы в защиту этого наследия – начиная с «Голосов гласности» – такой же честный и ответственный документ эпохи.

Как бы то ни было, в Америке всего им написанного и сказанного не простили и не прощают. Традиции маккартизма там живы, также как у нас традиции «разоблачительных» статей и доносов. Поэтому Коэну и его супруге периодически приходится отбиваться от обвинений в симпатиях к СССР, к коммунизму и нынешней России, а значит – чуть ли не в антиамериканской деятельности. Такая вот американская борьба с «космополитами проклятыми».

А на самом деле в основе всего творчества этого ученого – любовь к Америке и любовь к России – его второй Родине, как признался он в одной из своих самых проникновенных работ.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Всегда Россией он обеспокоен...

16 января 2008 Переделкино

Спокойным не бывает Стивен Козн.
Всегда Россией он обеспокоен.

Она его волнует вновь и вновь –
мучительная давняя любовь.

Сквозь рыжую библейскую небритость
В нем брезжит идеалов неубитость.

Свою Россию любит он, не спрятав
Презрения к России бюрократов,

Дочь получил он колдовски за это
от поцелуя русского поэта

в пупок прелестной Катрин ванден Ховен –
одной из политических диковин.

Поэта платоническая дочка,
как лучшая его живая строчка!

Но возвратимся к Стивену. Кто Стивен?
Он, словно Украина, самостиен.

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О З Н А

В политике он редкость – не двуличен.
Как местечковый мальчик, романтичен.

Впитал он сумасшедший ритм Москвы.
Внутри принял боль бухаринской вдовы.

И произнес эпохе приговор:
«Cold piece is pregnant with a worst cold war»

Люблю тебя, мой уникальный Стивен
Завидую тому, что ты наивен.

О, если бы за чистоту морали
Наивных в президенты выбирали!

Геннадий ЗЮГАНОВ

Друг истины и друг России

Я высоко оцениваю Стивена Коэна как ученого и человека, горжусь тем, что мы друзья. Причина исключительно уважительного к нему отношения понятна. Из многочисленных личных контактов с ним в Москве и Нью-Йорке (а мы знакомы уже почти 15 лет), чтения его книг и статей мне давно уже стало ясно, что речь идет о высокопрофессиональном историке СССР и России, неординарном мыслителе и аналитике, искреннем доброжелателе нашей страны.

Интересна и показательна диалектика развития его политической мысли и отношения к России, к ее истории. Ученик Роберта Такера, еще в начале своей научной карьеры избравший Николая Бухарина в качестве центральной фигуры своей исследовательской деятельности, Коэн, казалось бы, был обречен пойти по пути большинства американских советологов с их стандартными в своей одиозности представлениями об истории и политике СССР. Однако пристальный интерес к первоисточникам и исключительная научная добросовестность позволили ему придти к неожиданным для западного исследователя выводам и представлениям о том, что происходило в России и в СССР в прошлом веке. Что сделало его книгу о Бухарине, особенно после ее издания у нас на русском языке, важным событием научной и общественной жизни, причем событием долговременного действия.

Говорю об этом не потому, что разделяю оценки Коэна в отношении этого деятеля, а тем более Сталина и его эпохи. А потому, что введенные им в нашу жизнь забытые или неизвестные факты советской истории, их нетривиальная интер-

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

претация и часто неожиданные выводы во многом обогатили наше представление о собственной стране. И вообще задали тот научный стандарт, с уровня которого наши лучшие историки советского периода, включая новое поколение ученых, изучают предмет исследования, даже зачастую не соглашаясь с коэновским видением нашего былого.

Однако для меня как для практического политика наибольшее значение имеют взгляды и оценки Коэна в отношении современности – того, что происходило в СССР/России, в отношениях наших двух стран последние 20 лет и что происходит сегодня.

Исходя из его мировоззренческих и научных взглядов Стивен (как и большинство нашей интеллигенции) не мог не стать энтузиастом перестройки, гласности и всего, с этим связанного. Но в отличие от абсолютного большинства своих коллег-специалистов по России на Западе, он оценил последовавший за этим развал СССР, ельцинщину и гнусную роль во всем этом правящих кругов США как великую трагедию нашего государства и народа, как крупный провал внешней политики его собственной страны, несущий угрозу национальной безопасности США.

Исходя из последних публикаций и высказываний Коэна, представляется, что все происшедшее и происходящее у нас сегодня подталкивают его ко второму прочтению многих постулатов, казавшихся ему ранее незыблемыми в его оценках и периода Горбачева, и более ранних периодов советской истории. К их переосмыслению. Думаю, что это так, поскольку знаю его научную щепетильность и гражданскую ответственность. Ведь к нему прислушиваются очень многие. Особенно в нашей стране.

Хочу сказать еще о двух качествах Стивена Коэна, которые привлекают меня и многих моих товарищей по партии больше всего.

Это его глубокая и искренняя вера в принципы демократии, воплощение которых в нашей стране всегда было его главной мечтой. При всех понятных для русского коммуниста и американского либерала разночтениях по ряду фундаментальных вопросов, нас всегда объединяло прежде всего именно это.

Мы в КПРФ именно в проблемах с политической демократией и с правом на разномыслие и оппозицию видим одну из главных причин той трагедии, которая произошла с нашей партией и со страной в конце прошлого века. Мы сделали из этого все необходимые выводы, и сегодня КПРФ во внутрипартийной жизни, в той повестке дня, которую мы предлагаем для страны, в нашем видении социализма XXI века являемся последовательными сторонниками демократии, свободы слова и собраний, права на веру и на собственность, разделения властей. К сожалению, ничего похожего на это у нас сейчас в России нет, и в этом мы видим угрозу повторения той трагедии, которая уже дважды произошла с нашим Отечеством в прошлом веке. В критике сложившейся ситуации и в том, что мы предлагаем, видим в Коэне не просто симпатизанта, а во многом единомышленника.

Другое редкое для человека с Запада, а потому чрезвычайно высоко ценимое нами в Стивене качество – это его искренняя любовь к России, способность сопереживать и надеяться на лучшее в ее судьбе. Везде и всегда он говорит одно: Россия – великая страна, уникальная цивилизация, мы – американцы – не вправе навязывать русским наши рецепты, заставлять их реализовывать наши нередко эгоистические и неправые цели и интересы. Мы можем и должны изучать их великую историю и культуру, мы можем делиться своим национальным опытом, высказывать свои суждения по поводу их политики, но только они сами вправе распоряжаться своей судьбой. Залог мира и согласия между нашими народами – мощная, независимая и демократическая Россия.

Так я понимаю жизненное послание Стивена Коэна.

Приветствую его, желаю новых успехов в творчестве и благополучия.

Алан КАСАЕВ

Борец с историческим невежеством

У Стивена Коэна есть собственный взгляд на одну из ключевых проблем XX века, на причины и последствия распада Советского Союза. Я не буду сейчас подробно пересказывать точку зрения Стива. Желающие гораздо подробнее, чем удалось бы мне, и главное, интереснее смогут узнать это из работ самого Коэна. Мне бы хотелось показать, что его подход имеет глубокую, выстраданную и поэтому аргументированную личностную составляющую.

Профессор Коэн не свободен от пристрастий – в этом ценность его научного подхода к объекту исследования в том случае, когда этот «объект» на самом деле является субъектом.

Речь идет, в частности, о последнем президенте СССР Михаиле Горбачеве. Известно, сколь разное отношение к Михаилу Сергеевичу сложилось в последние годы в России. Многим представляется, что это именно он, в одиночку, прокравшись какими-то неведомыми науке и технике путями к высшей власти в могущественнейшей (одной из двух!) державе мира, цинично и злонамеренно ее развалил. Естественно, по заданию ЦРУ и еще Бог весть чьему. Более или менее понятно, когда таких или близких взглядов придерживаются люди не очень сведущие в политике, жертвы телепропаганды, основанной на необходимости все грехи властей нынешних оправдать злокозненностью соседних государств, зарубежных спецслужб и прошлых вождей. Гораздо страннее и непонятнее, когда «теория заговоров» ложится в основу мемуаров тех лиц, которые годами составляли ближайшее окружение того же Михаила Горбачева, активнейшим образом способствовали выработке

и реализации его политической линии как внутри страны, так и вне ее. При этом они не уходили в знак протеста с тем или иным решением генсека и президента в отставку и не становились в ряды диссидентов.

Именно с подобным подходом столкнулся я несколько лет тому назад, прочитав сперва воспоминания одного из ближайших сподвижников Михаила Горбачева по ЦК КПСС, занимавшего пост одного из ключевых руководителей Международного отдела ЦК. Мемуарист прислал свою книгу одному из наиболее популярных российских политологов, и тот при подготовке развернутой рецензии на этот труд особо выделил как раз тему «злокозненности» Горбачева в противовес собственной (и мемуариста, естественно, тоже) принципиальной позиции по отстаиванию целостности СССР.

Я тогда работал в журнале Виталия Третьякова «Политический класс» и предложил сбалансировать явно субъективную рецензию не менее авторитетным мнением. – Кого ты можешь предложить? – спросил меня главный редактор, и я не задумываясь (и не спросив заранее Стива, в чем могу сегодня с некоторым смущением признаться) предложил Коэна. Как мне и представлялось, профессор Нью-Йоркского и Принстонского университетов встал на сторону исторической правды, справедливости и здравого смысла истово, научно и весьма убедительно. «За 30 лет изучения и неоднократного посещения советской и постсоветской России я взял себе за твердое правило: не вмешиваться в политические баталии внутри страны» – писал в своей статье «Кто виноват?» Стив. Но в тех случаях, когда речь идет об истории и о личностях в ней, которые эту историю писали, Коэн не считает для себя вправе игнорировать невежественные оценки. В самом сжатом виде он показал ошибочность суждений своего пристрастного оппонента.

Разве можно не помянуть ни об одной положительной черте пребывания Горбачёва на посту советского лидера, даже о той, благодаря которой уважаемый оппонент имеет возможность открыто высказывать своё мнение? Правильно ли игнорировать тот факт, что Горбачёв стал первым правителем в российской истории, который добровольно повёл страну через Рубикон, разделяющий многовековое авторитарное правление

и реальные демократические практики и институты – ко всё более свободным прессе и выборам, ко всё более независимо-му парламенту. Неужели трудно понять, что может и чего не может сделать даже великий реформатор в огромной стране с многовековыми бюрократическими традициями? Если реформатор не способен и не желает прибегать к массовым кровавым репрессиям, как делал Сталин, он сам не сможет осуществить глубокие изменения – просто не хватит власти, политического влияния и времени. Он сможет «только» предоставить стране новые возможности, новые альтернативы, открыв двери, долгое время бывшие закрытыми. По мнению Стивена Козна, Горбачёв сделал и это к 1990 году, предоставив СССР, или, точнее, большинству республик, пожелавших остаться в Союзе, возможность произвести демократические преобразования наряду с постепенной экономической модернизацией. Советский Союз двинулся в ином направлении – к отмене Союза и туда, где Россия с другими республиками оказалась сегодня. – Однако была ли в произошедшем вина Горбачёва? – спрашивает Стив. Безусловно, да. Но лишь в том смысле, что, освободив, он дал стране возможность выбора путей развития.

Стив высказал и свою принципиальную позицию по поводу того, кто сделал фатальный выбор в 1990–1991 годах. Определённо, не Горбачёв, который до конца ему сопротивлялся, и, определённо, не русский народ, который сегодня многие представители московской интеллигенции (и американские наблюдатели) ругают за собственные несбывшиеся ожидания. «Выбор – пишет Стив – сделала советская элита, вернее, часть её в лице жаждущих власти аппаратчиков из окружения Ельцина, жаждущих собственности номенклатурщиков и радикальной интеллигенции, обернувшейся, по ещё одной деструктивной российской традиции, из конформистской в агрессивно-нонконформистскую».

Если спросить меня, как вкратце, одной фразой оценить, кто такой для меня Козн, я скажу: «борец с историческим невежеством».

Ирина КЛЮШНИКОВА

Выдержка и деликатность

Работать со Стивом – истинное удовольствие. Знаю его с 1990 года, и каждый раз, когда я переписываюсь с ним, я восхищаюсь его способностью чётко изложить поставленную задачу и очень своевременно и заранее всё распланировать. Никогда не переставала удивляться его работоспособности, выдержке и деликатности.

Многие известные общественные и политические деятели приходили к нам в московское бюро CBS News на интервью и для комментариев. Стив Козн один из немногих журналистов, которые работают легко и красиво. Он и выполнит то, что задумал в эфире, и не создаст вокруг себя никаких проблем – ни технических, ни моральных.

Восхищаюсь его трогательными отношениями с женой Катриной и дочерью Никой. Он всегда путешествует с семьёй. Они всегда брали с собой в поездки кроху дочь, тем самым поднимая понятие «семейные отношения» на самый высокий уровень.

Когда я была у Стива и Катрины в Нью-Йорке в гостях, я сразу почувствовала себя как дома в Москве за родным круглым хлебосольным столом, где Стив рассказывал анекдоты, и все пили чай из стаканов в подстаканниках. Мне было очень уютно у них.

Эдвард КЛЯЙН

Понимать Россию

Когда сорок лет назад я познакомился со Стивом, он был профессиональным советологом, профессором политики в Принстонском университете и учеником Роберта Такера, который возглавлял в Принстоне программу изучения России. (В 1970-е годы Стив сменил его на этом посту и занимал его до своего ухода из Принстона в 1998 г.) Я был президентом маленькой семейной компании – небольшой сети магазинов детских товаров. Моим страстным увлечением была – и остается – Россия. В 1968 г. вместе с Максом Хэйвордом – членом совета Оксфордского колледжа Св. Антония, признанным многими выдающимся русистом своего времени – мы основали некоммерческое издательство Chekhov Publishing Corporation для публикации произведений живущих советских писателей на их родном русском языке. Макс был редактором, а я отвечал за сбор средств, печать и распространение продукции.

В 1972 г., когда Валерий Чалидзе, сооснователь (вместе с Андреем Сахаровым и Андреем Твердохлебовым) московского Комитета прав человека, был лишен во время своей поездки в Соединенные Штаты советского гражданства, он стал у нас редактором русскоязычных публикаций по правам человека, истории и политике, выходящих под колофоном Khrönika Press. Следуя настойчивому желанию общих друзей в Москве, Стив познакомился с Чалидзе вскоре после того, как тот переехал в Соединенные Штаты. Через Чалидзе Стив познакомился со мной, и с тех пор мы остаемся друзьями.

Стив был одним из немногих серьезных советологов, кто интересовался русскими диссидентами в 1970-е годы. (Напро-

тив, московские корреспонденты [американских СМИ], возможно, преувеличивали значимость диссидентов, поскольку те обеспечивали их интересными для читателей историями и были более привлекательными, чем официальные советские деятели.) Некоторые ученые боялись – не без основания – что дружба с диссидентами может помешать им получать визы для поездок в Советский Союз. Другие полагали, что советские диссиденты маргинальны, они не пользуются большой поддержкой в обществе (что верно) и слабо влияют, если влияют вообще, на текущую или будущую советскую политику (что до сих пор остается предметом споров). Стив работал с широким спектром диссидентов, из числа как высокопоставленных, так и рядовых граждан – см. работу Стива *An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union, from Roy Medvedev's Underground Magazine* (Norton, 1982). Издательство Chekhov Publishing Corporation публиковало Андрея Сахарова и других наиболее ярких диссидентов. Но почва у наших интересов была общая.

С 1976 г. Стив начал подолгу жить в Москве. Благодаря хорошему знанию русского языка, любви к русскому народу и русской культуре, а также помощи и поддержке Катрины ванден Хювел, с 1980 г. ставшей его спутницей, а позже женой, Стив обзавелся необычайно широким кругом русских друзей и знакомых. В 1975 г. он познакомился с сыном Бухарина, Юрием Лариным, и женой Бухарина, Анной Лариной, которая отсидела восемь лет в Гулаге. (Первая книга Стива, вышедшая в издательстве Alfred Knopf в 1973 г., была посвящена Бухарину и русской революции.) Стив сумел по частям, глава за главой, переправить рукопись воспоминаний Анны Лариной в Нью-Йорк. Впервые она была опубликована в советском журнале «Знамя» в декабре 1988 г., а английский перевод под названием *This I Cannot Forget* вышел в издательстве Norton в 1993 г. с вступительной статьей Стива.

Одной из наиболее примечательных фигур в кругу бывших гулаговцев, с которыми Ларина познакомила Стива, был Евгений Гнедин, сын соратника Ленина Александра Парвуса. В 1939 г., вскоре после смещения Максима Литвинова с поста советского комиссара по иностранным делам, его преемник Вячеслав

Молотов отправил коллегу Литвинова, Гнедина, в Гулаг. Освободившись в 1956 г., Гнедин работал журналистом. Стив стал близким другом Гнедина и помог ему опубликовать у Чалидзе его книги *Из истории отношений между СССР и фашистской Германией* (Khronika Press, 1977) и *Выход из лабиринта* (Chalidze Publications, 1982).

Ларина также познакомила Стива с Антоном Антоновым-Овсеенко, который был сыном казненного Сталиным видного большевика, и сам тоже прошел через Гулаг. Стив организовал публикацию в Chekhov Publishing Corporation книги Антона *Портрет тирана* (Khronika Press, 1980), английское издание которой, *The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny*, с предисловием Стивена Коэна вышло в издательстве Harper&Row. Стив продолжает помогать Chekhov Publishing Corporation публиковать русскоязычные книги и журналы (теперь используя издательские возможности в Москве).

В 1980–1990-е годы Стив познакомился со многими представителями московской политической и культурной элиты. Голоса некоторых из них звучат в книге Стива и Катрины ванден Хювел *Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers* (Norton, 1989): это Александр Яковлев, Юрий Афанасьев, Татьяна Заславская, Евгений Велихов, Георгий Арбагов, Евгений Евтушенко и др. В предисловии к книге *Stephen Cohen: The Soviet Union and Russia: Tributes and Comments by Russian Colleagues* (Publishing Works, 2010, русское издание – *Стивен Коэн и Советский Союз / Россия* (Москва: АИРО-XXI, 2008)) Михаил Горбачёв пишет: «Стива Коэна я знаю давно: часто встречался и обсуждал с ним различные проблемы исторического и политического характера. Откровенные беседы сделали нас друзьями». В декабре 2008 г. Президент Дмитрий Медведев наградил Стива Орденом дружбы «за большой вклад в укрепление российско-американского сотрудничества». Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов тогда же поздравил «большого друга и постоянного автора “Новой газеты”, замечательного американского философа, историка и политического обозревателя Стивена Коэна».

Стив помог углубить мое собственное понимание России, регулярно приглашая меня, диссидентоведа-любителя, на

организуемые им уже много лет встречи с известными российскими политическими и культурными деятелями. Я благодарен ему за поддержку, которую он оказывает Chekhov Publishing Corporation. Я глубоко уважаю Стива за то, что он любит Россию и русских людей; за то, что в 1970–80-е годы он активно выступал за либерализацию Советского Союза, а не за дестабилизацию, как другие советологи; за то, что он считает Соединенные Штаты в значительной степени ответственными за ухудшение американо-российских отношений после 1991 г. и что улучшение этих отношений возможно и необходимо.

Пол КРИСТЕНСЕН

Три пункта

Прежде чем начать абсолютно заслуженно хвалить Стива Козна, я хочу обозначить свое место в долгой карьере Стива. Я был его аспирантом в Принстоне с 1985 г. по 1993 г., а с 1989 г. по 1993 г. еще и главным ассистентом в читаемом им курсе советской политики и истории. Я был также многолетним участником знаменитых утренних баскетбольных матчей «три на три», организуемых Стивом по средам. Это было замечательно демократическое и товарищеское мероприятие, объединяющее преподавателей и аспирантов. Мы собирались вместе, расслаблялись, гоняли мяч и нещадно фолили без оглядки на чины и звания друг друга. Я до сих пор скучаю по тому времени.

Когда меня впервые попросили написать короткий комментарий по поводу советской политики, я спросил Стива, как лучше к этому подойти. Его совет, как всегда, четкий и ясный, был таков: писать понятно, кратко и ограничиться тремя главными пунктами. Последовать этому совету в отношении самого Стива непросто, поскольку его влияние на меня и на область изучения Советского Союза и России огромно, но в честь Стива я попробую.

Первое, в чем Стив оказал на меня огромное влияние, это показал на своем собственном примере, что значит быть учителем и наставником. Впервые в жизни я говорил со Стивом, когда он позвонил мне весной 1985 г. – это случилось примерно тогда же, когда Горбачёв стал генеральным секретарем ЦК. Я заканчивал колледж и мучился выбором, в какой универси-

тет поступить, когда однажды утром мама разбудила меня словами, что мне звонит некий профессор Коэн из Принстона. Моя первая мысль была: не может быть. Человек, который написал *Бухарина*. Никогда в жизни я не был так взволнован. Мой выбор в пользу Принстона решило то, что Стив нашел время позвонить мне, поговорить со мной, сказать, что он хотел бы, чтобы я работал вместе с ним. Этот уровень личного внимания – ко мне и к другим аспирантам, с которыми он работал, показывает, каким был Стив учителем и наставником.

Как нужно учить, я узнал, будучи студентом, на семинарах Стива. На этих семинарах я изучал советскую политику и историю, а еще то, как составлять учебный план, подбирать материалы к предстоящим дебатам и строить экзамены так, чтобы они работали. Эти вроде бы простые, на первый взгляд, вещи имеют решающее значение для успешной работы преподавателя. Но главное, Стив научил меня, как вовлекать студентов в работу, как задавать вопросы, которые заставили бы их думать, и как направлять их в правильное русло, когда они сбиваются с пути.

Это описание влияния, которое Стив оказал на меня как преподаватель, будет неполным, если не сказать, что Стив это лучший лектор из всех, что я видел в жизни. Его способность соединять воедино историю, политику и личный опыт таким образом, чтобы увлечь студентов и удержать их внимание, поражала воображение. Одним из самых любимых дней студентов-политологов в Принстоне был день, когда Стив давал знаменитую лекцию «Анекдоты»: весь час рассказывал советские анекдоты – уморительно-смешные и так многое объясняющие в советской истории и политике. Большая аудитория в этот день всегда была забита до предела, а в проходах толпились студенты и преподаватели с других курсов.

Стив также, что не менее важно, учил меня заниматься наукой, прежде всего на примере собственной научной деятельности. Короткого взгляда на сноски в любой из книг или статей Стива будет достаточно, чтобы проиллюстрировать первый пункт здесь: Стив читал всё (чем прославился среди своих аспирантов). Этот пример был пугающим, но он дал мне понимание того, как важно собирать все свидетельства, копаться во всех источниках, даже если кажется, что они не

имеют прямого отношения к проблеме. В этом кроется одна из многих причин, по которым аргументы Стива так убедительны. Широта и глубина его познаний есть следствие большой и тяжелой работы. Того же он требовал от меня, и моей собственной работе это пошло на пользу. Стив учил меня и другим важным вещам: задавать правильные вопросы, думать об альтернативных способах формулирования проблемы, не принимать на веру общепринятые взгляды, а всегда пытаться опровергнуть их. Возможно, общепринятая точка зрения, в конце концов, окажется правильной, но чаще – как показывал и показывает опыт Стива – нет. Стив всегда смотрел на научную деятельность как на процесс постоянной переоценки как своей работы, так и работы других. Этот взгляд он привил мне, и я благодарю его за это каждый день моей профессиональной жизни.

Когда я думаю о влиянии, которое Стив оказал на мою жизнь, я всегда думаю о Москве. Без многолетней помощи Стива моя исследовательская работа там была бы невозможна. Стив использовал все свои знания, связи и влияние, чтобы открыть для меня Советский Союз и Россию. Наши встречи там, совместное общение с другими людьми и впечатления останутся одними из самых значимых в моей профессиональной и личной жизни. Упомяну только три из них, следуя давнему совету Стива.

Я никогда не забуду холодный и дождливый весенний день 1991 года, когда по приглашению Стива я имел честь познакомиться с Анной Михайловной Лариной. Она была мила и доброжелательна, и беседа с ней в тот день заставила советскую историю и политику ожить у меня перед глазами – сильное и незабываемое впечатление.

Я также вспоминаю теплый и солнечный день 1994 года, когда я вместе со Стивом принимал участие в конференции в Горбачёв-фонде, посвященной будущему социализма в России. Маленькую фотографию, сделанную Стивом в тот день в одном из перерывов между заседаниями, я храню как одну из самых дорогих вещей в моей жизни. На фото я стою рядом с беседующими Михаилом Горбачёвым и Роем Медведевым и явно не могу поверить, что мне повезло оказаться там и

быть очевидцем столь важного для меня момента политической истории.

И, наконец, один из самых памятных для меня вечеров в Москве – вечер в гостях у близкого друга Стива, покойного Владимира Шевелёва, старшего редактора «Московских новостей». Я тогда по большей части слушал, а разговор шел обо всем: политике, истории, религии, перестройке и гласности, – и, конечно, звучали последние анекдоты. До знакомства с Владимиром я имел лишь абстрактное представление о том, что такое советский интеллигент; после того вечера я это по-настоящему понял. Меня, естественно, поразили глубина знаний и пронизательность суждений Владимира о происходящих событиях, но еще большее впечатление произвели его чуткость и простая порядочность. Я встречался с ним неоднократно после того вечера, и он очень помог мне. Благодаря Стиву, его душевной щедрости, я обрел русских друзей, которых без него ни за что бы не встретил, и узнал Москву, которую никогда бы не узнал.

Мой третий (и последний) пункт касается того влияния, которое научная деятельность Стива оказала на американских ученых, политиков и читающую публику вообще. Говоря коротко и ясно, многолетние усилия Стива коренным образом изменили интеллектуальную дискуссию о Советском Союзе и России в Соединенных Штатах и за их пределами. Уже пятьдесят лет ни один историк или политолог, не важно, согласен он со Стивом или нет, не может обойти его своим вниманием. В колледже меня учили с позиций тоталитарной модели. Когда я впервые прочитал книгу *Бухарин и большевистская революция*, я понял, что имею дело с ниспровергателем устоев, и был настолько же восхищен, насколько мои преподаватели шокированы.

Лично для меня самой важной работой Стива остается *Переосмысливая советский опыт*. Возможно, потому что эта книга была опубликована в 1985 году, как раз тогда, когда началось мое сотрудничество со Стивом и то удивительное путешествие, которое мне довелось совершить вместе с ним по бурным волнам горбачёвской перестройки. А в интеллектуальном смысле, потому что этой книгой Стив добился одно-

временно двух вещей. Он так скрупулезно, по косточкам, разобрал аргументы сторонников тоталитарной школы, что загнал многих в тупик, заставив обратить внимание на доводы, которые они прежде не брали в расчет. В то же время, для таких, как я, он открыл целое море новых возможностей, перспективных вопросов, требующих ответа, и научных проектов, требующих разработки. Как бы вы ни относились к теоретическим революциям, то был момент подлинного раскрепощения для советологии.

Невозможно также переоценить важность работ Стива на тему политики, в широком и узком смысле слова. Никогда не забуду, как я сидел на площади в Мадриде, пил кофе и читал данную мне Стивом неправленную верстку книги *Провал крепостного похода: Америка и трагедия постсоветской России*. С первой страницы и до последней это был гневный обвинительный акт в адрес американской политики 1990-х годов в отношении России, от чтения которого невозможно было оторваться. Это лишний раз напомнило мне о том, насколько велико значение Стива как публичного ученого и, я бы сказал, совести нашей области знания.

Для меня честь вот уже двадцать восемь лет считать Стива своим наставником, коллегой и другом. Я знаю, что могу позвонить ему в любое время, и он всегда будет доступен для разговора со мной. Кроме, конечно, тех моментов, когда Кентукки играет в баскетбол. Иногда три пункта на табло бывают важнее всех прочих.

Виктор КУВАЛДИН

Остаться человеком

Стив Коэн – нетипичный американец. Он скорее напоминает классический тип дореволюционного русского интеллигента чеховского образца. По-видимому, долгие занятия Россией перевесили или уравновесили в нём воздействие национальной культуры своей собственной страны. А может быть, создали синтез, в котором объединились лучшие черты американской и российской культуры.

Что в Стиве вызывает у меня глубокое уважение и симпатию? Прежде всего его большая внутренняя человечность. Стив – аналитик, учёный, мыслитель, но это не холодный рационализм, отрешенный от мирских проблем, забот и страстей. Для него очень важна моральная оценка происшедшего. Он всегда думает о том, как то или иное историческое событие отразилось на жизни простых, рядовых людей. В Стиве есть встроенный мощный моральный камертон, но нет морализаторства и доктринёрства.

Ясная и прочная (хотя временами глубоко спрятанная внутри) моральная основа его суждений и оценок делает их независимыми, самобытными и оригинальными. Стив органически не приемлет никакой «тирании большинства» – идет ли речь об общественном мнении, официальной позиции властей или точке зрения коллег. В поисках истины он с олимпийским спокойствием идёт против течения. Его не смущает перспектива остаться в меньшинстве или даже в одиночестве. Для него наиболее важно и ценно ощущение внутренней правоты.

У Стива всегда свой взгляд на вещи, но это никогда не оригинальничание, стремление эпатировать почтенную публику.

Стив – настоящий ученый, и потому великий труженик. Он перерабатывает горы материала, чтобы добыть крупницы истины. Он слишком уважает правду жизни, чтобы пытаться как-то её редактировать.

Такие люди, как Стив, редко делают феерические карьеры. Провидение посылает их на землю с другой целью: чтобы мы не забывали, что самое главное – при любых обстоятельствах – оставаться человеком. Особенно, если ты избрал научную стезю.

Владлен ЛОГИНОВ

Не все двери еще закрыты

Цицерон сказал когда-то, что первая задача историка – воздержаться от лжи. Вторая – не утаить правды. Третья – не давать повода заподозрить себя в пристрастии или предвзятой враждебности. То есть: «добру и злу внимая равнодушно»?

Сейчас, когда я держу в руках книгу Стива Коэна о Бухарине, изданную в Москве в 1986 году, я понимаю, что Цицерон все-таки в «третьем пункте» оказался не совсем прав.

Это было много лет назад. В опутанной проводами и заставленной осветительными приборами комнатухе Центральной студии документальных фильмов идет съемка ленты о Бухарине. Его жена – Анна Михайловна Ларина рассказывает о Николае Ивановиче. Это долгая, многодневная беседа. Я задаю ей вопросы. Она вспоминает какие-то эпизоды. Разговор идет неторопливо. А поскольку свет направлен на нас, то кажется, что мы находимся в призрачном обособленном пространстве.

Но за световым занавесом, где работают режиссер и оператор, мечется еще какая-то фигура. Это Стив. Он не может оставаться равнодушным свидетелем, когда речь идет о его герое. Он беззвучно шевелит губами, оспаривая или просто комментируя услышанное. Но когда его вводят в полосу света, это уже другой Стив – профессор университета, читающий лекцию не очень толковым студентам.

Он любил своего героя, не скрывал этого, что несколько не мешало ему отвергать любую ложь и не утаивать правды. Может быть, поэтому и книги его стали столь популярны. Речь шла не только о новой информации, новых источниках,

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

недоступных ранее и исследователям, и читателям. Необычен был сам подход к освещению столь масштабной политической фигуры, поиск мотивов принимавшихся решений, ответов на вопросы – почему он сделал так или иначе, почему оступился или пошел на явный компромисс. И все это – не выходя за жесткие рамки, очерченные исследуемым документом.

С кинофильмом о Бухарине получилось тогда не все гладко. Работа над ним затянулась и процесс «смены всех», столь привычный для российской интеллигенции, опередил нас. Тексты полугодичной давности уже не устраивали, ибо теперь в глазах «общественности» Бухарин был уже не «жертвой», а таким же «палачом», как и все остальные, причастные к революции. И тут же нашелся ученый муж, который, «добру и злу внимая равнодушно», создал другой текст.

«Добру и злу внимая равнодушно». А верно ли это? Человеческая история достаточно сложная штука. И «внимая равнодушно», можно не отличить добра от зла. А ведь в создании народа его прошлое – это не набор равновеликих фактов и дат, а события всегда нравственно оцененные, где «добро», хотя и переплетается, но всегда четко отделено от «зла», несмотря на все «объективистские» потуги историков.

Стив Коэн никогда не скрывал своего пристрастия к добру и враждебности к злу. Может быть, поэтому его книга и оставила столь глубокий след не только в науке, но и в мучительном историческом самопознании народа.

Рой МЕДВЕДЕВ

Горбачев всегда выделял его

Ещё до перестройки я читал множество произведений западных исследователей о Советском Союзе, его истории и, конечно, Сталине. Хорошо представлял характер этих трудов, стиль изложения. Например, Роберта Конквеста и Мартина Малия. Их книги крайне интересны, но полны мифов и фальсифицированных данных. К тому же, в них нет движения времени, понимания его сути. Впрочем, живя за границей, трудно понять и почувствовать дух советского времени.

Однако когда я впервые взял в руки книгу Стивена Коэна, меня поразили не только объективность и доскональность знания фактов по истории СССР, но и понимание атмосферы внутрипартийных отношений, противостояния группировок, межличностных конфликтов. Сразу становилось ясно, что образ страны сталинского времени, который представлял Стивен – результат глубокого продумывания разнообразных документальных источников, мемуаров, периодики. С подобным уровнем анализа в трудах западных историков до тех пор я ещё не сталкивался.

Понятна моя радость, когда я услышал, что Стив желает встретиться со мной. С момента нашего первого знакомства, а это были брежневские времена, мы подолгу обсуждали самые разнообразные стороны текущих событий. Коэн был откровенен со мной во время наших затяжных прогулок по Москве. Его не смущали моё диссидентство, исключение из партии, статус исследователя-одиночки. Более того, он оказывал мне всяческую помощь, помогал как посредник в моих отношениях с западными издательствами. Мы ещё больше сдружились на посиделках в доме Анны Михайловны Лариной-Бухариной

и её детей – Нади, Юры и Миши. Я видел, как Стив внимательнейшим образом относился к бухаринской семье, изучал её историю. Через этих близких ему людей он ещё глубже понимал советскую жизнь.

В каждый приезд Стива у меня была возможность делиться с ним своими новыми проектами, обсуждать с ним мою книгу о Бухарине, точнее, о последних трёх годах жизни Николая Ивановича. Я располагал ценными сведениями об этом из воспоминаний людей, которые вернулись из лагерей. В свою очередь, Стив читал и рецензировал мои рукописи, рекомендовал их издательствам США.

Когда Стив познакомился с М.С. Горбачёвым, чувствовалось, как Горбачёв выделял его, прислушивался к его мнению по многим вопросам.

К сожалению, в последние годы мы встречаемся всё реже. Поэтому я был очень рад, когда нашу последнюю обстоятельную беседу в 2005 году, посвящённую многим актуальным вопросам современных историографии и политики, опубликовал академический журнал «Новое и новейшее время». Это было приурочено и к моему 80-летию.

Я храню самые добрые воспоминания о тридцатилетней истории наших отношений, ценю помощь и поддержку Стива, всячески желаю, чтобы его потенциал учёного, а он очень велик, реализовался полностью.

Дмитрий МУРАТОВ

Историку и Человеку

От: Муратова Д.А.,
главного редактора «Новой газеты», Россия.

Кому: Козну Стивену, философу.

Тема: видимо, про жизнь.

Дорогой Стив!
Тебе будут напоминать в твой юбилей, что и как ты написал о Бухарине.
О Горби.
О судьбе Советского Союза (ты думал, что можно сохранить, не сохранил).
Про прекрасную твою Катерину (а ее ты сохранил! Она, уверяю, лучше СССР!).
Тебе напомнят о твоей «скрытой склонности к социализму», о твоей ненависти к агрессивности любых идеологий.
Стесняясь, скажут о «левизне» Козна – то есть про то, что любые реформы должны быть полезны людям.
Ты и так об этом знаешь. Ты знаешь и о том, что тебе абсолютно безразличны твои титулы, статусы, должности – тебе же интересна жизнь, а не величина визитной карточки.
Дорогой Стив, я рискую огорчить тебя, но скажу.
Мне кажется, ты сделал что-то, что даже важнее твоих учебников, лекций, статей, полемик.
Ты никогда не менял представлений о справедливости, добре и зле. Не сердись, но для меня ты только об этом всегда писал и говорил. Для философов и политиков эти категории

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О З Н А

товар. То добро становится нерентабельным, то зло необходимостью.

А Коэн, (то есть ты, Стивен) понимая и осознавая все проблемы мира, его угрозы и вызовы, все же всегда определял, где добрые, где злые, где справедливость, где дерьмо – как бы не запутывали нас политики своей усталой целесообразностью.

Я читал тебя в университете, студентом. Я никогда не думал, что, буду знаком лично с тобой и Катериной. Я никогда не думал, что возможно такое совпадение легенды (то есть тебя, Стивен) и живого, при этом вызывающе красивого человека (опять тебя, Стивен).

Я тебе глубоко благодарен за то, что ты лично, сам, на своей шкуре, в своей жизни оказался таким же благородным как те ценности, которые ты защищал в своих книгах.

Ты знаешь, что сделал?

Ты собою доказал, что хорошим книгам можно верить.

Твой друг

Д. Муратов

(и Катерине с мамой – мой поклон)

Павел ПАЛАЖЧЕНКО

Друг России, друг Горбачева

Году, кажется в 1995-ом, Стив Коэн прислал мне статью о тогдашней российской ситуации и отношении к ней США. Статья была резкая (по мысли, а не по лексике), но, как мне показалось, справедливая и, главное, пронизанная болью за страну, изучению которой Стив посвятил большую часть своей жизни. Досталось всем: нашим радикал-реформаторам, сделавшим все возможные и невозможные, прощительные и непрощительные ошибки, и их западным советчикам, почему-то уверовавшим в собственную непогрешимость, а также в пригодность для России некоей идеальной, не существующей в реальности «модели». Кое-что в этой статье вызвало у меня возражения, но не было никаких сомнений, что российский читатель должен ее прочитать.

Стив попросил меня предложить статью для публикации в одном из авторитетных изданий, назвав, в частности, «Известия». Вообще-то он мог бы сделать это и сам, но я, конечно, выполнил его просьбу и через пару дней позвонил в «Известия» узнать о судьбе материала.

Заместителем редактора или, не помню точно, заведующим отделом в газете был тогда Владимир Надеин – журналист, как у нас иногда говорят, «остро пишущий», с интересной биографией, но, я бы сказал, уперто-предсказуемый ельцинист. Непререкаемым тоном и с четкой дикцией он сказал мне, что печатать статью Коэна газета, безусловно, не будет, потому что статья примитивна по аргументации, совершенно не учитывает политические реальности России и в общем льет воду не на ту мельницу. Что-то в этом духе. Не скажу что ре-

акция Надеина меня ошарашила, но тон несколько удивил. Все-таки – может быть из-за того, что за годы своего жителя-бытья в США и других западных странах я начитался газет, где, как ни крути, печатаются статьи, отражающие разные точки зрения и «совершенно не учитывающие» всякие там реальности – я предполагал, что если откажут, то под каким-нибудь благовидным предлогом. Откровенность, конечно, дело хорошее, подумал я тогда, но свободолобивому журналисту роль цензора как-то не пристала.

Стивен Коэн – человек не очень удобный. Его точка зрения может вызвать сомнения и даже отторжение у людей, близких ему по политическим взглядам, как минимум показаться им неожиданной. Конечно, он человек левых убеждений, но свети все к этому было бы несправедливо. Прежде всего, это исследователь, придерживающийся в своей работе самых строгих правил объективности, тщательной проверки фактов, доказательности. В этом я убедился еще в советское время, когда прочитал его книгу «Переосмысливая советский опыт». По широте охвата материала и проникновению в малоисследованные слои нашей тогдашней жизни эта книга не имела себе равных, и поэтому она до сих пор не устарела. Для тех, кто представлял саму советскую действительность и наш руководящий слой как некий монолит, выявленные и тщательно, детально исследованные Коэном течения (консервативно-охранительное, русофильское, либеральное, переходящее в «зачаточное» социал-демократическое) оказались неожиданностью, а попытка осмыслить их вызывала инстинктивное отторжение. Впоследствии выяснилось, что поставленные Коэном вопросы целили в самую суть проблематики будущих перестроечных дискуссий – о возможности или невозможности реформирования советской системы, о том, сводится ли она к стереотипу тоталитаризма, об альтернативности путей развития режимов, которые принято было относить к социалистическим.

Для большинства «кремленологов» ответы на эти вопросы были предрешены (чаще всего в отрицательном плане) их убеждениями. Для Коэна – это открытые вопросы. Наверное, открытые до сих пор. Мне кажется, что причина этой особенности в необычном для исследователя советской эпохи и со-

ветской системы внимания к «человеческому фактору». Стив Коэн неравнодушен к «этой стране», к ее героям и антигероям. Показательна в этом отношении его книга о Бухарине, сочетающая строгую, объемную научную документированность и искреннюю симпатию к объекту исследования. На страницах этой книги мы видим поистине «другую историю» – не ту, где все заранее ясно, расставлено по своим местам последующими событиями, известными автору и всем нам, а историю, где все в непредсказуемом развитии, где действуют живые люди с их убеждениями, сомнениями и разочарованиями. Как далеко все это и от грубых поделок нынешних переписчиков истории на «общедержавный» лад, и от модного еще недавно исторического хамства тех, кто хочет перечеркнуть весь советский период.

В годы перестройки Стив Коэн был, по-моему, одним из самых внимательных и объективных аналитиков происходившего в Советском Союзе. В отличие от многих своих коллег он не сомневался в действительно реформаторских намерениях Горбачева и не скрывал, что отдает предпочтение его эволюционному проекту по сравнению с любыми другими. В те годы я познакомился с ним, сначала не очень близко. В его статьях и впоследствии в общении с ним я увидел тему, которая в те годы была и моей болью: сожаление по поводу позиции лидеров нашей интеллигенции, отказавших в поддержке Горбачеву в самый трудный момент. «Статусная интеллигенция» обвиняла инициатора перестройки в нерешительности, в неискренности, в недостаточном радикализме, голосила на митингах, лебезила перед Ельциным, в общем, делала все, чтобы спровоцировать реакцию и толкнуть Горбачева в лагерь консерваторов. Коэн писал об этом, предупреждал, что ничего хорошего из этой «гапоновщины» не получится, но «властители дум» к нему не прислушивались. Будучи тогда рядом с Горбачевым, я видел, как тяжело он переживал это первое в годы перестройки предательство (потом были и другие), и каких сил стоило ему удержать курс. «Зима тревоги нашей» – конец 1990-го – начало 1991 года стоила мне некоторых друзей, и примерно тогда же, а может быть раньше, в этих людях разочаровался и Стив.

Начались годы «постперестройки» – во многом антиперестройки, негативная оценка которых Стивом Коэном хорошо известна. В западной литературе об этом периоде большой спектр мнений, но все-таки большинство «постсоветологов» попали в ловушку идеологической заданности, согласившись считать возникший в России режим безальтернативной власти демократическим, а полукриминальную экономику называть рыночной. Коэн не сделал этой ошибки, и отсюда последовательность его суждений и оценок. Думаю, в отличие от многих коллег ему нечего стыдиться, перечитывая и вновь публикуя написанное в те годы.

Мои расхождения со Стивом касаются в основном не России, а его оценок роли Запада и прежде всего, конечно, США в тогдашних событиях. По-моему, он несколько преувеличивает эту роль. «Крестовый поход» – неплохая метафора, если понимать ее не слишком прямолинейно (так же как, например, метафору «холодной войны»). Грандиозно-абсурдная затея пересадить на российскую почву американские политические, экономические и культурные концепты, безусловно, имела место и в чем-то даже «удалась» (американский масскульт, надо признать, у нас прижился), но инициаторы этой затеи были не в Вашингтоне и не в Гарварде, а в Москве. Мне трудно представить, какую альтернативную политику могли бы предложить Буш, Клинтон или кто угодно другой, когда руководители России при поддержке еще дышавшей тогда интеллигенции и молчаливом согласии народа принимали в отношениях с Западом неприличную для уважающей себя страны (что уж там говорить о «великой державе») позу поклонения и безоговорочного принятия «вашингтонского консенсуса». Вспомним хотя бы расстрел парламента в октябре 1993 года. Позиция Запада, отказавшегося осудить это безобразие, была, конечно, этически ущербной, но я не помню, чтобы из США раздавался призыв «задавить гадину». Это, к сожалению, наше.

Мне не очень близок и тезис Коэна о возобновлении «холодной войны» (иногда его можно понять так, что она по сути и не прекращалась). Здесь просто недостаточно места, чтобы подробно полемизировать на эту тему, поэтому скажу лишь, что, по моему глубокому убеждению, новой «холодной вой-

ны» можно и необходимо избежать, и Россия для этого должна сделать не меньше, чем США. Слишком часто, критикуя американскую политику, мы забываем, что конфронтация с США – это тупиковая позиция, от которой давно отказались все разумные страны, не только западные, но и такие, как Индия, Китай, Бразилия. А американская политика будет меняться, и мне кажется, что у Коэна вскоре будет больше возможностей на нее влиять.

Разные мнения среди друзей – дело нормальное, главное, чтобы была общая почва. Для нас со Стивом (позволю себе еще одну, несколько рискованную метафору) такой «общей почвой» уже многие годы является Горбачев. Как-то Стив сказал мне, что прочитал едва ли не все написанное и опубликованное им. В его отношении к Михаилу Сергеевичу есть политический аспект, есть нравственный стержень и есть человеческая симпатия. Несправедливость по отношению к Горбачеву глубоко задевает его и иногда заставляет реагировать. Так было недавно, когда «Нью-Йорк таймс» напечатала лицемерную статью по поводу участия Горбачева в одной рекламной кампании, не упомянув ни о том, что средства от нее пошли на экологические цели, ни о многочисленных других его благотворительных проектах. «Защита Коэна» была точной и резкой, с переходом в контратаку – как в шахматном «варианте дракона» сицилианской защиты. Привожу в своем переводе письмо Стива в редакцию:

«Опубликованная в вашей газете 16 ноября редакционная статья “Багаж Горбачева”, в которой вы критикуете Михаила Горбачева за “обналичивание своего имиджа”, пренебрежительно называя его “странным героем”, а сегодняшнюю Россию – страной, “где все замешено на деньгах и на власти”, постыдна во всех отношениях. Достаточно сказать, что у нас в стране многие бывшие политические лидеры по давно сложившейся традиции зарабатывают на известности, приобретенной в прошлые годы.

В то время как у нас президентские центры-библиотеки щедро обеспечиваются из государственных и многочисленных частных источников, г-н Горбачев, которому скоро исполнится 77 лет, из собственных средств финансировал строительст-

во здания своего фонда и продолжает нести бремя финансирования его деятельности, а также активно участвует в сборе средств для возглавляемой им замечательной экологической организации “Международный Зеленый Крест”.

Еще хуже то, что в статье не упоминается самое “странное”, что произошло с наследием Горбачева. Я имею в виду действия последующих лидеров, как в самой России, так и за рубежом, умудрившихся растратить созданные им исторические возможности для российской демократии и российско-американских отношений. Стоит ли удивляться тому, что вы обходите молчанием тот факт, что “Нью-Йорк таймс” с энтузиазмом поддерживала политику, проводившуюся Москвой и Вашингтоном в послегорбачевский период 1990-х годов и погубившую эти возможности.

Стивен Ф. Коэн

Нью-Йорк, 16 ноября 2007 г.».

Спасибо, Стив!

Леонид ПАРФЕНОВ

Однажды начатое ПОТОМ НЕОСТАНОВИМО

– Я из штата Кентукки, где очень быстрые лошади и очень быстрые девушки. Ну, так принято говорить...

Стивен Коэн давал интервью «Международной панораме», влиятельной программе Центрального телевидения СССР. Мы его представляли советской аудитории, прежде Коэн в наших масс-медиа фигурировал лишь как герой фельетона «Пакостник из Нью-Йорка» – так «Литературная газета» отрецензировала его диссертацию о Бухарине.

Фельетон, разумеется, был застойный, а интервью – перестроечное. Но и его разрешили не просто. Накануне Эдуард Сагалаев перешел из молодежной редакции в руководители телеинформации, выпуск «Международной панорамы» вел Александр Бовин, а редактором была Татьяна Миткова. В результате всех усилий мы сидели на лавочке у метрооста и профессор объяснял, почему Бухарин и сейчас живет всех живых.

В недолгой перестройке был короткий – полтора-два года – период веры в то самое человеческое лицо строя, образца Чехословакии 1968 года. Горбачев тогда выдвинул лозунг «Больше социализма!» Коэн, получалось, все это предвидел – он почти единственный из американских советологов утверждал: СССР – не монолит, он способен на эволюцию, которую начнет некое реформистское крыло в руководстве компартии. В общем, Горбачев – это Бухарин сегодня и хорошо изданная книжка Коэна по тем временам выглядела просто роскошью: суперобложка, много фотографий, хорошая бумага. Забавно конечно, что про «врастание кулака в социализм» и возмож-

ность примирения с призывом «Обогащайтесь!» мы узнавали в переводе с английского.

Про бациллу реформирования, которая всегда жила в теле коммунизма, Коэн говорил очень убедительно. Помню, как он проверял на мне фразу, с которой собирался начать свое выступление на вечере в честь 95-летия Хрущева в Доме кино – это, стало быть, апрель 89-го. – Если я так скажу: без Никиты Сергеевича не было бы Михаила Сергеевича? – Отлично, все будут в восторге! Будто распевающийся тенор, Стивен несколько раз повторил пассаж, чтоб выговаривать почетче. Аплодисменты, конечно, были громовые. Насчет того, что коммунизм в итоге не реформируем и переродится в капитализм профессор деликатно умалчивал, как положено гостю, не огорчающему хозяев. В их с Катей номере в гостинице Академии наук он, расхаживая с баночкой колы в руке, объяснял: однажды начатое потом неостановимо и границ оно для себя не признает.

– Вот я колу открыл и все – баночка уже никогда не будет полной.

Прошло ровно двадцать лет, но на то время не получается смотреть «с высоты» нынешнего. Во-первых, поскольку даже обманывающийся романтизм все же лучше беспредельного цинизма. Во-вторых, беспокойство страны, выяснившей, что она потратила на химеру свой XX век здоровее самодовольства нефтегазового эмирата. И в третьих – соображение сугубо по ремеслу: у нас все еще не научились писать книжки по истории беллетристически – чтоб серьёзно, но интересно – как написан «Бухарин» Стивена Коэна.

Владимир ПОЗНЕР

Раз и навсегда принятые схемы не для него

Признаться, я не помню, когда впервые познакомился со Стивом Коэном. Но помню точно, что это было связано с подготовкой ставшего в СССР и России чуть ли не легендарным телемостом «Ленинград—Сиэтл – встреча в верхах простых граждан». А раз так, значит, это было в 1985-м году.

Я запомнил его чрезвычайно худым, абсолютно категоричным в суждениях и беспрерывно курящим человеком довольно ироничного склада ума. Я совершенно не помню, каких он тогда придерживался взглядов, но сдаётся мне, что они, эти взгляды, сильно отличались от тех, которых придерживались наиболее известные «советологи» Америки. В этой среде считалось невозможным признать хотя бы возможность чего-то положительного в СССР. Любое изменение следовало толковать только со знаком минус.

Появление М.С. Горбачева и его первые шаги в сторону перестройки и гласности мгновенно были оценены этими людьми как «ширма», «дымовая завеса», цель которой ввести в заблуждение Запад. Стив Коэн считал иначе. Он раньше других увидел «судьбоносный» (используя один из любимых терминов самого Горбачева) характер того, что происходит в СССР.

По сути дела, он в среде советологов стоял в этом смысле особняком. Сколь горячо Коэн поддерживал Горбачева, столь страстно он осуждал Ельцина. Помню горячий спор, в котором и я принимал участие, когда Стив буквально поносил Ельцина за развал СССР. Я тогда сказал ему, что все-таки СССР – всего лишь видоизмененная Российская империя,

а империи, как известно, не вечны. Коэн был не согласен. Если и империя, считал он, то нового типа, поскольку у этой империи не было колоний, не было граждан первосортных в метрополии и второсортных на окраинах. Полагаю, он и сейчас придерживается этого мнения.

Говорить о вкладе профессора Коэна в дело изучения и познания СССР/России я не могу: не имел возможности присутствовать ни на одной из его лекций, да мало читал его трудов. Но в одном я не сомневаюсь: это всегда познавательно и никогда не было подчинено заранее выработанной и раз и навсегда принятой схеме. Мне трудно поверить, что Стиву 70 – уж больно он активен, больно страстен, больно взрывчат. Поздравляю его от души!

Евгений ПРИМАКОВ

О пользе доходчивых объяснений

Меня связывают с американским профессором Стивеном Коэном годы знакомства, встречи в Москве и Вашингтоне, обсуждения разных сторон современной политики, российско-американских отношений. И не только. В 1998–99 годы, например. Стив писал, что американские журналисты «с презрением встречали любые российские предложения о постепенных, менее болезненных реформах, когда они исходили от Примакова». Меня сблизило с Коэном то, что он оказался опытнее, лучше знающим положение дел в России, а может быть и умнее многих своих американских коллег.

Конечно, Стивен Коэн не знал всех обстоятельств моего прихода в правительство, но основной контекст он почувствовал верно, и сумел доходчиво объяснить это американцам. Кризис 1998 года, в отсутствие заслуживающих доверия альтернатив, действительно представлял угрозу собственному положению Б.Н. Ельцина. И, как считает Стив, я, наверное, был тем человеком, кто не был связан ни с «провальной экономической политикой» предшествующей команды, ни с финансовыми олигархами.

Семь лет депрессии, даже без учёта августовского краха 1998 г., вдвое сократили ВВП, разрушили основы системы жизнеобеспечения, обанкротили государство и «повесили» на него 168 миллиардов долларов внешнего долга. Около 75 % россиян проживало за чертой бедности или непосредственно перед ней, хронически не получало зарплату, банковские сбережения были заморожены, имеющиеся на руках деньги обесценились, а от советской системы социальных гарантий почти

ничего не осталось. Страна утопала в коррупции, преступности, пьянстве и преждевременной смертности.

В результате всего этого у людей сложилось скептическое отношение к самой идее перехода к рыночным отношениям. Есть все основания считать, что всё это было закономерным результатом курса экономического развития страны, заложенного в 1992 году. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчёркивали свою связь с «чикагской школой». И что имело немаловажное для них значение, они пользовались полной поддержкой на Западе.

Возглавив в сентябре 1998 г. правительство, я направил все свои усилия на то, чтобы помочь людям, смягчить негативные последствия кризиса, приостановить бегство капиталов, возродить национальное производство и стабилизировать положение в стране. Обо всём этом я подробно написал в своей книге «Восемь месяцев плюс.» (2001).

И что касается внешнеполитического контекста, то, как мне представляется, и в этом отношении прав Стивен: в тот период появлялась реальная возможность для изменения американо-российских отношений, открывался шанс помочь России обрести стабильность и реабилитировать репутацию США.

Однако администрация Клинтона этого не сделала. «В истории отношений клинтоновской администрации с правительством Примакова – пишет, в частности, Стив – нет полной ясности, но, похоже, что у нового российского премьер-министра в Вашингтоне (и в американской прессе) врагов не меньше, чем в Москве. Американские официальные лица не любят его за дружбу с Саддамом Хусейном, идущую ещё с тех времён, когда Примаков в качестве арабиста и советского корреспондента работал на Ближнем Востоке, за связи, которые он поэтому должен был иметь с КГБ, и за то, что он всегда лоялен к Горбачёву».

Возможно, у Стива есть свои основания полагать, почему американская администрация ко мне «относилась прохладно и прилагала усилия, чтобы ускорить мою отставку». Действительно, моё общение с представителями Белого дома напоминало монологи глухого и слепого. В беседе со Струобом Тэлботтом в феврале 1999 года я вынужден был резко ответить на

упрёки о том, что мы не занимаемся экономикой. «А почему тогда – спрашивал я – за пять месяцев существования правительства “неординарное” эмиссионное финансирование составило только 1 миллиард долларов?». А ведь это ничтожно мало. Вместе с тем мы полностью рассчитались с бюджетниками, выплатили задолженность по денежному довольствию армии, платили текущие пенсии. Если это не эмиссионное финансирование, то откуда всё это взялось? Нам ни цента не дал МВФ, никто не дал. Значит, увеличились доходы по налогам, увеличились доходы по таможенным сборам, несмотря на то, что в результате финансового кризиса уменьшился импорт. Значит, мы вели борьбу с коррупцией и преступностью. Значит, медленно-медленно, но происходило оживление экономики.

Для меня и сегодня важно и ценно, что в той сложной ситуации Стив оказался немногим из американцев, кто выступил с открытой критикой позиции администрации Клинтона, хотя, возможно, и чересчур эмоционально. А может быть, Стив не так уж и далёк от истины? Может, и правда, пребывание двух коммунистов в моём правительстве значили для Вашингтона гораздо больше, чем страдания миллионов людей? И не странно ли, что после моего отстранения МВФ сразу решил предоставить кредиты Кремлю.

И, конечно, новым поколениям историков будет дано подтвердить или не принять следующую оценку Козна: «Обстоятельства отставки Примакова, совпавшей по времени с натовскими бомбардировками Сербии, испортили американскую репутацию в России ещё больше. Учитывая, что большинство граждан в России и фактически вся политическая элита были до предела возмущены бомбардировками, Примаков с его популярностью и большим международным опытом имел все шансы стать идеальным главой правительства в условиях самой жёсткой конфронтации с Западом».

Я благодарен Стиву за эти слова, хотя, повторяю, рассудит время, нужна дистанция. И Стив, и я это прекрасно понимаем.

Алексей ПУШКОВ

Интеллектуальная **честность** дорогого **стоит**

Стивен Козн – один из тех людей, которые через всю свою жизнь несут на себе печать сильной индивидуальности. Он интеллектуально независим, и это главное, что можно о нем сказать как об ученом и преподавателе. В современном обществе, которое поделено на партии, корпорации и кланы, такая независимость и интеллектуальная честность дорогого стоят.

И не случайно Стивен женат на столь красивой, одаренной и сильной женщине, как Кэтрин. Вместе они составляют очень яркую и впечатляющую пару.

Я искренне поздравляю Стива с его семидесятилетием, но ему семьдесят только по зрелости ума и глубине понимания того, что происходит вокруг нас. Во всем остальном он еще очень молод, так что ему можно только позавидовать.

Александр РАБИНОВИЧ

Друг и коллега на всю жизнь

Для меня Стивен Козн – дорогой друг и глубоко уважаемый коллега-ученый уже более пятидесяти лет. Мы встретились в конце 1960 года, когда мы оба были аспирантами Индианского университета с научными приоритетами в области русской и советской политики, истории и культуры. Как известно, особый интерес Стива к этой теме вырос из его случайной поездки в Советский Союз несколькими годами ранее. Мой был родом из раннего детства, так как я сын русских эмигрантов. Мой отец, Евгений И. Рабинович, урожденный петербуржец, был видным ученым – физическим химиком, писателем, поэтом, одним из основателей *Бюллетеня ученых-атомщиков* и международного Пагуошского движения, объединившего ведущих ученых, глубоко озабоченных судьбой мира в ядерную эпоху. Моя мать Анна, русская театральная актриса, была родом из Киева. В июле 1918 года, накануне «красного террора», семья моего отца бежала из революционного Петрограда [в Европу], а перед самым началом Второй мировой войны ему повезло получить приглашение на работу в Массачусетский технологический институт. Так что я вырос в русскоговорящей семье, тесно связанной со «звездами» русской эмиграции на восточном побережье Соединенных Штатов. Мой сын Миша был назван в честь гарвардского ученого, признанного основателя американской школы россиеведения и близкого друга нашей семьи Михаила Михайловича Карповича, а известный меньшевик и собиратель архива русской социал-демократии Борис И. Николаевский, не имевший собственных детей, на

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЗНА

многие годы стал своего рода дядей мне и моему брату-близнецу Виктору.

Когда мы познакомились в Индиане со Стивом, этот университет уже был ведущим американским центром профессионального россиеведения. В то время большого различия между когортой аспирантов-политологов с солидной подготовкой в области советской истории и такой же когортой аспирантов-историков России, всерьез интересующихся советской политикой, не было. Была одна большая сплоченная группа умных и любознательных аспирантов – политологов и историков, на многих из которых, как на Стива и на меня, большое влияние оказал выдающийся политолог, автор биографии Сталина, Роберт Такер, в ту пору преподававший в Индиане. К моменту, когда я оказался в университете, Стив – благодаря оригинальности своего мышления, уверенности в себе, умению отстаивать свою позицию, а также неумемной энергии, спортивности и личному обаянию – уже стоял особняком в нашей группе. К тому же, у него уже сложились исключительно тесные личные и научные отношения с Робертом Такером, которым суждено было продлиться до самой смерти Такера в 2010 году. Такер был замечательным преподавателем, по-настоящему творческим и вдохновляющим, и я подозреваю, что в какой-то степени своими незаурядными успехами в лекционной аудитории Стив обязан именно ему.

В конце 1962 года Такер перевелся на факультет политологии в Принстон, а Стив получил магистерскую степень в Индиане и, как докторант Колумбийского университета, начал работать над своей первопроходческой биографией Бухарина. Мы вновь встретились со Стивом в Нью-Йорке, где большую часть следующего года я работал над своей докторской диссертацией об июльском восстании в Петрограде в 1917 году, перед тем как отправиться в Москву и Ленинград изучать тему в рамках одной из первых программ советско-американского научного обмена. В Нью-Йорке мы жили со Стивом в трех кварталах друг от друга и часто встречались, чтобы обсудить интересующие нас обоих темы и проблемы. Уже тогда я с выгодой для себя использовал глубокие познания и наблюдения Стива как политолога. И тогда же Стив попросил меня помочь ему в получении информации о Бухарине от Николаевского,

который тоже жил неподалеку (особенно в том, что касается его «Письма старого большевика»). Упорство, с которым Стив продолжал изучать этот вопрос даже много лет спустя после смерти Николаевского, говорит о том, что он был твердо намерен собирать по крохам любую, даже самую труднодоступную, информацию о Бухарине, – свойство, которое присуще ему по сей день. Это также отражает и мой собственный подход к изучению русской революции и гражданской войны. Возможно, поэтому я с таким уважением отношусь к той кропотливой и детальной исследовательской работе, которую он продолжает вести, чтобы создать новую, современную и исчерпывающую биографию Бухарина – человека и политика, чья трагическая судьба сыграла важную роль в истории Советского Союза.

Моя диссертация и первая книга, *Прелюдия к революции: Петроградские большевики и июльское восстание 1917 г.*, была опубликована в 1968 году, и до конца брежневской эпохи советские историки клеймили меня как ярого «буржуазного фальсификатора». Позже московские и ленинградские историки помоложе называли меня «ревизионистом» и предтечей молодого поколения западных социальных и политических историков, не обремененных предрассудками и искренне стремящихся лучше понять революцию 1917 года и ее последствия. На Западе книга с самого начала получила хвалебные отзывы и была воспринята как прорыв в западном историческом знании о событиях 1917 года. При этом я не знаю никого, кто бы понял, принял и поддержал мою работу сильнее и горячее, чем Стив. Как и Роберт Такер, он поддержал мою кандидатуру на соискание места в Принстонском Институте перспективных исследований, что позволило мне написать книгу, посвященную непосредственно Октябрьской революции. Мало того, когда в 1975 году книга была завершена, Стив поспособствовал, чтобы *Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде* была издана престижным нью-йоркским издательством У.У. Нортон. И, что еще более важно, на заре горбачевской эпохи Стив убедил Александра Авеличева из московского издательства «Прогресс» издать книгу на русском языке. Я вспоминаю день в конце 1989 года, когда моя первая книга на русском языке была представлена публи-

ке в переполненном зале издательства «Прогресс», как один из самых счастливых дней моей жизни. *Большевики приходят к власти* были первой западной научной монографией о революции 1917 года, опубликованной в годы перестройки. На презентации присутствовали несколько доживших до того дня старых большевиков с семьями, в том числе Анна Ларина с детьми, горстка диссидентов и журналистов и многочисленные московские историки.

В середине 1980-х годов Стив представил меня Лариной и ее семье. В те годы, получив возможность, я проводил большую часть времени в московских библиотеках, работая над своей следующей книгой, *Большевики у власти: Первый год Советской власти в Петрограде*, которая вышла одновременно в Соединенных Штатах и России в 2007 году. Сколько раз в тот период тоску и унылость гостиницы Академии наук, где я обычно жил в Москве, прерывали долгие, упоительные вечера в теплом доме Лариных! Сначала Анна Михайловна вела себя со мной осторожно по причине моей тесной связи с Николаевским, которого она считала, по крайней мере, частично, виновным в судьбе Бухарина. Но со временем, благодаря, в немалой степени, успокаивающему воздействию Стива, ее опасения на мой счет испарились, и она, как и ее сын Юрий и дочь Надя, стали моими близкими и дорогими друзьями. Позже Стив свел меня с известным драматургом Михаилом Шатровым, и впоследствии визиты в его квартиру в «Доме на набережной» и на дачу в Переделкино, оживленные дискуссии в кругу собиравшихся там выдающихся деятелей культуры также стали яркими памятными событиями моего пребывания в Москве.

Между тем, моя работа над книгой *Большевики у власти* в конце 1980-х застопорилась в связи с относительной малочисленностью опубликованных источников по интересующим меня вопросам. И тут случилось невероятное! Сначала Стив, а позже, в 1992 году, Боб Такер и я получили разрешение работать в Центральном партийном архиве. Так или не так, но я всегда объяснял этот подарок небес высоким положением, которого Стив достиг к тому времени в среде советской правящей номенклатуры и интеллектуальной элиты.

Позвольте мне напоследок заметить, что с 1965 года и до ухода на пенсию в 1999 году я был профессором русской истории в Индианском университете. Там я руководил подготовкой и написанием докторских диссертаций нескольких поколений аспирантов в области русской и советской истории. Для всех них изобилующие плодотворными идеями работы Стива о Бухарине, о диссидентстве, о советской системе от рождения и до краха, о русско-американских отношениях, о Гулаге и его жертвах и о множестве других важных проблемах, связанных с Россией, были обязательной литературой. Эти работы и наше длящееся по сей день и периодически возобновляемое взаимодействие со Стивом, безмерно обогащают и мое собственное знание о советских/российских проблемах. Поэтому в его этапный, 75-летний юбилей я хочу пожелать ему доброго здоровья еще на многие годы, чтобы он продолжал и дальше делиться с серьезными читателями во всем мире своими оригинальными, отрезвляющими, часто крайне дискуссионными, но всегда глубоко прочувствованными, прочно обоснованными и серьезно аргументированными взглядами на американскую политику в отношении России, российской политики и американо-российских отношений. На мой взгляд, его работы по этой проблематике сегодня, как никогда, важны. И еще хочу пожелать, чтобы он нашел время обогатить наше понимание советского исторического опыта своей новой, самой полной и исчерпывающей книгой о Бухарине.

Олег РУМЯНЦЕВ

Моральный лидер американской политологии

Не скрою, писать о юбиларе, мне доставляет особое удовольствие. Наверное, потому, что в случае со Стивом Коэном – совсем по Булгакову – «правду говорить легко и приятно».

Стив, бесспорно, был одной из икон новой эпохи – эпохи гласности. Но для меня, начинающего политолога и страноведа из института О.Т. Богомолова (ИЭМСС АН СССР), он еще и стал соратником, несмотря на разницу в возрасте. Наше братство «по оружию» выдержало несколько серьезных проверок.

Мы сблизились с профессором Коэном в 1985-1987 годах, в эпицентре зарождения импульсов политической активности и гражданских инициатив. Он не раз бывал гостем различных собраний в своего рода «интеллектуальной долине» в районе метро «Профсоюзная» в Москве, где сосредоточилось до двух десятков заведений общественных наук – институты, библиотеки, центры, лаборатории.

Там и возник клуб межпрофессионального общения и деятельности «Перестройка», собиравшийся на большие пленарки в конференц-зале ЦЭМИ АН СССР, в быстро ставшей знаменитой бетонной башне с лентой Мебиуса над входом, которую публика называла по-простецки «ухом». Десталинизация была тогда одной из горячо обсуждавшихся тем и, как председатель клуба «Перестройка», я пригласил Стива выступить на заседании по случаю выхода его книги о Бухарине.

Не знаю, какой была атмосфера в Политехническом музее в ранние 60-е на чтениях Вознесенского и Евтушенко, но думаю, она была очень похожей на ту, что царил в нашем клубе на встрече со Стивом Коэном. Атмосфера была наполнена физическим ощущением перемен.

С того памятного выступления и началась наша многолетняя дружба. Темперамент, искренность Стива не могли оста-

вить равнодушными никого, а неконформизм и здоровая левизна взгляда на многие сложные вещи была особенно приятна молодым (и не очень) социал-демократам, группировавшимся тогда вокруг клуба.

Открытость заседаний, участие зарубежного гостя была признаком новой эпохи. Крупный американский советолог сразу же стал своим для создателей и завсегдатаев клуба. Мы изучали друг друга и учились друг у друга. Это было прекрасное время, впереди чудилось дальнейшее пробуждение и взросление гражданского общества, бесповоротное развитие конституционного строя.

Не все вышло так как нам тогда мечталось. Прокручивая ленту воспоминаний на несколько лет вперед, я попадаю в конец 1993 года. Переломного для становления российской демократически-правовой государственности и судеб демократической революции в новейшей истории России.

Мало кто из вчерашних соратников нашел тогда в себе силы восстать против откровенной узурпации государственной власти, манипуляции общественным мнением, оставаясь при этом верным ранее заявленным ценностям, принципам и институтам, а не конъюнктуре момента. Мало кто, но не наш американский друг, почетный член клуба «Перестройка» / «Демократическая перестройка» Стив Коэн. В тот период Стив показал пример честной и жесткой позиции. Я искренне признателен Стиву за ту колоссальную моральную поддержку, которую он, среди немногочисленных других друзей (в их числе Станислав Говорухин), оказал в тяжелейшие месяцы после разгрома Дома Советов Российской Федерации. На фоне удушающей атмосферы, созданной «победителями», эта гражданская позиция оказала психотерапевтическое воздействие, помогла выжить.

В 1994–95 гг. сотрудничество со Стивом помогло мне, опальному тогда политику, вернуться в науку. Он организовал ряд моих выступлений в американских университетах – в частности, в Колумбийском и Принстонском. Как-то зимой 1995 года Стив даже устроил на своей Нью-Йоркской квартире частную вечеринку для своих друзей и коллег, на которой попросил меня выступить и принять участие в дискуссии. Тезисы позже легли в основу работы о судьбе конституционного

строю в России, опубликованной в журнале Колумбийского университета¹.

С конца 1998 г. на долгих 10 лет я отошел от общественной и научной деятельности. Каково же было мое удивление и радость, когда 23 марта 2001 года, в день своего 40-летия в газете «Коммерсант» я нашел поздравление от Стива! Это был очень эмоциональный, удивительный подарок друга, глоток свежего воздуха. Слова старшего товарища я храню в рамке, в книжном шкафу. Для того, чтобы когда-нибудь рассказать своей дочери о маленькой заметке большой истории.

Стив – неувядающий моральный лидер американской политологии и советологии. Четкий анализ, честная оценка, нестандартные суждения, потрясающие аргументы профессора-неформала, профессора-диссидента – его фирменный стиль.

В этом я смог убедиться в 2006 году, когда получил от него в подарок небольшую, но профессионально яркую книгу «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза?». Книжка карманного формата (110 страниц текста и еще 75 стр. примечаний) весит иных томов рассуждений на все еще кровоточащую тему. Не скрою, я воспринял ее появление в России, как первую ласточку иной политологической литературы – более искренней, без духовного гламура и подхалимажа, столь свойственных иным авторам в позднейшее российское время.

В 2007–2008 гг., накануне 70-летия Стива и 15-летия российской Конституции, мы начали инициативный общественный издательский проект по выпуску сборника документов по истории начала 1990-х годов². В томе 2 «1991 год», словно продолжая искать ответы на поставленный Стивом «вопрос вопросов», мы уделили ему самое значительное внимание.

У великого американского профессора Стива Коэна есть чему поучиться по сей день.

Поздравляю тебя, дорогой мой товарищ, с юбилеем!

Ты очень много сделал для России, и для взаимопонимания наших народов. Но нам предстоит сделать еще немало, мы рассчитываем на твое здоровье и твое творческое участие.

¹ См.: Harriman Review. 1995

² Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия: стенограммы, документы, материалы (1990–1993 гг.), в 6-ти томах. Под общ. ред. к.ю.н. О.Г. Румянцева. – М.: Волтерс Клувер.

Юрий СОЛОМОНОВ

Один из них был русским уклонистом...

Кажется, это был 1989 год.

Но что было точно, так это павильон «Животноводство» на ВДНХ, где мы должны были встретиться с Евгением Евтушенко. Нет, он пригласил меня не на буренок поглазеть: в этот день на арене павильона, куда обычно выводили пленные сорта животных, стоял длинный стол, накрытый красной скатертью. За ним чинно восседала группа учредителей Московского народного фронта. Помню Сергея Станкевича, Бориса Кагарлицкого, полковника Виталия Уражцева.

Поэт сидел на зрительской трибуне. Лицо его светилось причастностью к большому делу. Это было духоподъемное время. Евтушенко писал тогда не только стихи. Его пером в те годы водила ее величество Перестройка.

Собственно от ее имени он и вошел в мою жизнь, а точнее в редакцию «Советской культуры», где я тогда работал. Выглядел, как и по сей день вдохновенно. Одет соответствующе.

«Старик, – сказал Евтушенко, – Я написал гениальную вещь! Ваша газета должна сказать мне спасибо – за то, что я пришел именно к ней».

«Спасибо», – сказал я на всякий случай.

«Подожди благодарить, – предупредил поэт. – Ты что, не понимаешь, чем вы рискуете? Я только что вашему главному редактору это прямо сказал. Но если откровенно, сам я рискую еще больше!»

Так мы с ним познакомились. Так вышла статья Евгения Евтушенко «Личное мнение». О чем? О том, что пришло время, когда каждый гражданин вправе высказывать то, что думает он лично.

Сейчас я перечитал эту статью, вошедшую в первый редакционный сборник тех лет, и подумал, что наша наивность и наши опасения, конечно же, могут сегодня вызвать улыбку. Но, как сказал еще раньше не поэт, а прозаик: «Все мы плывем в лаве своего времени».

Поэтому вернемся в павильон «Животноводство», где с трибуны мне машет Евтушенко, а рядом с ним сидит рыжеватый бородатый человек в очках и не сводит глаз с арены, на которой, как нам тогда казалось, вершилась история.

Так я познакомился со Стивеном Коэном, приехавшим тогда в Союз вместе со своей очаровательной Катей изучать живую демократизацию советской системы.

«Кто этот офицер?» – спросил у меня Стив про Уражцева.

«О, это наш главный военный демократ, – проявил осведомленность я. – Он уже сумел победить одного начальника училища, сейчас воюет с другим».

«Как воюет?», – не понял заокеанский гость. Тут до меня дошло, и я воскликнул: «Да, не воюет, конечно, а борется демократическими методами. Это как Ельцин, только в армии!».

Сравнение с Ельциным, как мне показалось, не очень впечатлило Коэна.

Пройдет время, и полковник Уражцев из «демократа» обратится в «патриота», в октябре 1993-го будет воевать против сторонников Ельцина, потом его начнут разыскивать, а он, объявив, что «ушел в подполье», будет в своей квартире безбоязненно давать интервью всем, кому он еще был интересен.

Перестройка выталкивала на поверхность самых разных персонажей. Одни из них исчезали так же быстро, как появлялись, другие задерживались, но их существование претерпевало самые различные мировоззренческие и житейские мутации. Но утверждать, что Стивен Коэн своим появлением в нашей стране обязан перестройке, значит, ничего не знать о его жизни, убеждениях и работе. Как советолог, хотя и симпатизирующий СССР, он еще в догорбачевскую пору ходил в «анти-советчиках», а в 1979 году в Москве на международной выставке-ярмарке была изъята его книга о Николае Бухарине.

В своих воспоминаниях помощник Горбачева Анатолий Черняев написал, что самое сильное влияние на идейную эволюцию Михаила Сергеевича оказал американский ученый

Стивен Коэн – своими книгами о Николае Бухарине. «Летом 1987 года Горбачев взял с собой в отпуск его книгу “Бухарин и большевистская революция”. Он внимательно прочел книгу и постоянно цитировал ее мне. Интеллектуальное воздействие [Коэна] на него было колоссально. Именно тогда он решил реабилитировать Бухарина. Именно это он и сделал в своем докладе по случаю юбилея Октябрьской революции 7 ноября 1987 года.

Переоценка роли и самой личности Бухарина открыла шляз для пересмотра всей нашей идеологии».

Коэн и Горбачев стали друзьями.

Кажется, это было в мае 1990 года. В Вашингтоне в честь визита советского лидера был дан завтрак для политической общественности американской столицы. Политики, бизнесмены выстроились в очередь, чтобы поздороваться с Михаилом Сергеевичем. У советских журналистов, освещавших визит, такой цели не было, и мы просто наблюдали за церемонией.

И тут я увидел Коэна. Он двигался в очереди медленно, и мы смогли пообщаться. В руках Стив держал книгу. Ему было важно передать уважаемому читателю свою новую работу, что говорится, из рук в руки.

Вообще те годы лично мне запомнились, как уникальное время не столько политического, сколько человеческого сближения двух стран. Посол США в Москве Мэтлок устраивал в своем представительстве то, что язык не поворачивается назвать тусовками. Это были встречи американцев и русских интеллектуалов за накрытыми столами для того, чтобы не просто поесть и выпить. Были лекции и дискуссии по вопросам истории, культуры, политики. На них бывал и мой близкий друг писатель Камилль Икрамов. Сын Акмаля Икрамова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана, проходившего по делу «правотроцкистского блока» и погибшего вместе с Бухариным. Камил как «сын врага народа» провел в лагерях практически всю юность. Когда мы в последний раз увиделись (именно в посольстве США) он был уже почти добит смертельной болезнью, но глаза сияли, он пытался унести с собой как можно больше впечатлений от этих новых дней. Еще он успел написать книгу «Дело моего отца». А после смерти Камилы вышел маленький сборник его эссе и воспоминания о нем

самом. Иллюстрировал сборник Юрий Ларин, сын Николая Бухарина.

Казалось, что это сближение двух стран будет бесконечным. Помимо аккредитованных в Москве журналистов, в столицу приезжали писатели, кинематографисты США. Приезжали не туристами, а исследователями того, что называлось перестройкой. Мне не забыть американку Шерри Джонс, обладательницу невероятного числа «Эмми» за документальное кино. Она снимала здесь фильмы о самых значительных событиях и самых ярких людях того времени. Появлялся Хедрик Смит, автор одной из книг с названием «Русские», а таких одноименных работ о нас в Америке вышло несколько. Помню, как мы с известным ныне политологом Николаем Злобиным летали в США на конференцию по общественному контролю за деятельностью спецслужб... Сейчас подобные темы и поездки могут вызвать только иронию. Но оно было – таким коротким, чудесное время наших отношений. Романтическое, можно теперь сказать, и даже утопическое время.

Но Стивен Коэн не может быть занесен в благодарственный список тогдашних неожиданных друзей России. Он просто пребывал здесь большую часть своей жизни, потому что так получалось: что бы ни делал этот американец, все было связано с триумфами и трагедиями этой загадочной страны и ее народа.

В предисловии к книге «Бухарин. Политическая биография» автор рассказал советскому читателю, как он, родившийся в штате Кентукки в тот самый год, когда был расстрелян Николай Иванович Бухарин, в 1959 году оказался в СССР и проехал по пяти городам. Этого хватило, чтобы полюбить «страну, выходящую из изоляции, вставшую на путь перемен и народ, проявляющий живой интерес к моей стране».

Но наш заокеанский друг любит Россию строгой, а главное осмысленной и ответственной любовью. У него есть свое представление о том историческом пути, которым она идет и которым могла пойти, если бы... Здесь, конечно, раздастся громкий хор тех, кто знает нехитрую мудрость про то, что истории в сослагательном наклонении быть не может. А то Стивен Коэн об этом не знает. Нетрудно представить и еще более зычный коллектив, который споет песню о том, что негоже американцам учить нас жить.

Однако профессия нашего героя, к счастью, просто обязывает не обращать внимания на расхожие пошлости, а исследовать исторические ошибки, политические промахи, зловещие замыслы – как своей страны, так и любой другой. Тем более, что применительно к России, речь американца проникнута такой заинтересованностью, что он невольно переходит на «мы».

«Мы не можем утверждать, что к приходу Горбачева советская система была неререформируемой и “обреченной”. Если не подходить к анализу идеологически, то окажется, что она была замечательно реформируемой. В ней присутствовали почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия, федерация. Но внутри каждого из этих институтов существовали “противовесы”, сводившие на нет их демократическое содержание. Этими “грузами” были политическая монополия КПСС, безальтернативное голосование, цензура и полицейские репрессии. Все, что требовалось для процесса демократических реформ – желание и умение устранить эти “противовесы”».

Коэн никогда не скрывал и не скрывает своих симпатий к социалистической идее как таковой. В свое время моя жена Ольга, работавшая политическим обозревателем газеты «Труд», провела со Стивеном своего рода тест на постоянство убеждений. Она опубликовала два диалога между Стивеном Коэном и российским политиком Сергеем Бабуриным. Один проходил в 1994-м, другой – десятью годами позже.

Бабурин в 2004 году: «Я читаю работы Стива и могу сказать: каким он был заинтересованным и объективным аналитиком нашей действительности, таким и остался. И для меня важно, что профессор Коэн был и остается “послом мира” между США и Россией».

Коэн в 2004 году: «Напомню, что я не социалист по идеологии и не капиталист, не марксист и не коммунист. А как ученый я продолжаю думать, что, вообще говоря, Россия – левая страна. Это следует из ее дореволюционной истории, из советского периода, и, насколько я понимаю, ситуация сегодня не изменилась. Народная реакция на “гайдаровские ре-

формы” убеждает в том, что Россия должна быть некапиталистической страной. Даже Ельцин, когда был президентом, ни разу не сказал: мы строим капитализм».

Если не капитализм, то что? По Коэну «это может быть, не больше, чем западное понятие “общество всеобщего благоденствия” или, скорее, социального благополучия. Такое общество существует почти везде – в Англии, Франции, Германии, США. У нас это выражено слабее, в Скандинавии – более отчетливо. У меня и сегодня та же точка зрения на российский путь развития. Я бы сказал, что это – социализм с русским лицом, то есть это сочетание здорового национализма и социализма».

Слово «национализм» Сергею Николаевичу Бабурину нравится, и он после 10-летней разлуки увлеченно начинает рассуждать о том, как бояться еще этого правильного слова в России, о том, что все надежды у него (в 2004-м. – Ю.С.) на партию «Родина»...

Диалог проходил летом 2004-го, а уже в январе 2005-го в Москве разразился скандал. Группа депутатов Госдумы призвали Генпрокуратуру России официально возбудить дело о «запрете в нашей стране всех религиозных и национальных еврейских объединений как экстремистских». В официальном письме представители фракций «Родина», КПРФ и ЛДПР объявили, что «еврейская религия – антихристианская и человеконенавистническая, доходящая до ритуальных убийств. Многие случаи этого ритуального экстремизма были доказаны в суде».

Мне кажется, этой истории достаточно, чтобы понять: взгляды Бабурина и Коэна на патриотизм не так уж совпадают, как этого хотелось бы российскому политику. Точно также, думаю, пребывают в счастливом заблуждении некоторые публицисты от КПРФ, которым страшно нравится, как Стив сегодня критикует политику США по отношению к России.

Зюгановская КПРФ – это партия, которая не скрывает своей приверженности идеям «эффективного менеджера» товарища Сталина и которая критикует США не с помощью серьезного анализа нынешней американской политики, а с позиций замшелой «мировой закулисы», «сионистского заговора», «Плана Даллеса», как известно, придуманного советским писателем

Анатолием Ивановым в патриотической саге «Вечный зов». Поэтому, мне кажется, у Стивена Козна с теоретиками из КПРФ, как говаривал советский диссидент и русский писатель Андрей Синявский, стилистические расхождения.

Про интеллектуальные различия и вовсе можно промолчать.

Коэн критикует США, как говорится, без дураков. И хотя потом приходится с легкой горечью констатировать, как мало сейчас у него на родине единомышленников и насколько непопулярна сегодня в США его позиция – правда дороже.

Это он первым использовал термин «прохладная война», характеризую нынешние российско-американские отношения. И о том, как наши страны до этих отношений дошли – у Стивена Козна есть свои предельно ясные мысли.

«Весной 1989 года Горбачев и Буш-старший договорились о том, что Холодная война закончилась и победителей в ней быть не может. Но лишь распался СССР, в Вашингтоне появилось другое мнение: победили США. Американские политики почему-то решили, что Россия стала похожей на Японию или Германию после 1945 года. Дескать, это уже не совсем суверенная страна. Основываясь на этом убеждении, мы пытались руководить политическими изменениями на постсоветском пространстве. Отсюда усиление влияния США на Украину, Грузию, Балтию. И хотя Буш-старший обещал Горбачеву, что не будет расширения НАТО, Клинтон решил иначе. А Ельцин с Клинтоном согласился. Почему он поступил так? Думаю, потому, что Ельцина больше всего интересовала власть над Россией, любой ценой. Такая ситуация существовала, пока Путин не заявил: мы не будем играть по американским правилам. И после его “мюнхенской речи” в своей статье о “новой холодной войне” я написал: не Путин виноват – мы виноваты. А если персонально – то не только Клинтон, но и Ельцин, кремлевская элита того времени».

За такие выводы, будь в США времена покруче нынешних, можно схлопотать и обвинения в чем-то вроде «русского уклона».

Но можно ли этим напугать Стива – вот вопрос, ответ на который уже дан самим героем.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ

О стойкости принципов – в политике и в семейной жизни

Скудную российскую политическую мысль конца 80-х удивляло, потрясало и даже приводило в шок то обстоятельство, что вроде бы приветствуя политику Горбачева – и внутреннюю, и внешнюю, – Запад и в первую очередь США стали почему-то поддерживать Ельцина, который во многом явно с ним расходился и который производил впечатление лидера, претендующего на то, чтобы сместить Горбачева и занять его место. Это драматическое «неразличение» идеологических и политических ориентаций в самой Америке и в ее политике, в ее политическом классе сыграли злую шутку с нашей перестроечной интеллектуальной элитой. Я так понимаю, что это было во многом неожиданностью и для самого Горбачева, потому что Михаил Сергеевич тоже ориентировался, как и вся эта «тусовка», на мнения таких американцев, как Стивен Коэн, и воспринимал их чуть ли не за некую общую точку зрения всей мыслящей Америки.

В то время я очень активно об этом писал, интенсивно общался с известными перестроечными фигурами в «Московских новостях», с приезжавшими в Москву иностранцами, в том числе и с Коэном. Да и сам часто бывал за рубежом, в частности, в Америке. Помню, как в один из своих приездов я оказался у Коэнов. Тогда я также считал, что американская политическая элита единодушна в отношении того, что происходит в Советском Союзе. И Стивен Коэн был одним из тех людей, которые для меня эту элиту олицетворяли.

Уже потом мне стало совершенно ясно, что по поводу Горбачева и всего происходящего в Советском Союзе, России у американской элиты нет единого мнения. И максимально по-

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

зитивно к нам относятся левые интеллектуалы, среди которых – Стивен Коэн, одним из немногих сохранивший верность Горбачеву – как в США, так и вообще на Западе. Впоследствии эти левые интеллектуалы были оттеснены с господствующих идеологических высот. Некоторые из них повели себя по отношению к Горбачеву жестко прагматически. Но какая-то их часть – то ли в силу человеческих симпатий, то ли по причине фундаментальности, принципиальности своего собственного политологического и исторического подхода к мировым процессам, к происходящему в России, а также к перспективам взаимоотношений России и Запада – осталась на позиции принципиальной поддержки Горбачева и его курса, а также неприятия последующей политики Ельцина и своего собственного руководства, сделавшего ставку именно на последнего, а не на первого.

Я полагаю, что и сам Михаил Сергеевич ощущает, что среди когда-то обширнейшей группы его эмоциональных и политических поклонников на Западе верность ему, вплоть до сего момента, сохранили очень-очень немногие, но Стивен Коэн, безусловно, в их числе. Мои личные позиции и политические пристрастия в этом смысле несколько разошлись с позицией Стива Коэна. Он по-прежнему высоко оценивает Горбачева и все, что тот сделал. Я остаюсь при немногих критических замечаниях и, как мне кажется, при объективной оценке его провалов.

Для меня очевидно, что Горбачев проиграл свою партию и идеологически, и политически. Идеологически – потому что, как я неоднократно об этом писал, построить «социализм с человеческим лицом» ему не удалось. Во всяком случае, за то время, которое ему было на это отведено. Политически – так как он потерял власть в прямом и переносном смысле в результате двух государственных переворотов, совпавших по времени. Один неудачный – акция ГКЧП. Попытка переворота «правого», как его тогда оценивали советские фундаменталисты, хотя в реальности это была скорее «левая» затея. И другой переворот – так сказать «левый», хотя по-настоящему он-то и был «правым», – ельцинский переворот, оказавшийся удачным. То есть Горбачев попал в клещи с двух сторон.

Поскольку Стив Коэн до сих пор оценивает политику Горбачева во многом позитивно, я могу только отдавать должное

принципиальности, моральной последовательности этого человека, но не могу с ним согласиться, потому что искусство политика состоит в том, чтобы выиграть и создать не максимум противников своей политики, а максимум союзников – с правой, с левой, с любой стороны. Вот это Горбачеву не удалось. В чем я схожусь с позицией Стива Коэна до сих пор, – если, конечно, правильно ее понимаю, – так это в том, что Соединенные Штаты Америки вели циничную политику по отношению к Горбачеву. Не будучи гражданином США, я не могу до конца понять позиции ни «левых», ни «правых» американских мыслителей, хотя они безусловно расходятся в трактовке национальных интересов США. Мне также непонятно, как и сам Коэн понимает национальные интересы своей страны применительно к данной ситуации. Но опыт показывает, что те американцы, которые вели эту «двойную игру» с Горбачевым, оказались правы. Потому что они получили ослабленную Россию и максимальное на нее влияние. Моральные и политические претензии к этой линии с нашей стороны бессмысленны, поскольку американцы действовали в своих интересах и в своих интересах использовали Горбачева. А морализм в политике – последнее дело, хотя Михаил Сергеевич до сих пор утверждает, что мораль и политика совместимы. Если Стив Коэн придерживается такого взгляда (а поскольку он до сих пор защищает Горбачева, то, видимо, считает, что мораль и политика совместимы) – опять же можно только отдать должное незыблемости его принципов, которые для реальной политики – увы – не совсем подходят.

Отдельный разговор – о семье Коэнов. Для меня Стив и Катя – это очень цельная пара. Причем цельная не только в человеческом, но и в политическом отношении. Если бы меня попросили назвать хотя бы несколько идеологических расхождений между ними, то я вряд ли смог бы это сделать. И это при том, что неплохо их знаю, хотя наши встречи и были эпизодическими. На мой взгляд, они совершенно одинаково воспринимают мир, мыслят. Это очень прочный союз во всех смыслах. Можно предположить, что они – счастливая пара. Дело в том, что на многих примерах тесного общения с политическими экспертами я уяснил себе одну непреложную истину. Даже довольно близких друзей разные взгляды на те или иные нюансы политической истории, отличия в политических

оценках способны развести в стороны и даже посорить. Когда же принципиальное идеологическое разногласие возникает в семье, то оно может просто уничтожить этот союз. Но раз этого не произошло в случае Стива и Кати, то значит тут мы видим максимальное совпадение всего, что только может быть. Я бы даже сказал, что в иные годы это была бы образцовая революционная семья: всегда по одну сторону баррикад – в человеческих отношениях, в политических взглядах и в конкретных шагах, во взаимоотношениях с другими людьми.

Поэтому я – поскольку есть повод – могу только пожелать дальнейшей незабываемости этому политическому, идейному, человеческому, психологическому союзу, а также отдать должное принципиальной позиции Стива и Кати. В публичной политике я вижу не очень много моральных и политических принципов, и потому откровенно восхищаюсь теми, кто их придерживается. Хотя и понимаю, что это – неперспективная в смысле жизненного и политического успеха линия. Однако нельзя не уважать людей, для которых принципы важнее прагматики, и стремление к истине существеннее конъюнктурного успеха и оценки внешней аудитории, рукоплесканий и чисто материальных благ. Хотелось бы, чтобы таких людей было больше.

Мой собственный политический и жизненный опыт показывает, что чаще всего такая позиция оказывается проигрышной. И люди, активно работающие в политической сфере, это понимают. Но если они при этом продолжают придерживаться неких принципов, то возможно, в большой перспективе проигрыш может обернуться выигрышем. Во всяком случае, ясно, что такие люди нужны. Не будь их – и тогда мы бы погрязли в болоте политического аморализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Без моральных ориентиров «холодная» война скорее переходит в «горячую» – что внутри страны, что в международном масштабе, – чем при наличии таких ориентиров. Это моя доморощенная политическая гипотеза, но предполагаю, что в каком-то смысле подобные люди являются, может быть, последним механизмом – слабым внешне, но в реальности очень мощным, – который спасает мир и отдельные общества от превращения «войны всех против всех» в избивание без каких бы то ни было правил, в истребление оппонента, воспринимаемого исключительно в качестве врага.

Евгений УМЕРЕНКОВ

Неангажированность к политической «моде»

Первое интервью со Стивеном Коэном для «Комсомольской правды» я делал в начале 2002 года. К тому времени Буш уже успел «заглянуть в душу» Путину и сделать вывод, что с ним можно иметь дело. Но в российско-американских отношениях явно обозначались расхождения, которые, несмотря на дипломатическую «косметику» (как с новым договором по стратегическим вооружениям взамен переставшего устраивать американцев договора по ПРО), обещали со временем перерасти в серьезные проблемы.

Именно тогда Стив и предупредил: Россия не позволит Америке обходиться с собой как с «младшим партнером», и если в Вашингтоне не поймут этого, то никакого настоящего «стратегического партнерства» между двумя странами не будет. Он считал, что американские лидеры, начиная с Клинтона, совершали серьезные ошибки, обходясь с Москвой как с неразумным простаком: кормили обещаниями, добивались нужных себе уступок, а взамен – ничего.

Причем для меня было исключительно важно, что обосновывал Стив свое беспокойство по поводу будущего российско-американских отношений именно с

точки зрения здравомыслящего и патриотичного американца. Действительно, если политолог критикует руководство своей страны за то, что оно просматривает одну из главных угроз безопасности государства, это звучит убедительно. Тезис Коэна о том, что России Америка должна уделять основное внимание хотя бы потому, что только российский ядерный арсенал представляет реальную угрозу существованию США,

звучал убедительно и никак не походил на политическое лоббирование интересов другой державы. Да, Стив друг России, но нет сомнений, что прежде всего он – патриот Америки.

Неангажированность по отношению к политической «моде» или пресловутому «мэйнстриму» – очевидная особенность Стивена Коэна как исследователя и политолога. Свою работу о том, можно ли было реформировать Советский Союз, он написал, когда большинство упорно повторяло, что этот вопрос закрыт самой жизнью: раз нет СССР, значит, так и должно было быть. Сторонникам «фатализма» в судьбе бывшей сверхдержавы очень комфортно, когда развал великой страны объявляется «неизбежным» – раз так, то и о роли конкретных деятелей той эпохи и их ответственности говорить неактуально.

В 2004 году Стив одним из первых стал предупреждать, что грядет, если и не новая «холодная война», то уж точно «холодный мир». А его слова о том, что «фронт новой “холодной войны” проходит через Украину», увы, пока подтверждаются жизнью.

Недостатки и проблемы российской политической жизни он тоже видит отчетливо. И всегда, если есть что сказать по этому поводу, говорит. Порой мне, как россиянину, это было неприятно слушать. Но если нечего возразить – будь благодарен за правду.

Однако был эпизод, когда мы со Стивом категорически не сошлись. В 2004-м, сразу после Беслана, у нас был долгий телефонный разговор. Стив выразил свое сочувствие и соболезнование. Я возмущался позицией американской прессы, которая террористов называла исключительно «повстанцами». И тут Стив заметил, что ситуация в Чечне, действительно, «неоднозначная». Мы заспорили, по-моему, довольно горячо. Дискуссию, которая заходила в тупик, прервал Стив: «Извините, мне пора укладывать дочь».

На мой взгляд, в этом конкретном вопросе Стив ошибался. Он, должно быть, так не считает. Но если Стив имеет свое мнение, которое заведомо неприятно собеседнику, он скажет, что думает, а не то, что от него хотели бы услышать. Без этого качества настоящим исследователем не становятся.

Анатолий УТКИН

Друзья на Гудзоне

Владимир Маяковский заставил своего безработного прыгнуть с Бруклинского моста в Гудзон, что физически невозможно: Бруклин стоит над Ист-Ривером. Обе стороны, и Россия и Америка, приложили немалые усилия, чтобы в наших отношениях не было таких акробатических прыжков. Речь – об одном таком «исправителе истории и географии» – прекрасном американце Стивене Коэне.

Для образованных русских солнце разума всегда вставало на Западе. Там и искали исторические рецепты – у Лейбница, Вольтера, Дидро, Монтескье, Фихте, Гегеля, Сен-Симона, Фурье, Маркса (особенно усердно). И дошли до Джеффри Сакса. В дальнейшем начался кризис жанра, потому что воцарилось новое издание Орвелла: стране, обществу, человеку становилось все хуже, паруса демократии за спиной Ельцина начали совсем исчезать за горизонтом, принципы народоправления попирались все гнуснее, рынок потерял всякую творческую функцию, а наши добрые западные друзья говорили удивительные вещи о свершившемся феноменальном прогрессе. Салтыков-Щедрин комментировал такие ситуации кратко: «Не верь глазам своим». А нам оставалось сомневаться в аутентичности собственных пяти чувств. Или полагать, что наш собственный персональный опыт удивительно неудачен и, может быть, Ремнику, Кайзеру, Макфолу виднее.

Но представьте себе, что некая западная страна распалась, вдвое сократился ее валовой продукт, на десять с лишним лет понизилась продолжительность жизни, ее старики вымирают, ее система образования рухнет, ее население уменьшается

Д В Е Р О Д И Н Ы С Т И В Е Н А К О Э Н А

в год на миллион жизней, ее ученое сословие либо эмигрировало, либо деградировало, ее промышленность оказалась в руках криминала, ее интеллектуальная жизнь опустилась до уровня латиноамериканских сериалов. А мы, словно зная невидимый никому смысл происходящего, будем утверждать, что это и есть прогресс, это и есть то будущее, ради которого страдали мученики и герои, от Радищева до Солженицына.

Коэн внес в русское сознание императив здравого смысла.

Напиши он свою биографию Бухарина десятью годами раньше (или позже) и читатель лишь мелькнул бы взглядом по заголовку. Но Стивен избрал нужный час: Россия заново судила своих героев и делала это размашисто – по-русски. Тогда то и появилась в книжных развалах спокойная, взвешенная, умудренная биография «героя и жертвы» русской революции. Дело было даже не в Бухарине. Стивен Коэн поднимал нашу историографию, делая ее философичной и мудрой, отрешая ее от неизбежных для нас крайних суждений. «Очеловечивая» Бухарина, он подавал нам всем пример, как нужно обращаться с исторической истиной: не ставить ее к стенке и не возносить на революционный олимп.

Это было свежее суждение, слово, произнесенное в нужную минуту, оно запомнилось. И всегда, когда профессор Стивен Коэн высказывается по русской тематике – это глубоко, искренне и убедительно. Таков талант лучшего на Западе русолога, отошедшего от бешеных проклятий коммунизма к взвешенным объективным суждениям о стране с такой непростой судьбой. Каждая статья Коэна – вклад во взаимопонимание двух великих народов на тернистом пути истории.

Затем последовала серия статей и книг о современной России.

Главное достоинство книг Стивена Коэна в том, что он возвращает нам веру в критический разум, возвращает доверие к критической мысли Запада, позволяет надеяться на рациональное преодоление современных российских передраг. Мы заново обретаем веру в самих себя, начинаем с доверием слушать других, верить в великое слово «солидарность». Мысли Коэна немедленно находят созвучие в нас, они разрешают наши сомнения, возвращая наш разум в мир анализа из мира политически ангажированной публицистики. Благодаря таким

мыслителям и непредвзятым аналитикам мы верим в то, что великий американский народ – это не ослепленные близорукой политической целесообразностью американские спецкоры в Москве, а те американцы, которые спасли миллионы наших соотечественников в 1921 году, которые устроили конвейер ленд-лиза в 1941-м, которые определенно знают, что дружба с благополучной Россией – это залог безопасности и благополучия их собственной страны, которым моральное чувство отказывает в том, чтобы видеть в России полигон незрелых, поверхностных неолиберальных схем.

Несколько примеров в доказательство сказанного.

Непомерная любовь американской политологии всегда, с самого начала его общенациональной карьеры, могла вызвать лишь недоумение читающих русских. Настойчиво повторяемое сравнение провинциального экс-партийного босса (Ельцина) с Вашингтоном и Джефферсоном вместе взятыми (один йельский специалист по конституции посчитал сложным сравнить первого российского президента с Джорджем Вашингтоном по той причине, что сравнение, по его мнению, было слишком очевидно в пользу россиянина; историк из университета Беркли поставил хозяина Кремля в один ряд с Петром Первым, Джоном Локком и Томасом Джефферсоном) могло лишь заставить качать головой. Неужели нужен андерсеновский мальчик, который помог бы увидеть очевидную с первых дней наготу короля? Коэн справедливо указывает, что *«та часть специалистов по России, которая всеми силами стремилась отмежеваться от американских адвокатов Ельцина, оказалась неслышанной и не востребованной»*.

Есть моменты, когда первый же импульс важнее пространного пустословия впоследствии. Одним из таких моментов явился расстрел российского парламента. Наконец-то мы услышали здравый голос из страны, где расстрел политических оппонентов не является политической доблестью. Коэн не оставляет недомолвок в пользу ложно понятой политической целесообразности: *«Это был позорный эпизод в истории академического россиеведения»*.

Но главной (для России, для Америки, для истины) является общая оценка периода 1990-х годов. Основная масса американских специалистов по России обозначила этот период

как грандиозный транзит. И здесь мы слышим главную оценку Коэна: американский анализ исходит из того убеждения, что, начиная с 1991 года Россия «совершает переход от коммунизма к капиталистическому свободному рынку и демократии... и каким бы тернистым ни был этот путь, чего бы он ни стоил России, “переход” для нее – единственное и безусловное благо. Вот почему американские ученые, политики и журналисты так часто называют его “историческим” и “великим”. Транзитологи-практики не утруждают себя изучением истории, культуры, общественными настроениями, трудоемкими эмпирическими исследованиями в России, видя в них второстепенный по значимости “регионализм”. Они любят повторять, что традиционные ученые-аналитики потеряли предмет своего изучения». Но, как убедительно показывает Стивен Коэн, «именно транзитологи потеряли из виду Россию».

Во-первых, документы свидетельствуют, указывает Коэн, что Советский Союз не столько «рухнул», сколько был «разобран небольшой группой высокопоставленных советских чиновников во главе с Ельциным в борьбе за власть и собственность». И американского историка не зашоривает простая (и еще более чем простая – примитивная) схема указанного исторического события, которой руководствуется большинство западных политологов и русологов.

Во-вторых, в политологии и философии – возьмите любые словари – понятие «реформа» так или иначе означает улучшение жизни людей. Однако, если представление о том, что политика Ельцина ведет к существенному понижению жизненного уровня громадного большинства жителей России, то, – спрашивает Коэн, – *«почему ученые или кто еще продолжали называть это реформами, остается этической загадкой».*

В-третьих, отдельные группы населения России так называемые специалисты по России предпочитают идентифицировать не по классовому или профессиональному признаку (к примеру, средний класс, или рабочих), а по признаку поколения. Пожилые, мол, безнадежно индоктринированы, а молодые по определению должны быть более демократичными и предприимчивыми. При этом «стариками» в данной классификации стали считаться люди старше 39 лет (и даже старше

30 лет!). Попробуйте завести подобную, с позволения сказать, социологию в Соединенных Штатах!

В общем и целом, полагает Стивен Коэн, в России искали, главным образом *«Россию, которая нам нужна»*. О ее перспективах в течение десятилетия говорилось как о самых многообещающих. Понадобилось удивительно много времени, чтобы лучшая часть западного мира прозрела: «Начиная с 1991 года российская действительность представляет собой самый жестокий правительственный кризис мирного времени в XX веке; упадок сельского хозяйства во многом превосходит тот, который имел место в начале 30-х годов по вине сталинской коллективизации; беспрецедентная зависимость от импорта (в особенности, продуктов питания и лекарств); благополучие 2–3 “потемкинских” городов на фоне нищеты и полунисщеты 75 % населения; большее количество сирот чем в годы Второй мировой войны, стоившей Советскому Союзу 30 млн жизней; превращение супердержавы в государство-попрошайку, существующее на иностранные займы».

Пусть кто-то не согласится, или не полностью согласится с этой оценкой. Но, как полагал великий Данте, «лучше делать ошибки, чем замерзнуть во льду безразличия».

Стивен Коэн вошел в нашу интеллектуальную и общественную жизнь не только превосходной биографией Н.И. Бухарина, но и проявлением сочувствия к падающей великой стране. Сочувствия не наигранного, а искреннего и, главное, умного, знающего, компетентного, талантливого. Благодаря таким американцам мы не ощущаем одиночества в мире и имеем моральное основание крепить веру в возможность перемен в ставшем для нас более суровым мире. Его новая книга – это реальная помощь в процессе новой самоидентификации нашего народа и в поисках верного пути от как доморощенных, так и навязанных химер.

Стивен – не одиночка. Вся его семья говорит о лучшей Америке, о той, которой всегда восхищались русские: трудоголики, обладатели здравого смысла, люди широких взглядов. Его жена – Катерина ванден Ховел – главный редактор оплота либерализма в Америке, журнала «Нэйшн», который в самые трудные для американской интеллигенции времена держал марку джефферсоновской демократии, вопреки всем видам

маккартизма, «неоконсерватизма», правого республиканизма. «Нэйшн» – это светоч лучшего в американской истории и в американской душе – просвещенная интеллигентность, поддерживающая принципы той, которой гордится весь мир.

Отец Катерины возглавляет общеамериканское Общество Франклина Делано Рузвельта. Его усилиями, усилиями его фонда нетленным остается наследие лучшего президента США в XX веке. В часе езды по той же стороне Гудзона стоит фамильный дом великого президента – Гайд-парк. При нем лучший в Америке Институт изучения документов президента. Всякий может направить колеса или сесть в автобус и остановиться там, где останавливался четырехкратный президент США. Это не просто любовь к истории, это сохранение ее лучшей традиции, которая помогла преодолеть самый жестокий экономический кризис и победить в самой кровопролитной войне. И признать Россию. И помочь ей в ее смертный час.

Словом, в доме в западной части Манхэттена – с видом на могучий Гудзон – живет одна из самых замечательных семей Америки. Она учит, печатает, образовывает. И у этой семьи есть примечательная черта: интерес к России, к нашей стране. Интерес не праздный, а живой, увлекательный и полезный. Ведь со стороны многое *виднее*.

И мы благодарны этой фантастической семье за интерес, за непраздный интерес, за дружбу, за глубокие размышления над нашей историей, которые помогают нам в трудный час, которые дают надежду на дружбу двух великих народов.

Надежда ФАДЕЕВА

33 года вместе

Голоса, голоса. Глоток свежего воздуха у пыльной батарее, с куском проволоки – одним концом к антенне, другим – к той самой батарее. Хоть какое-то спасение от воя глушилок. Или, засыпающая, приняв свою дозу снотворных (без них она уже давно не спала) с огромным томом «Процесса.» на груди и с воющим приемником в изголовье, мама. Примерно так кто-то из нашей семьи и услышал, кажется, по «Би-Би-Си», что в Америке вышла книга никому тогда неизвестного Стивена Коэна о Бухарине. Еще удалось услышать, что это книга – докторская диссертация «того самого» Коэна. Естественно, были подняты все знакомые и знакомые знакомых, жившие и здесь и за рубежом, и спустя несколько месяцев, вожденная книга была у меня в руках.

Да, именно мне вручила её Бухарина Надежда Васильевна (однофамилица Н.И. Бухарина; не повезло ей, бедной, с фамилией) к тому времени уже не молодая, но мужественная интеллигентная женщина, чудесный человек. Именно она присматривала за детьми Солженицына весь последний год его пребывания на Родине, тогда, когда и имя его произнести было опасно. Так вот у неё забирала я этот толстый труд, изданный в Нью-Йорке на английском языке в желтой суперобложке с траурно-черным портретом и надписью цвета запекшейся крови BUKHARIN and the Bolshevik revolution.. Каким-то образом ее переслал, находившийся уже тогда в Англии, Жорес Медведев. Ехала в метро и боялась не столько этой книги, сколько того, кто мне ее передал. Я была уверена, что за до-

мом Надежды Васильевны следят. Вот так и появился Стив в нашей жизни.

Шёл 1974 год. Конечно же, никто тогда и предположить не мог, что все последующие годы этот человек будет делить с нашей семьей и горести и радости (и того и другого в эти годы хватало) и практически станет членом нашей семьи. И это будет тот человек, о ком мама, Анна Михайловна Ларина-Бухарина, чуть позже, после прочтения переведенной на русский язык книги скажет: «Он приоткрыл крышку гроба Бухарина».

О том, чем для Советского Союза была книга Стивена Козна и как она повлияла на умы людей, я думаю, напишут многие. Книгу эту читали все – и те, кто тогда был у власти, и те, кто хоть как-то интересовался историей своей страны и пытался отделить правду от лжи. Мне же хочется рассказать, кем для нашей семьи стал Стив.

Когда он писал свой труд, он и не знал, что остались в живых жена и дети Николая Ивановича Бухарина, но, узнав об этом, предпринял всё, чтобы познакомиться с ними. Так, в августе 1975 года в нашем доме появился стройный длинноволосый и тогда еще безбородый молодой человек. Что такое общение с иностранцами в то время многие еще не забыли. Встречали его, выписывая круги вокруг дома, мой брат Юра и мой муж. Заодно, им хотелось проверить, не «встречает ли его еще кто-нибудь!» После той первой встречи каждый приезд Стива в Москву начинался в нашем доме. Его ждали все. Мама, которая полюбила его и относилась к нему, как к сыну, наши дети, которым он всегда привозил подарки, все мы и наши друзья. Те, кто в 70-е и в начале 80-х не боялся общаться с нашей семьей. Таких людей, надо сказать, в то время было не так уж много. Это, конечно же, Е.А. Гнедин, который помогал Юре переводить книгу Козна на русский язык, близкий нашей семье М.Я. Гефтер, Игорь Пятницкий с женой. Обычно все сидели за накрытым столом и ждали появления Стива. Он приезжал, обвешенный тяжелыми сумками, набитыми «тамиздатовской литературой» (не только политической – в моей библиотеке хранятся привезенные Стивом «тамиздатовские» полные собрания Цветаевой, Мандельштама, Волошина, Ходасевича, «Бесы» Достоевского) и подарками для наших детей

и наших друзей. Для кого-то он привозил лекарства, для кого-то нужные книги, но были и совсем необычные вещи. Однажды, он привез десять пар теплых кальсон. Кальсоны эти переданы для писателя Шаламова Лев Копелев.

В связи с приездами Стива в те годы вспоминается несколько смешных эпизодов. Один из наших знакомых предупредил меня, что он позвонит и спросит: «Пирог готов?». Если я скажу, что готов, значит, Стив приехал, и он у нас. Стив приехал, все уже сидят за столом и тут раздаётся телефонный звонок: Пирог готов? – слышу я, и отвечаю: Пирог уже за столом сидит! Надо сказать, что из-за того, что я нарушила конспирацию, этот звонивший целый год со мной не разговаривал. И второй очень смешной эпизод. Опять приезд Стива. Причем, как мне помнится, это был его первый приезд после трёхлетнего перерыва. Ведь три года ему не давали визу. А уже началась перестройка (правда, куда она выведет, пока еще никто не знал). Народу должно было собраться много, и мою дочь Эку предупредили, чтобы она не пускала в дом незнакомых людей. Мы с мамой на кухне (мама печет для Стива его любимые пирожки), приходят люди, моя десятилетняя дочь открывает дверь, впускает гостей в дом, обычная суета и, наконец, приезжает Стив и с ним Рой Медведев, которого Стив «подобрал» на скамейке у детской песочницы. Рой пожаловался, что дверь ему открыла какая-то девочка, и он спросил Стива, но она сказала, что здесь такой не живет, и закрыла перед ним дверь. А жили мы тогда на первом этаже, был теплый май, окна открыты, и мы видели, что прямо под окном стоит черная «Волга», а в ней сидят несколько человек. И вот через несколько часов мой младший брат вышел из квартиры, чтобы поехать к себе домой. Люди из машины его окликнули, попросили прикурить, а заодно и поинтересовались, долго ли у нас пробудут гости. Видно, утомились...

С приходом М.С. Горбачева повеяло свободой, постепенно отступал страх, а с упоминанием генсеком в своей речи имени Бухарина наша квартира превратилась в «Клуб Перестройки». Кто только не побывал в нашем доме. Особенно много народу собиралось тогда, когда приезжал Стив. А приезжать в эти годы он стал часто. Юрий Карякин и, пока серьезно не заболел, Камил Икрамов, Алесь Адамович и Евгений Евтушенко, Юрий

Афанасьев и Михаил Шатров, Отто Лацис и академик-экономист Тихонов и, конечно же, наши старые друзья – Михаил Гефтер, Пятницкие. К ним позже присоединились члены молодежного «Клуба Бухарина» из Набережных Челнов во главе с Валерием Писигиным, наши многочисленные иностранные друзья – американские историки Алекс Рабинович и Моше Левин, ученица Левина француженка Вероника (для конспирации ей было дано имя Маша), многочисленные итальянские коммунисты и социалисты. Многим к тому времени уже удалось прочесть книгу Стива.

Бурные обсуждения, споры и размышления о будущем Советского Союза. Никому тогда в голову не могло прийти, что это государство доживает свои последние месяцы. Развал Советского Союза, не подготовленный, принесший горе десяткам тысяч семей и, как мы считали, осуществленный только с одной мстительной целью – забрать власть у Горбачева, переживала вся наша семья, а вместе с нами и Стив. Но до этого всё-таки было много радостных событий: реабилитация Бухарина, выход книги Стива о нём уже в нашей стране, публикации отрывков из маминой книги в журналах «Огонек» и «Знамя», а потом её издание в нашей стране и по всему миру. Все эти значимые для нашей семьи перемены Стив переживал вместе с нами, и практически был прямым участником этих исторических событий.

Мы переживали за него, когда у него умерла мама, радовались появлению Кати – жены и друга, рождению его младшей дочери Ники. Никола-Анна – так назвал свою дочь Стив. В честь Николая Бухарина и Анны Лариной. Через две недели после рождения ребенка мы получили фотографию младенца с таким сопроводительным письмом: *Дорогая Анна Михайловна! Вот она Никола-Анна Степановна Коэн.* Степановна потому, что Степой его называл маленький Коля, сын Юры, а потом и мы все – вроде бы, для конспирации.

А потом уже новые события и новые переживания. Президентский Архив, в котором оказались тюремные рукописи Бухарина и его последнее письмо маме. Раньше мамы это письмо, почему-то, получили журналисты. Спасибо, что хоть прежде чем его опубликовать, показали лежащей тогда в больнице маме. И опять Стив и Валера Писигин вытаскивали всё, напи-

санное Н.И. Бухариным на Лубянке, из Президентского архива. Сохранилась копия заявления мамы на имя тогдашнего руководителя ГБ Баранникова, где она просила, *как можно быстрее, так как она сама лежит в больнице, дать возможность ей и ее доверенному лицу биографу Н. Бухарина Стивену Коэну ознакомиться с архивно-следственным делом по обвинению Н.И. Бухарина 1936–1938 г....*

Мама полностью доверяла Стиву. Стив был её доверенным лицом и тогда, когда она была больна, а надо было буквально вытаскивать документы из архивов, и в зарубежных издательствах ее интересы тоже представлял Стив. И ни разу она об этом не пожалела. Стив прочно занял своё место в нашей семье – стал еще одним сыном. А в 80-е годы прибавился еще и Валера Писигин. Она любила их, и они ей отвечали тем же.

В отличие от других советологов-политологов, Стив не только знает, но и любит эту страну, и как бы она не называлась – Советский Союз или Россия – искренне желает нашему, так много пережившему народу успехов в создании демократического общества. Он с радостью встретил перестройку, радовался вместе с нами малейшим признакам свободы и очень тяжело пережил развал Советского Союза. Он с тревогой наблюдал за тем, что происходило в нашей стране в 90-е годы, и уже тогда понимал, к чему может привести политика Ельцина.

Хочу рассказать об одном эпизоде, который характеризует как Стива, так и еще одного известного американского политолога-советолога.

Март 93-го года. Мы с мамой прилетаем в Нью-Йорк. В издательстве «Нортон» вышла ее книга на английском языке «Незабываемое». В аэропорту нас встречает молодой человек, переводчик-аспирант из Колумбийского Университета по имени Саша, и он спрашивает нас: какие новости в Москве? Мы, шутя, отвечаем, что не знаем, так как девять часов провели в самолете. Приехали в гостиницу и почти сразу же взволнованный звонок Стива: *Вы знаете, что произошло в Москве. Ельцин издал указ.... Может начаться гражданская война.*

При всех недостатках этого Парламента – он был последним, избранным действительно демократическим путем. Его состав отражал мнение всех слоев населения тогдашней России. Да, не все парламентарии были нам симпатичны, но такова

была наша страна на тот период, такова была реальность, и Стив, будучи настоящим историком и знающим советологом, как никто это понимал.

Между тем состоялась презентация маминой книги в Колумбийском университете, а затем в Бостоне, в Гарвардском. После официальной части был ужин с профессорами, среди них – знаменитый Ричард Пайпс (в ельцинские времена на него ссылались очень часто). Естественно, разговор зашёл не только о прошлом, но и о настоящем и, конечно же, о пресловутом указе Ельцина. На вопрос кого-то из профессоров, что она думает по поводу указа, мама ответила, что считает, что Ельцина, кроме собственной власти, не волнует ничего, а данным указом он просто еще раз подтвердил это. Ещё она добавила, что очень боится гражданской войны. Последовала реплика Пайпса: В вашей стране миллионом меньше убьют, миллионом больше – какая разница... Никто и не заметит. А может, чем больше, тем и лучше...

– Лучше, для кого? – спросила уже я.

– Для будущего поколения – ответил Пайпс.

– Значит опять «цель оправдывает средства»? И Вы, я надеюсь, пребывая в здравом уме (правда, один из профессоров, сидящий рядом со мной шепнул, что ничего здравого там уже давно нет), лишаете нынешнее поколение права на жизнь?! Что же получается, большевики были правы? И за что же вы их тогда так ругаете, господин Пайпс? – спросила мама.

Точка зрения Стива, объяснявшего, как мне кажется, прописные истины демократии тем американским «специалистам по России», которые восхищались политикой Ельцина, сводилась к следующему: *«Во-первых, подлинная демократия, где бы то ни было, особенно в России, невозможна без действительно независимого и полноправного парламента или конгресса, каким бы непослушным и непопулярным он не был. И, во-вторых, в России распущенные парламенты не возникают легко и быстро снова».*

То, что это мнение, мнение знающего политолога и историка глубоко и серьезно изучавшего Россию, крайне важно было донести до американской общественности, видно, хотя бы из вышеприведенного эпизода.

Так уж получается, что ни одно трагическое событие, происходящее в нашей стране – революции, репрессии, войны – не минует нашей семьи. Вот и тогда, в 93-м, у Белого Дома погиб мой двоюродный брат.

Как-то, друг Стива, американский историк Алекс Рабинович сказал мне: Я, как историк, могу изучать и анализировать прошлое, и надеюсь, что делаю это неплохо, но Стив, который не только историк, но еще и политолог, может предсказать и будущее. Иногда, кажется, что он не прав, но как это ни странно, по прошествии какого-то времени Стив оказывается прав. Все это было сказано Алексом в полушутливой форме, но вот доказательство его правоты. В своей книге «Провал крестового похода» Коэн писал: *«Кровавые события, произошедшие в центре Москвы 3–4 октября 1993 года, – впервые с 1917 г. – и, особенно их последствия еще долго будут волновать историков. Для одних совершенно очевидно, что, освободившись от сдерживающих его парламентских пут, Ельцин пошел по пути еще более фатальных ошибок, среди которых программа приватизации, породившая олигархическую собственность, первая (1994–1996) и вторая (1999–2000 гг.) чеченские войны. Кроме того, использование Ельциным силы в октябре 1993 года привело к тому, что в своей политике он стал все больше опираться на силовые структуры, особенно бывшего КГБ». И предполагавшийся переход России к процветанию, стабильности и демократии в годы правления Ельцина завершился... приходом в Кремль офицера КГБ – едва ли это соответствовало тому, что предсказано специалистами по России».*

Мы всегда удивлялись энергии Стива. Работа в архивах, многочисленные встречи с разными людьми, выступления в разных аудиториях. Я помню, что творилось в Историко-архивном институте, когда там должен был выступить Стив. А сколько душевных сил и времени забирала у него наша семья – то организация вместе с послом Италии Джовани Юриной выставки, то Юрина болезнь, то болезнь его жены Инги. Лекарства, консультации с американскими врачами, переживания.

Вместе нам пришлось пережить и смерть мамы в 96-м году. Все что можно делали для нее Стив и Валера. Валера здесь –

больницы, лекарства, а Стив там, в Америке – консультации, бесконечные звонки с поддержкой и любовью. И, конечно же, главное, что еще при жизни мама успела получить изданные «Тюремные рукописи» Бухарина, смогла увидеть всё, что Николай Иванович написал в застенках Лубянки.

33 года наша семья со Стивом. Все эти годы с нами его любовь, участие и искренняя забота о нашей семье. Маме был 61 год, когда Стив впервые появился в нашем доме. К сожалению, время неумолимо, и мне сейчас столько, сколько тогда было маме, моей дочери столько, сколько мы знакомы со Стивом. С ее рождения мы ведем отсчет времени нашего знакомства и нашей дружбы. Чуть позже появилась Катя, а затем и потрясающая Ника, которых мы очень любим и желаем им счастья и всяческих успехов. Надеюсь, что мы еще долго будем вместе и выпьем еще не одну рюмку холодной русской водки, съедим не одну банку маринованных огурцов и не один, так любимый Стивом, яблочный пирог.

А у Стива скоро юбилей!!!

Борис ФРЕЗИНСКИЙ

Встречи на дорогах жизни...

Прежде чем познакомиться со Стивом Коэном лично, мне удалось прочесть его книгу о Бухарине. Было это в еще договорбачевском 1984 году. Предыстория прочтения имела прямое отношение к герою книги и, конечно, к одному из ее переводчиков. Началась эта история, правда, несколько раньше.

Н.И. Столярова, которую теперь многие знают по воспоминаниям Солженицына, вплоть до 1967 года работала секретарем И.Г. Эренбурга, куда ее, освободившуюся из лагеря, сватала дочь писателя Ирина, школьная подружка парижских лет Наташи Столяровой. Примерно в 1970-м году начались мои занятия личным архивом Эренбурга, с тех пор я периодически наезжал из Питера в Москву, одновременно продолжая записывать воспоминания близких и давних друзей Ильи Эренбурга. А вот рассказ Наталии Ивановны мне пришло в голову записать только в конце 1970-х. До того последнего секретаря Эренбурга я никогда не видел и попросил Ирину Ильиничну нас познакомить. Ее рекомендация с самого начала гарантировала полную доверительность наших с Наталией Ивановной бесед. В ходе долгого разговора довольно естественно возникло имя Н.И. Бухарина, гимназического товарища Эренбурга, и Наталья Ивановна, делившая людей на тех, кто пострадал от советского режима, и все остальных, охотно дала мне телефон жившего в Москве сына Бухарина художника Юрия Николаевича Ларина. Было это летом и дозвониться до Ю.Н. мне не удалось. Я послал ему почтовую открытку и ответ получил уже в Питере; наша встреча переносилась на более

поздние времена. Действительно, в один из следующих наездов в Москву – встреча состоялась. Мы как-то быстро подружились. Вскоре Юра познакомил меня со своей мамой. Я ждал Анну Михайловну у него дома. До сих пор помню ошеломление от самого факта этой встречи – то прошлое, которое меня волновало с детства и казалось отрубленным от настоящего раз и навсегда, вдруг ожило – передо мной была живая вдова Бухарина, свидетель истории, называвшая легендарные для меня исторические имена, просто как имена своих личных знакомых..

Мы о многом говорили, я напряженно старался ничего не забыть, разговор продолжился, когда я провожал А.М. домой. При следующих наездах в Москву я непременно бывал гостем Анны Михайловны у нее дома, а с «перестройкой» началась и наша переписка. Имя Стива Коэна, сколько помню, возникло уже в самую первую встречу, более того – я получил в подарок его книгу, выпущенную в США по-русски в 1980-м году, и тогда же узнал кто такие переводчики Четверговы – одним из них был Юра, другим – Е.А. Гнедин. Чуть позже я показал Анне Михайловне текст неопубликованной еще главы о Бухарине из четвертой книги мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которую она очень внимательно прочла – эта машинопись с ее многочисленными пометками у меня хранится.

Политическую биографию Н.И. Бухарина, написанную Стивенем Коэном, я прочитал, что называется, взახлеб. Это было столь значимое переживание, можно сказать – событие жизни, что я помню его по сей день. Осторожно и очень выборочно я давал прочитать книгу о «враге народа» Бухарине своим друзьям. Помню, как говорил о ней с историком профессором Д.П. Прицкером, участником испанской войны 1936-39 годов (к нему меня отрядила А.Я. Савич, вдова ближайшего друга Эренбурга и, как и он, участника испанской войны О.Г. Савича). Именно потому очень осторожный Давид Петровичи вполне откровенно рассказывал о многих испанских делах, в частности про ПОУМ и про убийство Андреса Нина. Однако на мое предложение прочесть книгу о Бухарине Д.П. ответил уклончиво (я уже знал о его неприятностях из-за того, что он с подачи Е.Г. Эткинда провел по Таврическому дворцу опаль-

ного тогда Солженицына). Неожиданно Д.П., указав мне на соседний стул, произнес: вот здесь недавно сидела дочь Бухарина, обсуждая свою докторскую диссертацию.

С перестройкой Стив Коэн стал довольно часто наезжать в Россию, но так получалось, что мои поездки в Москву фатально не совпадали с его прилетами и я узнавал о них из писем Анны Михайловны или ее рассказов. В 1988 году Н.И. Бухарина – через 50 лет после убийства – реабилитировали, и это открыло возможность публиковать в СССР его труды и работы о нем. В том же 1988-м издательство «Прогресс» выпустило книгу Стива тиражом 150 тысяч экземпляров – подлинная личность Н.И. Бухарина после полувека забвения и ушатов грязной клеветы приоткрывалась перед его соотечественниками. А в 1990-м «Советский писатель» издал подготовленный и подробно прокомментированный мной текст мемуаров Эренбурга – все цензурные вымарки были восстановлены, вошли в книгу и те главы, которые не дали напечатать, включая, конечно, и две главы о Бухарине. Анна Михайловна передала мне, что Стив очень заинтересовался полным изданием книги «Люди, годы, жизнь». Тут легко возникла оказия, и три иллюстрированных тома благополучно отправились в Москву. Через 14 лет мне приятно было увидеть их в нью-йоркской квартире Стива. Наша первая личная встреча состоялась не позже 1992 года, о чем напоминает надпись Стива на нью-йоркском издании его замечательной книги: «Борису, с большой симпатией и благодарностью Стив Коэн. Москва 17/VI/92».

Это была пора огромных архивных удач Стива – массу тюремных рукописей Бухарина («Философские арабески», «Социализм и его культура», биографический роман «Времена», наконец стихи, писавшиеся в тяжкие ночи между допросами) ему удалось вызволить из заточения и «Фонд имени Н.И. Бухарина» (членами его общественно-издательского совета были, в частности, А.М. Ларина, Ст. Коэн, М.Я. Гефтер, О.Р. Лацис и др.) приступил к их постепенному опубликованию.

Именно этот фонд осуществил издание книги Н.И. Бухарина «Революция и культура», составленной мною из заметок Н.И. Бухарина 1923–1936 годов. Первоначально эта книга бы-

ла подготовлена (сразу после реабилитации ее автора) для издательства «Книга». В этом, прежде элитарном, советском издательстве над «Революцией и культурой» работали неспешно, но основательно. Иллюстрации к книге выполнили ленинградские художники В.Б. Богорад и М.Д. Магарил. Однако издательство «Книга» прикрыли еще до того, как «Революцию и культуру» отправили в набор. Когда я рассказал Стиву о своем огорчении по этому поводу, он сразу же заинтересовался рукописью и в 1993 году она увидела свет. Это была моя первая большая работа, изданная непосредственно благодаря Стиву Коэну. Тогда же издательство «Прогресс» начало готовить к печати написанный в тюрьме автобиографический роман Бухарина «Времена». И в 1994-м эта книга вышла в свет с моей вступительной статьей и комментариями, одобренными и Анной Михайловной, и Стивом.

Следующим бухаринским проектом, осуществленным Фондом совместно с «Ассоциацией исследователей российского общества» стал двухтомник Н.И. Бухарина «Тюремные рукописи», вышедший в 1996-м под редакцией Г.А. Бордюгова и с предисловием Стива Коэна. В этом проекте мне поручили вступительную статью к работе «Социализм и его культура»; задача оказалась непростой, т. к. труд Бухарина требовал безусловной полемики, а это в силу личных обстоятельств создавало понятные трудности. Пришлось привлечь в помощники Н.А. Бердяева, с которым Николай Иванович много полемизировал и на которого я возложил бремя спора с его расстрелянным оппонентом.

Еще одна работа, возникшая с легкой руки Стива, – предисловие к расширенному и, увы, посмертному изданию книги А.М. Лариной «Незабываемое»; оно вышло в 2002 году и в 2003-м было пиратски переиздано...

Не перестаю надеяться, что огромный пласт документов, связанных с последними годами Н.И. Бухарина, который получил и освоил Стив Коэн в сверхсекретных российских архивах, непременно позволит ему и даже заставит его вернуться к биографии любимого героя и мы получим второе, существенно дополненное, издание замечательной и обошедшей в переводах весь мир книги.

А 14 марта 2001 года в Москве состоялась презентация другой и неожиданной для меня работы Стива Коэна «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России». На этой презентации, оснащенной торжественным ужином, присутствовала масса приглашенных деятелей бывшего ЦК КПСС, так или иначе помогавших Стиву в его работе, деятелей, знакомых мне в лицо лишь по телевидению и газетам советской поры. Все они уже понемногу привыкли демонстрировать вынужденную реальными обстоятельствами времени демократичность. Ожидались Горбачев и Яковлев, к тому времени существенно разошедшиеся политически, но они не появились, потому команду приглашенных возглавлял бывший советский премьер Н.И. Рыжков (Я невольно вспомнил тогда, как в начале 90-х в вагоне московского метро увидел ехавшего на работу в Горбачев-фонд, поджав ноги, никем не узнаваемого, а еще недавно всесильного т. Медведева – члена Политбюро, ответственного за идеологию.).

Презентируемая книга была посвящена российским 1990-м, и Стив предстал в ней не столько историком, сколько политологом. Получив ее в подарок с надписью «Борису, моему другу, с благодарностью Стив», я прочел ее позже. И с чем-то согласился, что-то вызвало естественные возражения. Политика всегда вызывает большие споры, нежели история. Не будучи специалистом по американской внешней политике, трудно было оценить критический пафос Стива в части анализа деятельности внешнеполитических ведомств США, но с другой стороны – переживания 1990-х в России, как живого их свидетеля, не позволяли тогда принять мощный антиельцинский заряд и представление о Горбачеве, как величайшем реформаторе России (еще не забыты были кровопролития в Вильнюсе, Баку, Тбилиси; как и горбачевская фраза по возвращении в Москву после провала путча: «Всей правды я вам никогда не скажу»). Конечно, будущее потом все расположит по своим полочкам. Да и теперь уже очевидно, что в итоге первый президент России променял демократические интересы страны на благополучие «семьи». Так воцарилась ничем не ограниченная и очень опасная власть спецслужб, озабоченных преимущественно собственным, зашкаливающим за все здравые пределы, сверхблагополучием.

Последнее, что хочется вспомнить – осень 2004 года и уютную нью-йоркскую квартиру Стива на углу 106 street и River side, украшенную такими узнаваемыми картинами Юры Ларина и фотографиями знакомых лиц, энергично гостеприимную и приветливую Катрин, долгий разговор о непростом прошлом и ощущение, что мы не расставались.

Вспоминая пережитое за последние десятилетия, я неизменно вижу устремленную к постижению сути происходящего в России и США фигуру моего друга профессора Стива Козна и желаю ему новых свершений и новых книг.

Александр ЦИПКО

Понимать и любить Россию

Изучение России – это не просто специальность, это прежде всего призвание, которое основано на любви к предмету изучения. Россию можно понять, но для этого надо ее любить. По крайней мере, труды Стивена Коэна о России и российских политиках подтверждают мое убеждение, что нельзя стать серьезным исследователем какой-либо страны, оставаясь равнодушным к ее судьбе. Наверное по этой причине Стивен Коэн не просто поддержал перестройку, но и принял в ней активное участие своими работами о Бухарине. Реабилитация Николая Бухарина как видного идеолога большевизма началась реально в СССР только тогда, когда в московских книжных магазинах в конце 1988 года появилась книга Стивена Коэна «Бухарин. Политическая биография 1888–1938» (Москва, Прогресс, 1988).

Показательно, что часть средств, полученных от издания этой книги, была передана в фонд Мемориала жертвам сталинских репрессий. Я познакомился со Стивеном Коэном и его супругой именно в это время, в конце 1988 года, организовал у себя на квартире его встречу с помощником Горбачева Георгием Хасроевичем Шахназаровым.

Стивен Коэн приложил много усилий, чтобы открыть подозрительной Америке глаза на демократическую природу перестройки, раскрыть моральную мотивацию решений и поступков Горбачева. Стивен Коэн очень много сделал для сближения СССР и США в конце 80-х.

И, самое главное, что подкупает в личности Стивена Коэна: и позже, когда Ельцину и его команде удалось обменять

Кремль на Крым, после Беловежских соглашений декабря 1991 года, Стивен, в отличие от многих американских политиков, остался до конца верен герою своих многих статей Михаилу Горбачеву и самой перестройке. Стивен Коэн, в отличие от большинства своих американских коллег, не поддержал роспуск, а позже, 4 октября 1993 года – расстрел из танков Съезда народных депутатов России. Именно в это время, в первой половине 90-х, Стивен начал рассказывать американскому читателю правду об олигархическом капитализме и об олигархической демократии Бориса Ельцина. Позиция Коэна в эти годы в отношении Ельцина морально помогла той части российской интеллигенции, которая, оставаясь верной идеалам демократии, не приняла ни Ельцина, ни его политическую систему. Многие в России с удовольствием и с пользой для себя прочитали переведенную в прошлом, 2007 году, книгу Стивена Коэна «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза».

Мне бы хотелось пожелать Стивену Коэну в его юбилей научной и духовной зрелости, счастья и здоровья, сохранить свое поразительное умение и понимать, и любить Россию. К сожалению, трансформация России в современное демократическое государство далека от своего завершения. А потому мы еще долго будет нуждаться в умных и доброжелательных работах Стивена Коэна о нашем общем, трудном предмете исследования – о России, которую все же когда-то надо понять.

Петр ЧЕРЕМУШКИН

Он предсказал перестройку

«ПЕТЕ ОТ СТИВИ».

Такую дарственную надпись по-русски сделал Стивен Коэн на своей книге «Бухарин» в 1988 году.

Эволюция моего отношения к Стивену Коэну – живая иллюстрация изменения отношения ко всей Америке и американцам и, особенно, к политологическому сообществу. Сказал бы даже так: чем лучше узнавал Коэна, тем яснее становилась общая картина американского политического и политологического спектра. Ведь когда-то в советские времена могло показаться, что все советологи примерно на одно лицо. Впервые я увидел имя Стивена Коэна в начале 80-х в череде имен других американских профессоров-советологов, которые, как мы тогда считали, были антисоветчиками и врагами. В то время любопытство они вызывали необыкновенное, а их осведомленность и точность суждений о наших делах и истории, а самое главное, полное несоблюдение советских табу, просто ошеломляло. У них мы видели и читали то, о чем нам вслух говорить не полагалось. Однако в то время они были единым и неделимым целым, что Маршалл Голдман, что Ричард Пайпс, что Збигнев Бжезинский, что Александр Далин или Роберт Конквест, что Стивен Коэн – все закоренелые антисоветчики. И характеристики им в наших газетах давались примерно одинаковые. Стивена Коэна «Литературная газета» назвала просто – «пакостник из Нью-Йорка». Стоит ли говорить, какая это была ошибка, культивировавшаяся нашими пропагандистами?

Впервые я встретил Стивена Коэна в 1988 году в теперь уже не существующей гостинице «Россия» – он приехал в Мо-

скву в качестве комментатора встречи Горбачева–Рейгана для одной из американских телекомпаний. Комментировал очень живо, хорошо, со знанием дела. Я был студентом последнего курса журфака МГУ, и меня позвали в телестудию на подхват – вдруг понадобится мнение молодых в эфире – оно, кстати, так и не понадобилось. И тут просто не поверил своим глазам – по коридору шел сам Стивен Коэн, которого я раньше видел только по телевизору или на фотографиях. Человек, который так точно и со знанием дела высказывался о происходящем в СССР. Высказывался очень доброжелательно в отношении Горбачева и политиков его поколения. Впрочем, тогда это поколение и нам казалось новым и необыкновенным. Я схватил его за рукав и уговорил на интервью, которое после проволочек было опубликовано в «Московском комсомольце» под странным заголовком «Кто вы, доктор Коэн?». После интервью он подарил мне свою книжку «Бухарин. Политическая биография» на русском языке, выпущенную «тамиздатом» с дарственной надписью «Пете от Стиви». Так он собственноручно по-русски подписал её. Подарок был непрост. Ещё за несколько лет до того, как я получил его, за обладание такой книжкой можно было отправиться прямиком в Мордовию на лесоповал. Но сам факт того, что мы спокойно встретились в гостинице «Россия» и поговорили, настраивал на вполне безмятежный лад. Перестройка шагала по стране – за книжки больше не сажали. Конечно, тогда я мог лишь догадываться, что произведения Коэна издавались у нас ограниченным тиражом для избранного круга кремлевских интеллектуалов. Более того, вскоре «Бухарин» вышел в издательстве «Прогресс». А портреты Стивена Коэна вместе с Анной Лариной – чудом выжившей вдовой Бухарина – публиковали все газеты. Интересно, что в предисловии к советскому изданию «Бухарина» Коэн упомянул то интервью, которое он дал «МК». В частности, он пишет: «Во время интервью со мной газете “Московский комсомолец” один молодой советский журналист спросил: «Некоторые считают, что вы предсказали перестройку в СССР?». Я бы не рискнул взять на себя такую ответственность. По моему убеждению, историки не должны пытаться предсказывать будущее; перед ними достаточно сложная задача – понять прошлое и настоящее страны. Вместе с тем верно и то, что для западных исследователей давно уже характер-

ны два исторических подхода. По мнению большинства из них (во всяком случае до 1985 г.), советская система в том виде, в котором она сформировалась при Сталине, никогда не сможет быть радикально изменена. Другое же мнение, представленное явным меньшинством, к которому я принадлежу с самого начала своей исследовательской деятельности, считает, что Советский Союз, подобно всем социально-экономическим системам, не только претерпел значительные изменения в прошлом, но и с большой долей вероятности будет изменяться в будущем». Если исключить понятную осторожность автора этой пространной цитаты, в ней нетрудно увидеть заявку на прогноз распада СССР. Но на самом деле Коэн перестройку предсказал, и в своих книгах выявил, насколько не единым целым были советская система и компартия. Это мы хорошо знаем теперь, а тогда, в 80-е годы XX века, высказывание подобных суждений было крамолой.

Я внимательно посмотрел эту книгу. Как и другую – «Переосмысливая советский опыт». Автор был увлечен идеей о том, что останься Бухарин у власти, не будь он убит Сталиным, судьба социализма могла бы повернуться по-другому. На фоне бурного разоблачения сталинизма, развернувшегося в СССР, в конце 80-х эта идея могла показаться достойной внимания. Однако тогда я счел ее чересчур умозрительной, схематичной. Лишь позже я узнал, что Стивен Коэн вообще любит искать альтернативу историческому развитию. Все историки увлекаются этим, тщательно скрывая от публики. И тем самым всегда противоречат любимой фразе любимого ими и Коэном советского руководителя о том, что «история не знает сослагательного наклонения». Однако тут-то я понял, что американские историки и политологи это далеко не люди с одинаковыми лицами, «дующие в одну и ту же дудку анти-советской истерии», как писали у нас. В этой весьма разношерстной компании, может быть, самый широкий спектр мнений и оценок. Даже сейчас эта простая мысль понятна далеко не всем. Но Стивен Коэн в этой среде – особая статья. О чем ниже.

Следующая встреча с ним произошла в бывшей гостинице ЦК КПСС в Плотниковом переулке в конце 90-х. Дружба с Америкой шла к закату. Но Стивена Коэна это не останавливало. Наоборот! Он хотел разъяснить российской публике, почему российско-американские объятия закончились холодной

настороженностью. Оказалось, что для презентации книги в Москве ему нужен фотограф, который запечатлеет исторические моменты этого события. Я в те годы увлекался фотографией и предложил свои услуги, позже ни разу не пожалев, что выступил в роли обслуживающего персонала. (Вообще, мне кажется, что отношение во всех пресс-службах к фотографам, как людям второсортным, совершенно неправильно. Ведь именно фотографы сохраняют для истории её самые ключевые моменты, которые не под силу никаким рукописным документам.) Презентация была организована по всем законам жанра. С накрытыми столами и выступлениями в цеховских интерьерах. Книга Стивена Коэна называлась «Провал крестового похода. США и посткоммунистическая Россия». Для меня, в ту пору работавшего на американское правительство, подобный заголовок выглядел не просто эпатажем – он вопиюще нарушал правила государственных американских приличий. (Кстати, я и сейчас считаю, что сей заголовок – полемический перебор). Но интереснее всего были люди, собравшиеся на презентации. Со всеми ними Коэн был запанибрата. Там присутствовал и великий Александр Евгеньевич Бовин, по привчке пивный шампанское, и бывший секретарь ЦК КПСС Вадим Андреевич Медведев (кто помнит его сейчас кроме закоренелых *political animals*?¹), и благообразный Николай Иванович Рыжков – один из последних советских премьеров. Почему-то Коэн подошел ко мне и заговорщицки сказал: «Peter! I know you love Ryzhkov!»². До сих пор не знаю, почему он так сказал. Видимо, я слишком внимательно рассматривал чело-века, до того виденного только в телевизоре. Был здесь и «великий неизвестный», скрывающий свое лицо от фотографов Витя Пелевин, учившийся со мной в одной школе, на два класса старше. Витя очень рассердился, когда я направил на него объектив фотоаппарата. Пелевин с удивлением рассматривал политическую братию, собравшуюся вокруг стола, и с особым недоумением бросал взоры на японского специалиста по Бухарину, спокойно выпивавшего в уголке.

Но, конечно, самыми интересными из присутствующих были члены семьи Стивена Коэна – дочь и жена Катрина ван-

¹ Политических животных.

² Питер! Я знаю, ты любишь Рыжкова!

ден Хевел – издатель левого, и я бы сказал, оппозиционного журнала «Нэйшн» – пристанища американских инакомыслящих (конечно, до той поры пока не появился телеканал «Russia Today»). Не трудно было заметить, что как настоящий еврейский папаша, Коэн души не чает в дочери. Вся эта компания совершенно разрушала ярлык Стивена Коэна как злобного монстра, который ему лепила советская пропаганда, а скорее делала его социал-демократом, что, впрочем, по советским сталинистским критериям одно и то же. Но ведь и другие собравшиеся в тот вечер в бывшей гостинице ЦК КПСС были того же поля ягодами, что и Стивен Коэн, пытавшимися реформировать коммунизм и наивно верившими, что это возможно. Одним словом, все вместе взятое, давало немалую почву для размышлений. Прежде всего, о том, что и я был уже не тем юным Петей, который встретил профессора Коэна в гостинице «Россия», а ещё, что профессор Стивен Коэн – большое исключение в плеяде американских политологов и стоит особняком среди прочих, потому что придерживается в сущности левых убеждений.

Главным подарком «Пете от Стиви», то есть мне, от профессора Стивена Коэна, стал урок американского плюрализма, многообразия. Благодаря Стивену Коэну я понял, что не все американцы воспринимают свою страну через призму патриотического угара, что инакомыслие в Америке не только возможно, но и является важной составляющей политической культуры, американского разнообразия, которое и есть залог силы американского общества и устойчивого движения вперед. Пусть большинство и не согласно с меньшинством, но мнение меньшинства все-таки принимается во внимание.

Профессор Коэн достиг зрелого возраста и добился большой известности у себя в стране и в России. Мне всегда импонировала та страстность, с которой он отстаивал свою идеи. За этим, с моей точки зрения, стоит огромный интерес и симпатия к теме своего изучения – России. На сегодняшний день наиболее интересно, есть ли у таких людей как Стивен, молодые последователи, которые с такой же увлеченностью занимаются в Америке российскими делами. Хотелось бы в это верить, прежде всего, потому что Россия очень нуждается в доброжелательных и заинтересованных людях на Западе.

Михаил ШАТРОВ

XX век подарил нашей стране замечательного друга

Не помню точно, кто нас познакомил в 1985 или 1986 годах, но такое ощущение, что это были Егор Яковлев и Лен Карпинский, руководители «Московских новостей». На меня Стивен произвёл грандиозное впечатление. Я почувствовал, что передо мной историк, подлинный историк, вышедший не из «Краткого курса» истории ВКП(б), как всё то поколение историков, которое меня окружало и которое было сконцентрировано в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а человек, который знает подлинные события, прекрасно анализирует все те факты, доступа к которым мы были лишены.

И вот первые наши контакты. Он прочитал мою пьесу «Брестский мир» и мы как-то сразу почувствовали, что мы из одной лодки. Он очень поддержал меня в моем стремлении дать слово не придуманным героям, а чтобы со сцены заговорили подлинные участники и люди, которые делали революцию, чтобы они сказали: чего хотели, почему не получилось? Ощущение, что действительно не получилось, было как у него, так и у меня. Это нас объединило.

Стивен подробно рассказал мне о своих научных интересах. Он тогда занимался фигурой выдающегося деятеля революции Николая Ивановича Бухарина. Слава Богу, я сейчас произношу это имя, и у меня уже не возникает никакого страха, но тогда, когда мы встретились со Стивом, ещё нельзя было произносить ни эту фамилию, ни фамилию моего дядьки Алексея Ивановича Рыкова, ни многих других деятелей Октябрьской революции. И поэтому беседы с человеком, кото-

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЗНА

рый пересмотрел, прочитал почти всё, что было на Западе издано или хранилось в документах Гуверовского института или других архивах, связанных с нашей революцией, очень меня вдохновили.

Стив блестяще знает нашу историю, во всех её деталях, мелочах. Читал всё или почти всё, что появлялось и вызывало общественный интерес. Первый наш разговор мы воплотили в диалог, который был опубликован на страницах «Московских новостей». После этого между нами возникло уже постоянное общение, а также с его очаровательной женой Катей. Я познакомил их со всеми своими близкими людьми, и мы постепенно стали – нет, не приятелями, приятелями слишком мало – мы действительно стали друзьями. Потому что тот заряд поддержки, который я получал от этого видного и крупнейшего ученого, давал мне силы, несмотря на идиотские отклики и окрики в печати в мой адрес, он давал мне силы продолжать работу именно в этом направлении, рассказывать о том, как было на самом деле, что хотели на самом деле и кто стоял на капитанском мостике этого корабля. Он давал мне силы бороться, насколько возможно, со всем тем, что осталось от этой религиозной, в кавычках, веры в «Краткий курс», которая командовала всей нашей общественно-политической жизнью.

Иногда я вспоминаю тех людей, кто препятствовал мне донести правду до читателей и зрителей. Какие только приемы они не использовали, чтобы ни одна из моих пьес не появилась. А ведь вся моя драматургия была посвящена в той или иной степени Октябрьской революции, её проблемам. Всё было запрещено цензурой, всемогущим Главлитом. Все мои пьесы получали зубодробительные заключения академика Егорова и его прихлебателей.

Стив Коэн безоговорочно поддерживал меня в моем стремлении вывести на сцену всех действующих лиц революции, стёртых в памяти людей послушными историками. Я хотел дать возможность своим героям говорить то, что они говорили в действительности. Стива больше всего волновали тогда три этапа нашего прошлого: 20-е годы, конец НЭПа, затем трагедия, которая произошла в стране в конце 30-х гг., поступки подвиг Хрущева, который вышел на XX съезд со своим док-

ладом (пусть он был с сегодняшней позиции не очень строгим и не отличался большой глубиной).

И о нынешних временах, которые кто-то из моих коллег блистательно назвал – «на смену культу личности пришел культ наличности», тоже надо сказать. Мне не один раз приходилось слушать выступления Стива Коэна на форумах историков, политологов. Всегда это были очень интересные по фактам и очень глубокие по анализу, полные гражданской смелости, речи. Он возвращал нас к тому, что было. Он призывал нас оглянуться и внимательно посмотреть, что было там и почему это надо помнить. Поэтому и реабилитация выдающихся деятелей страны, расстрелянных, замученных, утопленных в крови, стало принципиальным делом таких личностей, таких замечательных западных учёных, как Стив Коэн. Наверное, в каждой стране можно найти людей, которые вложили свой труд в этот процесс. Но впереди для меня всегда был Стив. Его любовь к нашей стране (это не юбилейное словословие) это глубокая и серьёзная любовь. И я счастлив, что какое-то время рядом со мной были такие внимательные, зоркие глаза как у Стива, его способность размышлять, его способность анализировать с очень большой долей точности, не предсказывать, а говорить о том, что нас ждет в том или ином случае. Хорошо, что у нас есть такие друзья, которые воспринимают как личное горе все то, что у нас сегодня происходит, когда «культ наличности» ломает и судьбы, и планы, и культуру. Особенно культуру.

Я все жду, когда же интеллигенция очнется. Очнется и посмотрит внимательно, что же идет из этого ящика под названием телевизор, какой бред обрушивается на нас в документальных фильмах по истории. Мы переживаем период, когда главной национальной опасностью для страны является ежедневный поток помоев, отсутствие подлинного искусства. Только одно котируется на этом экране – сериалы, посвященные бандитизму, убийствам и прочее. Люди, которые стоят во главе телевидения умеют делать рейтинги во время выборных кампаний. За это их и держат, но они ничего не понимают в искусстве, в культуре, потому что выпускают на экраны эту грязь и эту муть. Но даже сквозь этот сегодняшний день хочется никогда не забывать тех людей, которые вместе с нами

переживают всё, что происходит в нашей стране, воспринимают это как личное дело.

Мне кажется, что XX век подарил нашей стране замечательного друга. Им являлся и является скромный, необычайно обаятельный и талантливый человек по имени Стив Козн.

Мне хочется пожелать только одного, чтобы ещё долго-долго работал этот светоч разума, этот поразительный талант, чтобы ещё очень долго, многие годы справлялся его юбилей. Чтобы мы могли посылать телеграммы, SMSки:

Стив, привет! Здоровья, счастья и творческих успехов.

Михаил ШЕВЕЛЕВ

Интеллигент двух народов

Со Стивеном Коэном я познакомился в середине 80-х. Мои родители, Владимир Владимирович и Галина Генриховна Шевелевы были дружны с Ингой Балод, женой Юры Ларина, сына Николая Ивановича Бухарина. Николай Иванович составлял тогда смысл научной жизни Стивена Коэна – так он появился сначала в доме Юры и Инги, а потом был зван и к нам. Отец тогда начал работать в только что преобразившейся газете «Московские новости» и компания нашего дома – Лен Карпинский, Егор Яковлев, Юрий Карякин, многие другие, близкие к газете люди – были для Стивена обществом интелесным и очень понятным по взглядам.

Для всех нас Стивен был, конечно, отчасти экзотикой – американский историк, пишущий о Бухарине, автор неизданной тогда еще, но уже многими читаной книги. Со временем оказалось, что экзотичность этой фигуры только в малой степени объясняет ту взаимную симпатию, которая на моих глазах очень быстро связала Стивена Коэна, его жену Катю – и моих родителей и их друзей. Общие взгляды на то, что происходило тогда в СССР (и, особенно, на советскую историю) и искренняя вера в то, что этот ход вещей можно переломить при нашей жизни – это было важнее всех внешних атрибутов.

И эта симпатия сохранилась и сохраняется, несмотря на то, что уже довольно скоро стало заметно, что отношение к происходящему в новой России у Стивена и его московских друзей – разное. Когда-то их общей надеждой был Горбачев. Но Ельцин изначально вызывал у Коэна стойкую антипатию, а мы тяжело расставались с иллюзиями. (Пишу «мы», потому

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

что к этому времени я уже тоже работал в «Московских новостях» вместе с отцом и из статуса «сын друга» перешел в категорию «дружественный журналист»). Октябрь 93-го, война в Чечне, выборы 96-го, приватизация – все эти события, подтверждавшие правоту неоптимистичных прогнозов Стивена на перспективы России, нами воспринимались тревожно, но не катастрофично.

Отец расстраивался из-за наступившего охлаждения в отношениях: ему казалось, что Стивен излишне академичен в своих оценках, что для него Россия – скорее предмет научного интереса, поэтому он не всегда способен понять мотивы и поступки людей, живущих в этой стране. Но в чем отец не сомневался никогда – это в человеческой порядочности и искренности Стивена Коэна. «Никак не могу привыкнуть к тому, что Стив американец, – говорил отец. – По-моему, он эталон русского интеллигента».

Теперь, когда время очень во многом (слишком, к сожалению, во многом) доказало, кто был прав в тех спорах десятилетней давности, остается только жалеть, что отец не успел сказать это Стиву сам. Я возьму на себя смелость сделать это за него.

И пожелать Стивену Коэну одной, как мне кажется, чрезвычайно важной для него вещи: увидеть успех новой перестройки в России, что, как он считает, невозможно без перестройки на другой его родине, американской. Он, я думаю, прав: это правота не ученого, это правота человека, не изменяющего принципам. Правота интеллигента – американского и русского.

Катрина ванден ХЮБЕЛ

Мой Стив

Пока земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
Чего у него нет...

...

... И не забудь про меня.

*Булат Окуджава,
Молитва Франсуа Вийона,
звучавшая на нашей свадьбе
4 декабря 1988 г.*

Вот уже тридцать три года Стив является моим партнером, товарищем, компаньоном, соучастником, лучшим другом, наставником, мужем (последние двадцать пять лет), любовником и соавтором. Я бесконечно благодарна ему за знакомство с Россией и за жизнь, полную совместных приключений, разделенной любви к нашей дорогой Нике, взаимной дружбы и страсти.

«Конечно, нельзя сказать, что мы – это один человек – сказал мне как-то Стив. – Но у нас так много общего, связанного с Россией, так много общих испытаний, воспоминаний, впечатлений, так много общих мыслей, – хотя бывают и разногласия! – что порой мне кажется, что мы уже почти слились воедино, в одного человека с общей биографией».

*

* *

Впервые я почувствовала, что не на шутку увлечена Стивом, когда читала его эссе 1977 года *Bolshevism and Stalinism*. Его ясно выраженная, убедительная мысль о том, что в истории

и политике всегда существуют альтернативы, глубоко поразила меня. В то время я была довольно наивной молодой девушкой и, насколько я помню, очень склонной разделять общепринятую точку зрения. Работы Стива – а вскоре и он сам – заставили меня смотреть на вещи критически, искать альтернативы существующему статусу-кво, оставаться верной своим убеждениям (даже если они непопулярны) и подвергать сомнению чужие (даже самые устойчивые). Этим золотым правилам я следую и сегодня, будучи главным редактором *The Nation* – журнала, который с момента своего основания в 1865 г. бросает вызов устоявшимся ортодоксиям, и в котором Стив с 1982 по 1987 г. вел популярную колонку «Sovieticus».

Однажды я спросила Стива, что привело его к убеждению, что альтернативные пути – более демократические, более справедливые – всегда существуют. «Поскольку я вырос в сегрегированном обществе на американском Юге, – сказал он, – я был вынужден изучать альтернативы... Должны были быть альтернативы рабству и сегрегации».

*
* *

Наши совместные поездки в Москву, начиная с 1980 г., и то, что с нами там происходило, являются самыми значимыми событиями моей жизни. Стив открыл передо мной миры – политики, истории и жизни – каких я прежде не видывала. Он познакомил меня с удивительной Анной Михайловной Лариной, главой его второй семьи, и эклектичным, но пленительно-интересным кругом своих друзей – пожилых гулаговцев, диссидентов, свободных мыслителей, в том числе, и из рядов советской номенклатуры.

В 1985–1991 гг., когда мы часто бывали в Москве, мы вместе со всеми переживали интеллектуальный и политический подъем тех лет, поддерживали великие надежды и свершения перестройки. Позже у нас сложились дружеские отношения с Михаилом Горбачёвым, которого мы оба глубоко уважаем как человека и политического лидера, который не побоялся использовать свою власть для того, чтобы изменить свою страну и мир. Горбачёв изменил также и нашу жизнь. Я люблю упоминать, что наша женитьба со Стивом совпала с перестрой-

кой. На самом деле, день после свадьбы – первый день нашего медового месяца – Стив провел в ООН с Горбачёвым и телеведущим Дэном Разером (Стив был тогда консультантом CBS News). А в первую годовщину нашей свадьбы в 1989 г. мы были с Горбачёвым и Бушем (старшим) на Мальте, где они провозгласили конец «холодной войны». Мы говорим про нашу дочку Нику, которой теперь 22 года, что она «дитя перестройки», потому что была зачата в эпоху Горбачёва, впервые прилетела в Москву в июле 1991 г., и с тех пор побывала в ней едва ли не сорок раз. Однажды, в трогательную минуту откровения год спустя после смерти Раисы Максимовны, Горбачёв обмолвился Стиву, что наш с ним брак и партнерство напоминают ему его собственные отношения с Раисой: мы тоже выглядим, как одно целое.

Стив часто жалеет о том, что многие из его русских друзей, появившихся после 1985 г., не знают о его прежней московской жизни. Те доперестроечные годы, с 1975 по 1982 г., дали Стиву то, что он в одном разговоре со мной назвал «подлинным образованием... не только в области российского общества, но и в области российской политики, поскольку я начал понимать взаимосвязь между различными течениями в обществе, в диссидентском движении и в номенклатуре». Это были «чрезвычайно важные для формирования моей личности годы». Те годы также вдохновляюще сказались на творчестве Стива, прежде всего на его прорывной книге *Rethinking the Soviet Experience* («Переосмысливая советский опыт»), которая вышла как раз в то время, когда Горбачёв пришел к власти. (В связи с ней некоторые говорили, что Стив предсказал перестройку!). Много было в то время и того, что касалось личных отношений. «Было много трагичного – вспоминает Стив, – но и много юмора и тепла, когда чтобы сколотить компанию, достаточно было личных дружеских связей и идей». С 1980 г., когда я впервые приехала в Москву со Стивом, до 1982 г., когда ни ему, ни мне не дали больше визы, мы жили в той России. Много вечеров мы провели в квартире Тани Бaeвой и на кухнях других наших друзей, пили далеко за полночь и слушали откровенные, бесцензурные, часто пессимистические рассуждения о настоящем и будущем России.

Позже я стала помощницей Стива в деле тайной переправки на Запад самиздатовских рукописей и в обратном направлении – книг тамиздата. К тому времени, когда я присоединилась к нему, Стив уже, удовлетворяя потребности своих друзей, умудрился привезти в Москву десятки книг, от Солженицына, Шаламова, Оруэлла и Роберта Конквеста до Камасутры и, естественно, тамиздатовской версии коэновского «Бухарина». От Стива я узнала, что запрещенные документы и рукописи нужно все время носить с собой, потому что КГБ часто обыскивал квартиры и комнаты в отелях. В какой-то момент сумка Стива, которую он носил на плече, стала такой тяжелой, что у него в паху, с правой стороны, возникла грыжа. После операции по ее удалению он начал носить сумку на левом плече и, в результате, у него возникла вторая грыжа слева. Стив любит повторять, что самая большая неприятность, которую ему доставил КГБ, это нажитые по его вине две грыжи.

Здесь уместно сделать одно сугубо личное и ироничное примечание: именно самиздатовские рукописи стали причиной, по которой мы впервые встретились. В 1978 г. Стив прослышал, что у меня есть дипломатический паспорт, который избавляет от таможенного досмотра, и что я собираюсь ехать в Москву. (Мой отец в ту пору был представителем Соединенных Штатов в европейском отделении ООН в Женеве.) Через общего друга Стив связался со мной и спросил, не могла бы я привезти некоторые самиздатовские документы, которые были приготовлены для него в Москве. Разумеется, я была бы счастлива это сделать, но Стив ошибался – у меня не было дипломатического паспорта.

Кому-то Стив может показаться строгим и даже суровым, но те, кому повезло обрести его доверие, знают, что он человек огромной душевной щедрости, преданности и доброты. В нашем нью-йоркском, верхне-вестсайдовском, окружении он известен как организатор и многолетний спонсор баскетбольных турниров для молодежи, часто из бедных афроамериканских семей. В Москве Стив всегда старается оказывать помощь и поддержку, в том числе материальную, молодым российским ученым. А в последние годы мы с ним вместе поддерживаем молодую команду, пришедшую в руководство Московским государственным музеем истории Гулага.

Со Стивом никогда не бывает скучно. В нашей семье он настоящий радикал, неизменно доходящий до корня проблемы. Он всегда говорит то, что думает. На протяжении многих лет Стив – моя поддержка и опора. Он укрепляет и подбадривает меня в сражениях, которые редактору *The Nation* приходится вести (часто со своими собственными авторами, включая порой и Стива!), и вселяет в меня личное и политическое мужество совершать правильные поступки.

Хотя Стив любит говорить о пользе переосмысления и преимуществе вопросов над ответами, в своей политической аналитике он демонстрирует мудрое постоянство. Например, как видно из его многочисленных, важных и влиятельных, статей, опубликованных в *The Nation* за последние десятилетия, он всегда был стойким противником американского мышления холодной войны и выступил против его возвращения в политику в годы после конца Советского Союза. Он проявляет постоянство в своем отказе поучать, проповедовать или морализировать по поводу того, как должна вести себя Россия. Он предпочитает не проповедовать, а слушать, и эта его позиция не рецепт популярности, которая Стива мало заботит. В то время как очень многие американские политологи думают, что комментарии по поводу России в СМИ должны включать их нравоучения на тему, что Россия должна и что не должна делать в своей внутренней и внешней политике, Стив искренне считает, что это дело самой России. Однажды он сказал мне: «Я не поворачиваюсь спиной ни к одной точке зрения... Если спросить знающих меня людей из любой части российского политического спектра, от правых националистов до левых марксистов и от коммунистических реформаторов до российских демократов, все они скажут, что я никогда не говорю ни о России, ни о них с морализаторских позиций».

В России это всегда было большим плюсом Стива. «Оглядываясь назад, – заметил он однажды, – могу сказать, что как бы американцы и русские не злились на меня за эту привычку, она дала мне возможность жить в России гораздо более полной, плодотворной и разнообразной жизнью, чем та, которую я бы имел, если все эти сорок лет только и делал, что выбирал, за кого я, – как предпочитают делать многие американцы».

Стива связывают в России спокойные, ровные, даже дружеские отношения с людьми самых разных, порой противоположных взглядов.

*
* *

Стив впервые встретился с Михаилом Горбачёвым в 1987 г. на приеме в советском посольстве в Вашингтоне, устроенном в честь американской «прогрессивной интеллигенции», – что Стив до сих пор считает забавным, так как он никогда не причислял и не причисляет себя ни к какой группе и терпеть не может ярлыки. Но в тот день он оказался там, и уже через несколько минут к нему подошел кремлевский помощник и сказал, что с ним хочет поговорить генеральный секретарь. В разговоре Михаил Сергеевич, который полагал, что автор «Бухарина» должен быть солидным человеком «серьезного» возраста, спросил: «Действительно вы написали эту книгу или это ваш отец?».

Сегодня Стив достиг того «серьезного» возраста, о котором говорил Горбачёв! Но я могу ручаться, что сердцем, душой и телом он по-прежнему молод. Возможно, это из-за его любви к рок-н-роллу Джерри Ли Льюиса, новоорлеанскому блюзу или музыке кантри из Кентукки, а может из-за страсти к баскетболу (разделяемой нашей дочкой Никой и его девятилетним внуком Лукасом) или равнодушию к хорошему анекдоту. Может быть, причина в наших воскресных прогулках в ближайшем Риверсайдском парке с их задушевными беседами и горячими спорами. А может быть, в том, что Стив, будучи очень серьезным человеком, не воспринимает себя всерьез.

Стив впервые попал в Россию в 1959 г. – в год моего рождения. «Я был еще мальчишкой», как он сказал мне однажды. К моменту, когда мы встретились в 1978 г., Россия стала для него, по его собственному признанию, «второй родиной».

Стив, милый, спасибо тебе за то, что познакомил меня со своей «второй родиной» и сделал меня своим партнером в этом чудесном и полном любви путешествии, которое, однажды начавшись, длится по сей день.

III

«НАМ НАДО БЫЛО ВСТРЕТИТЬСЯ
ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД...»

Из писем
Анны Михайловны Лариной-Бухариной
Стивену Коэну

29 VII 1922.

Дорогой Стяв!

Давно от тебя не получал никакой
общаю тебе новости. Ко мне приходил
уже раз спец. экадрот президентского ареста -
Мурак Юрий Иванович. В первый раз
принес стихи, на ванине разнообразное
темки, показывающие широту знаний
автора. Их надо читать, чтобы судить
них.

Во второй раз принес Философия
бесни, большая прелесть страны
биографический роман. Его же в дол
увлекательном проза. И статьи
не успел дописать, и он освещ
до 1902-1903г. Эта работа ч
не только биографический
гесторический интерес
книжки России, нижегта
нарастающее брожен
ного движения; как

Мурак Ю. И. в 1922 г. принес мне эти книги. Он тогда был в Москве.

Дорогой Стяв!
Давно от тебя не получал
никакой общаю тебе новости.
Ко мне приходил уже раз спец.
экадрот президентского ареста -
Мурак Юрий Иванович. В первый
раз принес стихи, на ванине
разнообразное темки, показываю-
щие широту знаний автора. Их
надо читать, чтобы судить о нем.
Во второй раз принес Философия
бесни, большая прелесть страны
биографический роман. Его же в
дол увлекательном проза. И статьи
не успел дописать, и он освещ
до 1902-1903г. Эта работа ч
не только биографический
гесторический интерес
книжки России, нижегта
нарастающее брожен
ного движения; как

Завтра ок пока не придет
это письмо. Надеюсь с
ним все сложится не будет,
с сумасшедшим дом.
Знаю не от него. Но он для того
просил перевести все стихи,
ублаживавшие в книге Егоровского на
английском языке, он считает, что она
лучше, чем "Портал" тексты моих
"Олегский послан, в письме
открытый фотограф, надеюсь

Завтра ок пока не придет
это письмо. Надеюсь с
ним все сложится не будет,
с сумасшедшим дом.
Знаю не от него. Но он для того
просил перевести все стихи,
ублаживавшие в книге Егоровского на
английском языке, он считает, что она
лучше, чем "Портал" тексты моих
"Олегский послан, в письме
открытый фотограф, надеюсь

15 июня 1978 г.

Дорогой Стив,
Пользуюсь случаем написать Вам.

Юра¹ уехал на практику со своими студентами в Зарайск, это возле Рязани...

Есть упоминание о Вашей работе в журнале «Новая и новейшая история» № 1, 1978 г., в статье Марушкина² – положительно, но не о главном герое «Романа», а о понимании революции, а также в новом издании книги Ваганова³, сами понимаете как. В этой книге, которую Вам привезут, есть замечательное место на стр. 57, 58, которое никак не согласуется с общей концепцией автора. Мы над этим смеялись.

Юра очень благодарит Вас за краски, которые он получил.

С итальянцами получилось очень неожиданно. Было и тяжело, и радостно. Эти режиссёры-коммунисты недавно поставили фильм о Грамши, который, говорят, пользуется большим успехом. Я рассказывала много, но не всё. Фильм – о последнем периоде жизни Н.И.⁴

Может быть, Вы будете в Италии, и захотите видеть режиссёра фильма? Его имя и фамилия Lino Del Fra. и Cecilia Mangini. Может быть, Вы будете для них ценным консультантом. О Вашей книге они знают.

У меня к Вам старая, пока не удовлетворённая, просьба. Не знаю, можно ли её выполнить. Может быть, Вы можете поручить кому-нибудь из Ваших сотрудников проверить по газетам, если это было освещено в печати, когда Н.И. приехал в Париж. Это было в марте 1936 г. Мне важно – когда в марте?

¹ Сын Николая Ивановича Бухарина и Анны Михайловны Лариной-Бухариной.

² Речь идёт о статье Б.И. Марушкина, доктора историч. наук, ст. н. с. Института всеобщей истории АН СССР, специалиста по проблемам историографии внешней политики США «Всемирноисторическое значение новой Конституции СССР – основного закона развитого социализма»).

³ См.: *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930). Изд. 2-е, дополн. и перераб. – М.: Политиздат, 1977.

⁴ Николай Иванович.

Я думаю, во второй половине марта. Архив Маркса хранился в Вене, Амстердаме и Копенгагене. Там Н.И. провёл значительную часть времени. Он выехал из Москвы во второй половине февраля 1936 г. Заезжал ли он предварительно в Париж? Я считаю, что не заезжал, но хочется проверить свою память. Я помню, что из Германии, где Н.И. был проездом 1–2 дня, он поехал в Вену. Может быть, в венских газетах (за февраль 1936 г.) что-нибудь о приезде Н.И. есть. Тогда будет установлено точно, когда он выехал из Москвы и куда он поехал. Если в печати это не отражено – тоже сообщите. Тогда не будет никаких противоречий между тем, что я помню и тем, что есть в печати.

От всей души желаю Вашей матери поправиться. Хочу, чтобы у Вас было хорошее настроение и чтобы Вы появились в Москве.

24 ноября 1989 г.

Дорогой Стив,

... Я побывала в ФРГ, представляла книгу⁵, было очень интересно, подробности расскажу. 26 ноября уезжаю в Хельсинки дня на 3–4, они тоже издали книгу, но только не полный текст.

У нас тоже издана – сигнальный экземпляр уже есть, но я его ещё не видела.

Обстановка у нас напряженная, но я надеюсь, что в конце концов под умелым руководством Михаила Сергеевича Горбачёва всё придёт к хорошему концу...

Юра, Миша, Надя⁶ передают привет.

Я крепко обнимаю тебя и Катрин.

29 июля 1992 г.

Дорогой Стив!

Сообщаю тебе новости. Ко мне приходил ещё раз специальный эксперт президентского архива – Мурин Юрий Григорьевич. В первый раз принёс стихи на самые разнообразные

⁵ Речь идёт о воспоминаниях А.М. Лариной-Бухариной «Незабываемое», изданных издательством АПН в 1989 г.

⁶ Дети Анны Михайловны.

темы, показывающие широту знаний автора⁷. Их надо читать, чтобы судить о них.

Во второй раз принёс «Философские арабески», больше трехсот страниц⁸ и, наконец, биографический роман. Его я с большим увлечением прочла. К счастью, роман он не успел дописать, и он освещает события до 1902–1903 г. Эта работа представляет не только биографический, но и огромный исторический интерес. Нравы чиновничьей России, нищета русских деревень, нарастающее брожение революционного движения; наконец, характер твоего героя. На всём, кроме этого романа, лежит отпечаток времени – другой эпохи, марксистского и социалистического мировоззрения. Всё, кроме романа, написано под дамокловым мечом смерти, без Кобы не обходится. Там всего примерно страниц семьсот, если не больше. Машинописного текста будет, я думаю, вдвое больше.

Кто возьмётся за такую работу не могу себе представить⁹.

Ни ты, ни я не хотим, чтобы это распространялось и, хотя Мурин обещал, что этого не будет, но письмо Н.И. ко мне уже отдано в журнал «Родина». Написала небольшой ответ на него – «Н.И. Бухарину на тот свет.»

Всё это будет опубликовано в начале сентября. Мне, конечно, не отдали оригиналы трудов Н.И., а только ксерокс.

Был 27/VII Валера¹⁰. Он как посмотрел на объём написанного, сказал, что придумать не может, кому это дать перепечатывать. С моей точки зрения, чтобы перепечатывать всё нужен человек незанятой, образованный и надёжный.

Звони. Не знаю, удастся ли мне попасть в больницу, и это меня волнует. Очень скучаю без тебя, Кати и маленькой Ники. Обнимаю и целую вас.

Сейчас по радио передавали, что на Конституционном суде решается вопрос, приглашать ли в суд ещё свидетелей, в том

⁷ Имеется в виду тюремный цикл стихов, написанных Н.И. Бухариным в 1937–1938 гг.

⁸ Эта рукопись была написана Н.И. Бухариным в застенках Лубянки в 1937 г.

⁹ Двухтомник «Тюремных рукописей» вышел в издательстве «АИРО-XX» в 1996 г.

¹⁰ Валерий Писигин.

числе американского советолога Стивена Козна¹¹. Мы с Надей хохотали ужасно..

3 сентября 1992 г.

Дорогой Стив!

Мне решительно в жизни не везёт. Сегодня должна приехать Катя¹², а я снова в больнице. Уже весь организм отравлен этой химией.

Я надеюсь, что сегодня придут Миша и Надя, и я передам для тебя это небольшое письмо. Выпишут меня в понедельник 7 сентября, когда Катя уже улетит в США, если ничего в планах не изменится.

Настроение у меня мрачное. Можешь ты себе представить человека, которого в одну минуту, после прочтения письма от Н.И., перенесли в то страшное время – Большого террора. Теперь я переживаю всё заново и не могу от этого избавиться. То, что для посторонних это история, для меня превратилось во вчерашний день...

Роман¹³, как я тебе уже сообщала, печатает Тоня¹⁴, и скоро закончит.

Я боюсь, что для тебя не всё будет понятно из-за недостаточного знания русского языка. Он автобиографичен. Сам он – Коля, Отец – не Иван Гаврилович, а Иван Антонович. Матери имя и отчество не изменено – Любовь Ивановна. Яблоковы – это Лукины, сестра матери – кажется, Мария Ивановна (у меня нет перед собой романа), её дети – две дочери названы другими именами, но в действительности, это Надежда Михайловна – бывшая жена Н.И. и вторая – её сестра Анна Михайловна (Надю, кажется, он назвал Маня), их брат Коля – профессор или даже академик (не помню) Николай Михайлович Лукин – специалист по истории Франции. Вот тебе мои комментарии, насколько я могу тебе объяснить, находясь в больнице, не

¹¹ Речь идёт о процессе по «делу КПСС» в Конституционном суде РФ (июль-октябрь 1992 г.

¹² Катрин ванден Хевел, супруга Стива.

¹³ Имеется в виду автобиографический роман Н.И. Бухарина «Времена», написанный в 1938 г. на Лубянке.

¹⁴ Супруга Михаила Фадеева, сына А.М. Лариной-Бухариной.

имея перед собой текста. Но слова, специфически народные, боюсь, ты не поймёшь...

Не знаю, успею ли написать кое-что в «Известия», если они будут публиковать письмо¹⁵. Сейчас, в больнице это делать невозможно, обстановка не позволяет.

Хочу скорей встретиться, соскучилась. Хочу видеть всех вас, посмотреть, какой стала Ника, поцеловать её.

Пока, всего самого лучшего вам всем. Целую.

29 октября 1993 г.

Дорогой Стив!

Я уже предчувствую нашу скорую встречу, так я без всех вас соскучилась, по тебе, Стив, в особенности. Пусть Катя не ревнует. Нам надо было встретиться шестьдесят лет назад, тогда бы ты был ещё больший бухаринец. Вот какая я самоуверенная фантазёрка!

Звонил мне Гарик Керн. Завтра он ко мне придёт, и я с ним отправлю это письмо. Надеюсь, с твоим приездом никаких осложнений не будет, несмотря на то, что у нас сумасшедший дом. Теперь уже конфликтуют Полторанин¹⁶ и Шумейко¹⁷, да и Шахрай¹⁸ – хитрющий. Словом, жизнь у нас такая, что скучать некогда.

Звонил мне Мурин. Вышел второй номер журнала «Источник». В нём опубликованы письма Н.И. Сталину из Ташкента (1936 г.) и из Фрунзе, до того, как он узнал о процессе Каменева–Зиновьева и после того, как узнал о процессе и начале следствия, также письмо Ворошилову (оно было у Волкогонова¹⁹), опубликовано письмо Кагановича Сталину в Сочи,

¹⁵ Речь идёт о последнем письме Н.И. Бухарина Анне Михайловне, написанном 15 января 1938 г. Это письмо впервые было напечатано в газете «Известия» 13 октября 1992 г. в том же номере была опубликована и статья Анны Михайловны о предсмертном письме Бухарина к ней.

¹⁶ М.Н. Полторанин – в то время директор Федерального информационного центра.

¹⁷ В.Ф. Шумейко – отстраненный в сентябре 1993 г. от должности зам. председателя правительства РФ.

¹⁸ С.М. Шахрай – в то время зам. председателя правительства РФ.

¹⁹ Д.А. Волкогонов – председатель парламентской комиссии по архивам.

после очной ставки с Сокольниковым. Мы встретились и Мурин подарил мне этот журнал, а я ему книгу Н.И. «Революция и культура».

Ника, маленькая, дорогая Ника, я жду тебя в Москву. Скоро ты приедешь к буле. Всех вас целую и очень люблю.

23 августа 1994 г.

Дорогой Стив!

Вчера позвонила мне твоя студентка Джульетта, сообщила, что привезла мне две мои книги в мягком переплёте.

В газете «Труд» 26 июля 94 опубликовано твоё интервью с Бабуриным. Я его сохранила.

В «Известиях» 19 августа 94 г. опубликована замечательная статья Отто Лациса под названием «Что спасали путчисты в августе 91 г.» в связи с оправданием Варенникова²⁰ и вообще в связи с путчистскими делами. Статья справедливо защищающая Мих. Серг.²¹ Вообще у нашего народа память короткая.

Что у вас слышно? Как здоровье, настроение, как Ника? Хочет, наверное, к бабуле, а когда приезжает, предпочитает Кирюшу и Эку²². Всё закономерно. Когда собираетесь в Москву?

Я скучаю, целую и обнимаю. Жду вашего приезда. Все шлют привет.

²⁰ В.И. Варенников – в августе 1991 г. участвовал в попытке государственного переворота ГКЧП. В 1994 г. единственным из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, предстал перед судом и был оправдан.

²¹ Михаила Сергеевича Горбачёва.

²² Кирилл и Эка, внук и внучка Анны Михайловны/

Вместо Послесловия.

Стивен Коэн отвечает на вопросы
«Новой газеты»

1. Что может вас оттолкнуть от человека при первом знакомстве?

Чрезмерная политкорректность, которая делает невозможными конструктивные интеллектуальные или политические отношения; и чересчур неприятное дыхание, которое делает очень тяжелыми отношения социальные.

2. О чем вас бесполезно просить?

Обсудить Бога, потому что мне не хватает достаточных знаний.

3. О каком не совершённом поступке вы сожалеете?

Имея счастье жить в такие интересные времена, я глубоко сожалею, что мне не удалось последовательно вести дневник, и, соответственно, об отсутствии самодисциплины.

4. Какую книгу вы бы не позволили прочесть своим детям?

После того как дети достигают 14–15 лет, таких книг нет. Я не люблю любые формы цензуры, в том числе «доброжелательную». Они увидят и услышат все в интернете. Точно так же я не заставлял своих детей читать книги. В результате только один мой ребенок из трех, Ника, читала мою книгу – и

то только одну («Жизнь после ГУЛАГа»), потому что отчасти это мемуары о нашей совместной жизни в России.

5. Что для вас труднее – выслушивать слова благодарности или извинения?

Ни то, ни другое выслушивать не тяжело, если они искренни. На самом деле все мы должны выражать эти чувства чаще, чтобы убедиться в доброте и надежности других и признать свои собственные недостатки.

6. Что вы могли бы делать своими руками на продажу?

В молодости я хотел стать профессиональным гольфистом. У меня больше нет прежних навыков, но я все еще могу обучать людей игре в гольф, что предполагает использование рук. Хотя, когда однажды в Принстоне дочь Сталина Светлана попросила меня об этом, я вежливо отказался.

7. Какое свойство юности вы мечтаете себе вернуть?

Мои способности к игре в гольф и, чуть позже, желание подготовить себя к карьере некоего политического лидера. Теперь это личные примеры «потерянных альтернатив», о которых я пишу в своих исторических исследованиях.

8. Сумма наличных денег при себе, без которой вы чувствуете себя некомфортно?

Это сумма, необходимая для оплаты такси в случае внезапного ливня и отсутствия метро поблизости, и на кусок пиццы, если я голоден. Проведя много времени в не самых безопасных кварталах Нью-Йорка сначала в качестве баскетболиста, а затем в качестве организатора турниров, я взял в привычку иметь при себе ровно столько денег, сколько мне действительно нужно.

9. На что ежедневно не хватает времени?

На работу, любовь (включая секс) и сон.

10. Элемент комфорта, без которого труднее всего обойтись?

Тишина и отсутствие стресса.

11. Есть ли реалии советской эпохи, по которым вы скучаете?

Я часто жил в брежневской Москве. Я по-прежнему скучаю по близким, порядочным отношениям среди моих московских друзей и глубоким, без цензуры, откровенным кухонным разговорам в их квартирах. Позже, с 1985 по 1991 год, я тоже часто бывал в Москве. Скучаю по интеллектуальным и политическим волнениям, надеждам и (да) великим достижениям перестроечных лет, которые сейчас все чаще забываются или искореняются как в России, так и на Западе.

12. Назовите три, на ваш взгляд, определяющие приметы современной России.

Я никогда не сужу и не учу Россию, но эти три взаимосвязанные приметы объективны: чрезмерная концентрация богатства в руках немногих; породившая эту примету политико-экономическая система, в том числе широко распространенная коррупция; и, как результат, нежелание финансовой элиты и множества ее государственных вассалов разрешить настоящему честные выборы. (Все это началось, конечно, еще в 90-х, а не при Путине.)

13. Сколько дней отпуска вы можете себе позволить за один раз?

У меня, как и у большинства работников умственного труда, не бывает «чистого» отпуска. В отпуск я беру работу с собой, так что количество дней едва ли что-то значит. Наверное, это не очень хорошо, но это так.

14. Если у вас была бы возможность позвонить в прошлое, кому и для чего вы позвонили бы?

Я много лет изучаю сталинскую эпоху и пишу о ней. Но у меня по-прежнему остались вопросы. Чтобы ответить на эти вопросы наиболее полно, мне нужно поговорить со Сталиным – в первую очередь о его чудовищных преступлениях во время коллективизации и Большого террора. Не чтобы осудить его, а чтобы понять. И еще один звонок – Николаю Бухарину, так как я сейчас готовлю расширенное издание его биографии.

15. На какой вид благотворительности вы бы с желанием тратили деньги?

На студенческие стипендии для молодых афроамериканцев и денежную помощь на издание первых книг юных российских историков.

16. Что в людях раздражает вас больше всего?

Не в порядке важности: вранье, ненадежность, политкорректность.

17. Какой из смертных грехов (гордыня, зависть, алчность, чревоугодие, похоть, уныние, гнев) кажется вам не таким уж и смертным?

Предаваясь им всем время от времени, могу сказать, что ни один из них в умеренном количестве не смертный. Исключением может быть похотливое отношение к власти, которое, как мы знаем из истории, может быть смертельно опасно, даже убийственно.

18. Какая новая черта нынешней молодежи вызывает у вас зависть или восхищение?

Завидую их молодости. А единственная новая черта, которая меня «восхищает», — это очевидная неспособность многих из них отличить мнение от факта в интернете, откуда большинство молодых людей берут свои «знания».

19. Идеал женщины?

Умная, с критическим мышлением, сострадающая, красивая, преданный друг и любящий партнер и главный редактор журнала, который будет публиковать мои статьи. Это моя жена, Катрина (Катя) ванден Хьювел, главный редактор и издатель The Nation. Мне повезло.

20. Идеал мужчины?

Идеала мужчины для меня не существует, потому что я в обиде на мужчин, которые идеальны во всем том, в чем я – нет.

21. Самое сильное впечатление детства?

Я вырос в маленьком городе на юге Америки, в обществе и системе, которые были американской версией апартеида. Нам, детям той эпохи, было сказано, что сегрегация была естественной, справедливой и вечной. Но тот опыт научил меня, что приличные люди должны бороться за перемены, даже если борьба неудобна или опасна, потому что всегда есть лучшая альтернатива. Эта правда была проиллюстрирована историей моего родного штата Кентукки. Во время Гражданской войны в Америке один кентуккиец, Авраам Линкольн, был президентом Союза, а другой, Джефферсон Дэвис, президентом Конфедерации.

22. Слово или выражение, от которого коробит?

В американских СМИ политики и комментаторы часто используют выражение «at the end of the day» (буквально: «в конце дня». – *Ред.*), под которым, как им кажется, они имеют в виду «in the final analysis» («в конечном счете», буквально: «в окончательном анализе». – *Ред.*). На самом деле во всем, что они говорят, нет никакого анализа — только конформистские идеологические рассказы и корыстные высказывания. По какой-то причине – возможно, потому, что как историк и политический обозреватель я воспринимаю анализ серьезно – меня очень раздражает это выражение.

23. Ваша любимая семейная легенда?

Большинство моих дальних родственников были убиты при Гитлере или Сталине, так что у нас немного семейных легенд, но одну я придумал сам. Много лет назад, когда был популярен фильм «Конан-варвар», я сказал моей младшей дочери Нике, что мы потомки Конана. Для маленького ребенка, на слух которого слова «Козн» и «Конан» звучали почти одинаково, это было правдоподобно. Нике нравилась эта легенда, но она переросла ее, как и многое другое из того, что я ей говорил.

24. Чего вы боитесь сильнее, чем смерти?

Перспективы того, что кто-то из моих детей может умереть раньше, чем я.

25. За что вы готовы переплачивать без сожаления?

Я всегда стараюсь ни за что не переплачивать. Поэтому когда я потом обнаруживаю, что переплатил, то глубоко возмущаюсь своей неудаче, вне зависимости от того, насколько велик или мал товар или услуга. Похоже, нет такой переплаты, о которой я не пожалею. Личная черта – вероятно, унаследованная от отца, который был «продуктом» Великой депрессии.

26. Назовите проблемы, которые в России надо решать незамедлительно.

В дополнение к трем приметам из вопроса № 12 есть еще две: распространенное мнение, что огромное богатство, которым владеет относительно небольшое число россиян, было нажито и остается незаконным; и распространенная уверенность, что сегодняшние российские госслужащие более коррумпированы, менее патриотичны и заботятся о народе меньше, чем их советские предшественники.

27. Самый далекий (по времени) родственник, чье имя-отчество вы знаете?

Так как дальние родственники умерли при Гитлере и Сталине, я знаю имена (но не отчества, которые в Америке, как

правило, не в ходу) только своих дедов, один из которых был из Царской империи, а другой из Австрии.

28. Вспомните ваш самый счастливый день за последние 13 лет, то есть в XXI веке.

Я все еще жду этого дня. Надеюсь, что это будет день, когда врачи найдут способ излечить наследственное заболевание сердца, которое есть у моих сорокалетнего сына и старшей дочери.

Опубликовано: <http://www.novayagazeta.ru/arts/60436.html>

Избранная библиография трудов Стивена Коэна

I. Книги

The Great Purge Trial. Co-Editor. (New York: Grosset & Dunlap and Universal Library Paperbacks, 1965)

Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888-1938 (New York: Knopf, 1973)

British Edition (London: Wildwood House, 1974)

American Paperback Edition (New York: Vintage Book, 1976)

Italian Edition (Milan: Feltrinelli, 1975)

Spanish Edition (Madrid-Mexico City: Siglo Veintiuno, 1976)

Japanese Edition (Tokyo: Mirai Sha Ltd., 1979)

French Edition (Paris: Maspero, 1979)

Russian Edition (Royal Oak, Mich.: Strathcona, 1980)

Serbo-Croat Edition (Opatija: Otakar Kersovani, 1980)

New American Paperback Edition (New York: Oxford Univ. Press, 1980)

British and New U.S. Paperback Edition (London: Oxford Univ. Press, 1980)

Swedish Edition (Lund: Arkiv, 1983)

Chinese Edition (Beijing, 1983)

Издания в СССР и РФ (М.: Прогресс, 1989, and 1993)

Brazilian Edition (Sao Paulo: Paz E Terra, 1990)

The Soviet Union Since Stalin. Co-editor (Bloomington: Indiana University Press, Hardcover and Paperback, 1980)

British Edition (London: Macmillan, 1980)

An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union.

Editor (New York: W.W. Norton, 1982)

Paperback Edition (New York: W.W., Norton, 1984)

Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917. (New York: Oxford University Press, 1985.)

Paperback Edition (New York: Oxford University Press, 1986)

Русское издание (Benson, Vt.: Chalidze Publications, 1986)

Chinese Edition (Beijing, 1988)

Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities (New York: W.W. Norton, 1985)

Expanded Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 1986)

Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers, with Katrina vanden Heuvel (New York: W.W. Norton, 1989)

Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 1990)

Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia (New York: W.W. Norton, 2000)

Expanded Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 2001)

Издание в РФ (М.: АИРО, 2001)

Можно ли было реформировать Советскую систему? / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16. (М.: АИРО-XXI, 2005).

«Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? (М.: АИРО-XXI, 2007; expanded edition, 2011)

Долгое возвращение: Жертвы ГУЛАГа после Сталина (in Russian, Moscow: АИРО-XXI, 2009)

Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War (New York: Columbia University Press, 2009)

Paperback Edition With New Epilogue (New York: Columbia University Press, 2011)

The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin (Exeter, NH: Publishing Works, 2010)

Издание в РФ (М.: АИРО-XXI, 2011)

UK Edition (London: IB Tauris, 2011)

Spanish Edition (Madrid: Creaciones Vincent Gabrielle, 2011)

US Paperback Edition (New York: IB Tauris, 2012)

Finnish Edition (Helsinki: Like Publishing, 2013)

Korean Edition (Paju-si: Geulhangari, forthcoming 2014)

Утраченное наследие Горбачева (М.: «Новая газета»; АИРО-XXI, 2010).

II. Статьи и предисловия к книгам

Marxist Theory and Bolshevik Policy // *Political Science Quarterly*, Vol. LXXXV, No. 1 (March 1970), pp. 40-60

Bukharin, Lenin and the Theoretical Foundations of Bolshevism // *Soviet Studies* (University of Glasgow), Vol. XXI, No. 4 (April 1970), pp. 436-57

– reprinted by *School of International Affairs*, Columbia University, 1971

– Japanese translation: *Doshisha University Economic Review*, Vol. XX, No. 1-2 (March 1972), pp. 186-222

In Praise of War Communism: Bukharin's The Economics of the Transition Period // *Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*, edited by Alexander and Janet Rabinowitch (Bloomington: Indiana University Press, 1972), pp. 192-203

Stalin's Revolution Reconsidered // *Slavic Review*, Vol. 32, No. 2 (June 1973), pp. 264-270

Politics and the Past: The Importance of Being Historical // *Soviet Studies*, Jan. 1977, pp. 137-45.

Bolshevism and Stalinism // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*, edited by Robert C. Tucker (New York: W.W. Norton, 1977; Norton Paperback, 1978), pp. 3-27

– also in *Dissent*, Spring 1977, pp. 190-205

- also in *Totalitarianism Reconsidered*, edited by Ernest J. Menze (Port Washington-London: Kennikat Press, 1981), pp. 58-80
- Italian translation in *Studi Storici*, October–November 1978, pp. 686-7

Foreword to *Roi and Zhores Medvedev. Khrushchev: The Years in Power* (New York W.W. Norton, 1978), pp. i-viii.

- Common and Uncommon Sense About the Soviet Union and American Policy** // *The Soviet Union: Internal Dynamics of Foreign Policy, Present and Future (Hearings Before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on International Relations, House of Representatives)*. Washington: U.S. Government Printing Office, 1978), pp. 202-239
- also as *A New Look at the Sources of Soviet Conduct*, Inquiry Magazine, December 19, 1977, pp. 11-17
 - Italian Translation in *Studi Storici*, April-June 1978, pp. 309-330

- Soviet Domestic Politics and Foreign Policy** (revised version of above item) // *Detente or Debacle: Common Sense in U.S.-Soviet Relations*, edited by Fred Warner Neal (New York: W.W. Norton, 1979), pp. 11-28
- Abridged version in *Common Sense in Soviet Relations*, edited by Carl Marcy (Washington: American Committee on East West Accord, 1978), pp. 11-25

Premonitions of Stalinism // *Dissent*, Winter 1978, pp. 79-82

- Why Bukharin's Ghost Still Haunts the Kremlin** (author's title: «The Afterlife of Nikolai Bukharin») // *The New York Times Magazine*, December 10, 1978, pp. 79-82
- Hebrew translation in *HA'ARETZ*, January 5-6, 1979, pp. 22 FF

The Friends and Foes of Change: Reformism and Conservatism in the Soviet Union // *Slavic Review*, Vol. 38, No. 2 June 1979), pp. 187-202

- also in *The Soviet Union Since Stalin*, Edited by Stephen F. Cohen, Alexander Rabinowitch, and Robert Sharlet (Bloomington: Indiana University Press, 1980), pp. 11-31
- Italian translation in *Studi Storici*, No. 3, 1979, pp. 567-90

What Is Fundamental? // *Slavic Review*, Vol. 38, No. 2 (June 1979), pp. 220-23

The Rage of Heresy // *The Nation*, December 29, 1979, pp. 692-94
 – Italian translation in *L'Espresso*, December 16, 1979, pp. 54-57

Stalin's Afterlife // *The New Republic*, December 29, 1979, pp. 15-19

Bukharin and the Idea of An Alternative to Stalinism, new introduction to *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (Oxford University Press, 1980), pp. xv-xxiv

Bukharin and the Eurocommunist Idea // *Eurocommunism Between East and West*. Edited by Vernon Aspaturian, Jiri Valenta and David P. Burke (Bloomington: Indiana University Press, 1980), pp. 56-71
 – also in *N.I. Bukharin, Selected Writings*. Edited by Richard B. Day (White Plains: M.E. Sharpe, 1982), pp. ix-xxv
 – also in *The Crucible of Socialism*. Edited by Louis Patsouras (Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987), pp. 293-307

Essays on the History of Stalinism, appeared intermittently in *Stalin L'Uomo, La Nazinoe, Il Partito* (Milan: Fabbri Editori, 1980)

E ora Brezhnev puo andare in pensione: colloquio con Stephen F. Cohen // *L'Espresso*, June 17, 1979, pp. 54-59

Cold Warriors of the World, Unite (author's title: «The Unholy Axis») // *Inquiry Magazine*, April 21, 1980, pp. 23-24

Dissenso, Democrazia ed evoluzine dell 'autoritarismo sovietico: 1917-1979, // *Dissenso e Democrazia new paesi dell'est* (Florence, 1980). pp. 24-34

La sue visione della 'construzinoe del socialismo // *Rinascita*, July 4, 1980, pp. 18-20

Il dopo Brezhnev: discuterne Josif Brodsky e Stephen F. Cohen // *L'Espresso*, November 16, 1980, pp. 70-82

Hard-Line Fallacies // *New York Times* (OP-ED), August 22, 1980 – also in *Social Education*, April 1981 (Vol. 45, No. 4), pp. 252-53

The Parity Principle in U.S.-Soviet Relations // *The New York Times*, June 26, 1981 (OP-ED)

The Survivor as Historian, Introduction to *Anton Antonov-Ovseyenko, The Time of Stalin* (New York: Harper and Row, 1981), pp. vii-xi

Roy Medvedev and Political Diary, foreword to *An End To Silence*, edited by Stephen F. Cohen (New York: W.W. Norton, 1982), pp. 7-14

The Stalin Question Since Stalin, in *An End to Silence*, edited by Stephen F. Cohen (New York: W.W. Norton, 1982), pp. 22-50

Bucharin e il bucharinismo // *Istituto Gramsci, Bucharin tra rivoluzione e Riforme* (Rome: Editori Riuniti, 1982), pp. 19-27

How to Save the World // *The New York Times*, November 13, 1983 (OP-ED)

Andropov in mezzo al Guado // *L'Espresso*, December 12, 1983

No Andropov Era // *The New York Times*, November 13, 1983 (OP-ED)

Soviet Domestic Politics and Foreign Policy // *World Politics Debated*, edited by Herbert M. Levine (New York: McGraw-Hill, 1983), pp. 126–137

The Stalin Question // *The Soviet Union Today*, edited by James Cracraft (Chicago: University of Chicago Press, 1983), pp. 21-32

The Friends and Foes of Change // *The Soviet Polity in the Modern Era*, edited by E. Hoffmann and R. Laird (Hawthorne: Aldine, 1984), pp. 85-104

Soviet State and Society as Reflected in the American Media // *Nieman Reports*, Winter 1984, pp. 25-28

– also (abridged) in *Bulletin of the American Society of Newspaper Editors*, November/December 1984, pp. 36-37

– also (abridged) in *Harper's*, March 1985

– also in *The Other Side: How Soviets and Americans Perceive Each Other*. Edited by Robert English and Jonathan Halperin (New Brunswick: Transaction Books, 1987), pp. 77-81

Soviet Domestic Politics and Foreign Policy // *Soviet Foreign Policy In A Changing World*, edited by R. Laird and E. Hoffmann (New York: Aldine, 1986), pp. 66-83

Stalin's Terror as Social History // *The Russian Review*, Vol. 45, No. 4 (1986), pp. 375-84

A Matter of Global Survival // *Before the Point of No Return*, edited by Craig Snyder (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986), pp. 49-53

The Struggle for Detente // *East-West Tension, North-South Conflict* (New York: Riverside Church Disarmament Program, 1986), pp. 9-13

America's Russia: Can the Soviet System Change? // *Socialism and Democracy*, No. 3 (Fall/Winter 1986), pp. 5-16

– also in *Princeton Alumni Weekly*, September 30, 1986 pp. 11-15

– also (abridged) in *Harper's*, November 1986

Gorbachev's Historic Embattled Program // *Il progetto Gorbaciov* (Rome: Rinascita, 1987), pp. 158-165

«**Perestroika**» (Debate with Richard Pipes) // *Princeton Alumni Weekly*, December 9, 1987, pp. 21-27

Soviet State And Society in the American Media // *The Other Side*, edited by Robert English and Jonathan Halperin (New Brunswick: Transaction Books, 1987), pp. 77-81

Bukharin and The Eurocommunist Idea // *The Crucible of Socialism*, edited by Louis Patsouras (Atlantic Highlands: Humanities Press, 1987), pp. 293-307

The U.S. Press and Glasnost // *Deadline*, May-June 1988, pp. 3-4

Centrists Lack the Guts to Respond to Gorbachev [Not Author's title] // *New York Times*, September 19, 1988 (OP-ED)
– also in *International Herald Tribune* September 20, 1988
– also in *Ekho Planety*, No. 33 (Nov.), 1988, p. 48

The President's Historic Opportunity: Will We End the Cold War? // *The Nation*, October 10, 1988, pp. 305-314
– also in *America's Transition*, edited by Mark Green and Mark Pinsky (New York: Democracy Project, 1989) pp. 120-134
–abridged in *The Trenton Times*, October 16, 1988
–abridged in *Rinascita*, October 22, 1988, pp. 28-30

The History of A Book, foreword to the Soviet edition of *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (Moscow, 1989)
– also in *Rinascita*, December 3, 1988
– also in *Ogonek*, No. 45, 1988. P. 28

Supporters and Opponents of Perestroika: A Roundtable // *Soviet Economy*, October-December 1988, pp.275-318

Gorbachev and the Soviet Reformation // *Voices of Glasnost*, edited by Stephen F. Cohen and Katrina vanden Heuvel (New York: W.W. Norton, 1989), pp.13-32

Changing the Image of the Enemy: Dialogue with Vitaly Korotich // *Michigan Quarterly Review*, Fall 1989, pp. 507-20

The Moderate Alternative // *The Stalin Revolution*, edited by Robert V. Daniels (Lexington: D.C. Heath, 1990), pp. 35-53

Gorbachev the Great [Author's Title: «Has Gorbachev Really Failed?»] // *The New York Times*, March 11, 1991, op-ed
– also in *International Herald Tribune*, March 11, 1991
– also in *Izvestiia*, March 12, 1991

Gorbachev's Reforms and American Perceptions // *Outlook*, Winter 1990–91, pp. 70–74

Gorbachev's Reforms After Six Years // *Hearings Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations U.S. Senate* (Washington: U.S. Government Printing Office, 1991), pp. 41–47

The Friends and Foes of Change // *The Soviet System in Crisis*, edited by Alexander Dallin and Gail W. Lapidus (Boulder: Westview Press, 1991), pp. 64–80

Cold Dawn in Moscow // *The New York Times*, September 4, 1991, op-ed
– also in *International Herald Tribune*, September 5, 1991
– also in *Sovetskaia Rossiia*, September 7, 1991
– also in *Nezavisimaia gazeta*, October 5, 1991 (and English ed., October, No. 2, 1991)

What's Really Happening in Russia?, *The Nation*, March 2, 1992, pp. 259–68
– also in *Annual Editions: Comparative Politics* (Dushkin Publishers, 1993)

The Election's Missing Issue: A Cold Peace With Russia? // *The Nation*, November 23, 1992, pp. 622–24

– also in *Information* (Denmark), November 6, 1992

– also in *De Morgen* (Belgium), December 1993

Ligachev and the Tragedy of Soviet Conservatism, introduction to *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev* (New York: Pantheon Books, 1993), pp. 7–37

The Afterlife of Nikolai Bukharin, introduction to *Anna Larina, This I Cannot Forget: The Memoirs of Nikolai Bukharin's Widow* (New York: W.W. Norton, 1993), pp. 13–36

Staggering Toward Democracy? // *Harvard International Review*, Winter 1992/1993, pp. 14–17, 60–62

Can We Convert Russia? // *Washington Post Outlook*, March 28, 1993, pp. C 1–2

– also in *Rabochaia tribuna*, April 7, 1993

American Policy and Russia's Future // *The Nation*, April 12, 1993, pp. 476–85

U.S. Policy Toward Post-Communist Russia: Fallacies, Failures, Possibilities // *Hearings Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives* (Washington: U.S. Government Printing Office, 1993), pp. 453–479

Yeltsin's Desperation Dismantles Democracy // *Washington Post Outlook*, October 10, 1993, pp. C 1–3

– also in *Washington Post National Weekly*, October 18–24, 1993, pp. 23–24

– abridged in *International Herald Tribune*, October 13, 1993

– abridged in *The Moscow Times*, October 14, 1993

– abridged in *Rabochaia tribuna*, October 18, 1993

– abridged in *Novaia ezhednevnaia gazeta*, November 29, 1993

The Last Chance (with K. vanden Heuvel) // *The Nation*, January 24, 1994, pp. 76–77

America's Failed Crusade in Russia // *The Nation*, February 28, 1994, pp. 261–64

– abridged in *International Herald Tribune*, February 16, 1994

– abridged in *Los Angeles Times*, February 11, 1994

– abridged in *Rabochaia tribuna*, February 11, 1994

Clinton's Yeltsin, Yeltsin's Russia // *The Nation*, October 10, 1994, pp. 373–76

– abridged in *International Herald Tribune*, September 26, 1994

– abridged in *New York Newsday*, September 25, 1994

– abridged in *The Moscow Times*, September 27, 1994

– abridged in *Rabochaia tribuna*, October 4, 1994

– abridged in *Sovetskaia Rossiia*, October 4, 1994

The Friends and Foes of Change (reprint) // *The Soviet System: From Crisis to Collapse*, edited by Alexander Dallin and Gail Lapidus (Boulder: Westview Press, 1995), pp. 57–74.

If Not Yeltsin, The Russian Opposition // *The Washington Post* (Outlook), December 3, 1995.

In Russia, Who Is Guilty Now? // *The New York Times*, December 11, 1995, op-ed

To Be Preserved Forever, Introduction to *The Prison Manuscripts of N.I. Bukharin* (in Russian, Moscow: AIRO, 1996), Vol. 1, pp. 14–24.

– abridged in *The Nation*, November 27, 1995, pp. 672–76

– abridged in *Nezavisimaia gazeta*, November 3, 1995

– abridged in *Svobodnaia mysl*, December 1995, pp. 50–56

– abridged in *Princeton Alumni Weekly*, March 20, 1996, pp. 20–23

Russia's Judgment Day? (co-author) // *The Nation*, July 8, 1996, pp. 3–5.

– also in *Literaturnaia gazeta*, July 3, 1996

Ligachev and the Tragedy of Soviet Conservatism // *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev* (reprint, Boulder: Westview Press, 1996), pp. vii–xxxvi.

«**Transition**» or **Tragedy?** // *The Nation*, December 30, 1996, pp. 4–6.

– also in (abridged) *International Herald Tribune*, December 13, 1996

– also in (abridged) *The Moscow Times*, December 17, 1996

– also in *Obschchaia gazeta*, December 26–31, 1996

– also in (abridged) *Los Angeles Times*, December 12, 1996.

– also in *Zavtra*, January (No. 3), 1997

The Other Russia (co-author) // *The Nation*, August 11/18, 1997, pp. 24–26.

Preface to *David King, The Commissar Vanishes* (New York: Metropolitan Books, 1997)

Bukharin's Fate, Introduction to *Nikolai Bukharin, How it All Began* (New York: Columbia University Press, 1998), pp. 7–28.

– also in (abridged) *Dissent*, Spring 1998, pp. 58–68.

Why Call It Reform? // *The Nation*, Sept. 7/14, 1998, pp. 6–7.

– also in several U.S. and Russian newspapers.

Russian Tragedy or Transition // Michael Cox (ed.), *Rethinking the Soviet Collapse* (London: Cassell, 1998), chap. 13.

Who Lost Russia?, *The Nation*, October 12, 1998. P. 5.

– also in *International Herald Tribune*, October 27, 1998.

– also in *Los Angeles Times*, October 27, 1998.

Help Russia (with Katrina vanden Heuvel) // *The Nation*, January 11/18, 1999, pp. 6–9.

– also in *The Moscow Times*, December 25, 1998.

– also in *The St. Petersburg Times*, December 29, 1998.

– also in *Courrier International*, January 7–13, 1999.

– also in *Nezavisimaia Gazeta*, January 26, 1999.

Russian Studies Without Russia // *Post-Soviet Affairs*, January–March 1999, pp. 37–55.

– also in *Svobodnaia mysl*, № 9–12, 1998, pp. 21–34

«**Transition**» Is a Notion Rooted in U.S. Ego // *The New York Times* (Ideas Page), March 27, 1999.

Degrading America // *The Nation*, May 24, 1999. P. 6.
– also in *Nezavisimaia Gazeta*, May 7, 1999

American Journalism and Russia's Tragedy // *The Nation*, October 2, 2000, pp. 23–30.

Gorbachev as Leader: Pope or Luther? // *Gorbachev on His 70th Birthday*, English and Russian eds. (Moscow, 2001), pp. 242–246

Russian Nuclear Roulette // *The Nation*, June 25, 2001. P. 16

A Second Chance With Russia // *The Nation*, November 5, 2001, pp. 7, 23
– also in *Pittsburgh Post-Gazette*, November 11, 2001
– also in *International Herald Tribune*, November 14, 2001
– also in *Sovetskaia Rossiia*, October 18, 2001

Endangering U.S. Security (co-author) // *The Nation*, April 15, 2002. P. 5
– also in *Sovetskaia Rossiia*, April 2, 2002
– also in *Los Angeles Times*, May 1, 2002
– also in *Newsday*, May 3, 2002
– also in *Chicago Tribune*, May 14, 2002

Are We Safer? // *The Nation*, May 5, 2003. P. 4
– also in *International Herald Tribune*, April 23, 2003
– also in *Izvestiia*, June 20, 2003

The Struggle for Russia // *The Nation*, November 24, 2003, pp. 5–6
– also in *Philadelphia Inquirer*, November 9, 2003
– also in *Moscow Times*, November 12, 2003
– also in *Rodnaia Gazeta*, November 14, 2003

How to Get Out of Iraq // *The Nation*, May 24, 2004, p.11

- also in *The Guardian* (UK)
- also in *Rodnaia gazeta*, May 14–20, 2004

Was the Soviet System Reformable? // *Slavic Review*, Fall 2004, pp. 459–488; and **Reply** (to comments), pp. 553–54

- also in *Svobodnaia mysl*, No. 1, 2005, pp. 136–62
- also in *Politicheskii zhurnal*, Jan 17, 2005, pp 66–70 (abridged)
- also in *Proryv k svobode: o perestroike dvadtsat let spusta* (Moscow, 2005), pp. 24–25

The Media's New Cold War // *The Nation*, Jan. 31, 2005, pp. 18–22

- also in *Gudok*, Feb. 2, 2005
- also in *Natsionalnye interecy*, No. 1, 2005, pp. 3–6

Gorbachev's Lost Legacy // *The Nation*, March 14, 2005. P. 5

- also in *Los Angeles Times*, Feb. 27, 2005
- also in *Politicheskii zhurnal*, Feb. 28, 2005

Who's to Blame? (in Russian) // *Politicheskii klass*, No. 10, 2005, pp. 60–65

The New American Cold War // *The Nation*, July 10, 2006, pp. 9–17

- also in *Polityka*, June 28, 2006
- also in *Oestado de Sao Paolo*
- also in the *Spokesman* (UK), No. 101 (2009), pp. 18–35
- also in *Novyi zhurnal*, No. 248 (2007), pp. 143–59

The Soviet Union, R.I.P.? // *The Nation*, December 25, 2006, pp. 14–18

- also in *The Guardian* (UK), December 13, 2006
- also in *Novaia gazeta*, December 21–24, 2006
- also in *Europa* (Poland), December 30, 2006
- also in *Weekendavisen*, Feb. 10 2006

Bukharin's Fate, Introduction to *Nikolai Bukharin, Socialism and Its Culture* (London – New York – Calcutta, 2006), pp. vii–xxxii

Is the Cold War Really Over? (in Russian) // *Gorbachevskie chteniia*, edited by O.M. Zdravomyslova, Vol. 4 (Moscow, 2006), pp. 267–73.

Conscience and the War // *The Nation*, March 26, 2007, pp. 4–5

Boyhood Memories of a Pine Crest Friend (Frederic Wakeman, Jr.) // *Pine Crest Magazine*, Spring 2007. P. 44.

The Fifteenth Anniversary of the End of the Soviet Union (with others) // Kennan Institute Occasional paper #299 (Washington, DC, 2008)

Introduction to *The Prisoner of Lubianka: The Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin* (in Russian; expanded edition of 1996 volumes) (Moscow, 2008), pp. 20–28

The Missing Debate // *The Nation*, May 19, 2008, pp. 6–8

– also in *Los Angeles Times*, April 30, 2008

– also in *International Herald Tribune*, May 3–4, 2008

– also in *Metro*, April 30, 2008

– also in *Izvestiia*, April 30, 2008

– also in *L'unita*, April 30, 2008

The Victims Return: Gulag Survivors Under Khrushchev // *Political Violence: Essays in Honor of Robert Conquest*, edited by Paul Hollander (New York – London, 2008), pp. 49–68

– abridged version in *The Nation*, September 15, 2008, pp. 27–32

U.S. – Russian Relations in an Age of American Triumphalism (Interview) // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 2010, pp. 191–205

Obama's Russia 'Reset': Another Lost Opportunity? // *The Nation*, June 20, 2011, pp. 11–18.

– also in *Nezavisimaia gazeta*, July 12, 2011.

– also in *Mir peremen*, No. 3, 2011, pp. 106–20

My Sports Hero as Fate // *The Nation*, August 15/22, 2011. P. 15.

Boukharine et les communistes de gauche // *Moscou 1918: Le Revue Communist* (Toulouse, 2011), pp. 35–57.

The Soviet Union's Afterlife // *The Nation*, Jan. 9/16, 2012, pp. 14–18.

America's Failed (Bi-Partisan) Russia Policy // *Huffington Post*, February 28, 2012.
– also in *Natsionalnye interesy*, No. 2, 2012, pp. 34–38.

Stop the Pointless Demonization of Putin // *Reuters.com*, May 7, 2012
– also in *Inosmi.ru*, May 9, 2012

Cold War Chill // *The Spokesman*, No. 117 (2012)

Dishonoring Stalin's Victims (with Peter Reddaway) // *The Nation*, June 11, 2012, pp. 6–8
– also in *Novaia gazeta*, June 4, 2012
– also in *The Moscow Times*, June 28, 2012
– also in (abridged) *The Guardian.com*, June 18, 2012

Is Congress's Magnitsky Bill A New Blacklist? (coauthor) // *The Nation.com*, December 14, 2012

Cold War Follies // *The Nation*, February 4, 2013, pp. 6–8.
– also in *The Moscow Times*, January 24, 2013
– also in *Inosmi.ru*, January 21, 2013
– also in *RT.ru*, January 22, 2013

How Obama Can Avert a New Cold War // *The Washington Post*, February 15, 2013.
– also in *Inosmi.ru*, February 16, 2013

Памяти Евгения Гнедина // СССР: Внутренние противоречия. Вып. 2. – Нью-Йорк, 1984. С. 269–273.

Переосмысливая советский опыт // США. – 1986. – № 2. – С. 97–104.

Возвращение Николая Бухарина // Московские новости. – 1988. – 21 февр.

Предисловие // Американцы едят Горбачеву. – М.: Прогресс, 1988. – С. 9–35.

Страницы жизни Николая Бухарина // За рубежом. – 1988. – № 15, 16.

На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» // Знание – сила. – 1988. – № 8. – С. 64–74.

Николай Бухарин: взгляд американского советолога // Эхо планеты. – 1988. – № 32. – С. 30–33.

Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. – 1988. – № 10. – С. 60.

Бухарин, НЭП и идея альтернативы сталинизму // ЭКО. – 1988. – № 9. – С. 155–167.

Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 29–31.

Предисловие к советскому изданию // Бухарин: политическая биография, 1888–1938. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3–9; То же // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 28.

Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина / Послесл. В.Н. Шевченко // Философские науки. – 1989. – № 1. – С. 73–87.

[Рец. на кн.: *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 282 с: ил.] // Проблемы мира и социализма. – 1988. – № 5. – С. 85–86. – Соавт.: С. Меньшиков.

Перестройка – это путешествие в поисках нового // Коммунист. – 1989. – № 7. – С. 23–29.

Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – С. 46–72.

Предупреждение сталинизма // Огонёк. – 1990. – № 28. – С. 13–16.

Партия на перепутье // Литературная газета. – 1990. – 4 июля.

Американское восприятие и советская действительность // СССР глазами советологов. – М.: Московский рабочий, 1990. – С.40–59.

Что же происходит в России? // Свободная мысль. —1992. – № 8. – С. 15–23.

Американская политика и будущее России // ПОЛИС. – 1993. – № 3. – С. 86–97.

Круглый стол // Что значит издать книгу в Советском Союзе. – М., 1993. – С. 6 – 14, 32–38.

«Let Russia be Russia» // Литературная газета. – 1993. – 23 июня.

Может ли Ельцин стать новым Ельциным? // Новая ежедневная газета. – 1994. – 4 янв.

Что Америка может дать России? // Рабочая трибуна. – 1994. – 19, 20 июля.

Куда идёт Россия? // Труд. – 1994. – 26 июля. – Соавт.: С. Бабурин.

Предисловие к изданию «Тюремные рукописи Н.И. Бухарина» // [Бухарин Н.И.] Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: В 2 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: Социализм и его культура / Публ. С.Н. Гурвич-Бухариной, А.М. Лариной-Бухариной, Ю.Н. Ларина; Предисл. Б.Я. Фрезинского; Коммент., указ. имён О.Л. Сорокиной, М.Ф. Федотовой. – М.:

АИРО-XX, 1996. – С. 14–24; То же в сокр. // Свобод, мысль. – 1995. – № 12. – С. 50–56; Независимая газета. – 1995. – 3 нояб.

Изучение России без России. Крах американской постсоветологии / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 4 – М.: АИРО-XXI, 1999. – 48 с. То же // Свободная мысль. – 1998. – № 9/12. – С. 21–34.

Горбачев как лидер: Папа или Лютер? // Многая лета... Михаилу Горбачеву. – М., 2001. – С. 254–259.

Предисловие // Бухарин В.И. Дни и годы / Публ. подгот.: М.В. Бухарина, Ю.Н. Гусев, Л.Н. Гусева, Г.В. Девицина; Сост., введ., коммент., послесл.: Г.В. Девицина, Л.Н. Гусева, Е.Н. Юркевич; Введ. Н.В. Тороповой. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 5–8; То же // Библиография. – 2003. – № 4. – С. 73–75.

Бухарин на Лубянке // Свободная мысль. – 2003. – № 3. – С. 58–64.

Кто виноват? // Политический класс. – 2005. – № 10. – С. 60–65.

Правда ли, что «холодная война» закончилась? // Горбачёвские чтения / Под ред. О.М. Здравомысловой. – Вып. 4. – М., 2006. – С. 267–273.

Введение // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов / Предисл. С. Бабурина. Под ред. Г.А. Бордюгова. Изд. 2-е, доп., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008. – С. 20–28.

Приди Бухарин к власти, в СССР было бы меньше насилия // Известия. 2008, 9 октября.

Утраченное наследие Горбачева // Новая газета. 2010, 1 марта.

III. Литература о Ст. Коэне

Анин Д. Актуален ли Бухарин? // *Континент*. – 1975. – № 2. – С. 281–314.

Гефтер М.Я. Все мы заложники мира предкатастроф: Письмо американскому историку Стивену Коэну // *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 85–91.

Дедков Н. Беспокойный американец // *Свободная мысль* – XXI. – 2001. – № 4.

Согрин В. Стивен Коэн и перипетии посткоммунистической России // *Обществ, науки и современность*. – 2002. – № 4.

Аннинский Л. Коэн зрит в корень // *Родина*. – 2002. – № 7.

Junge Mark. Bucharins Reabilitierung Hisorisches Gedachtnis in der Sowjetunion. 1953–1991. – Berlin: Basis-Druck, 1999; То же. *Юнге М.* Страх перед прошлым: Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. – М.: АИРО-XX, 2003. – 336 с. – (АИРО-XX – первая публикация в России).

Борьба за Россию // *Родная газета*. – 2003. – 20 нояб.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008. – 244 с.

Stephen Cohen, *The Soviet Union and Russia. Tributes and Comments by Russian Colleagues. With a Foreword by Mikhail Gorbachev.* Ed. by Gennady Bordyugov and Leonid Dobrokhотов. Translated by George Shriver. – PublishingWorks, Exeter, NH, 2010. – 298.

Сведения об авторах

Авеличев Александр – профессор Высшей школы международных переводчиков Университета Монс-Эно (Бельгия). В 1980-е – 90-е главный редактор издательства «Прогресс», первый вице-президент Ассоциации книгоиздателей.

Антонов-Овсенко Антон – историк, писатель.

Адлер Нэнси – руководитель Отделения по изучению Холоста и Геноцида Нидерландского института Войны, Холокоста и Геноцида Нидерландской Королевской Академии искусства и науки Университета Амстердама.

Бабурин Сергей – профессор, член Верховного Совета, Государственной Думы РФ в 1990–2000, 2003–2007 гг.

Баева Татьяна – автор сайта www.biblegenetics.com

Бордюгов Геннадий – руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), профессор МГЛУ.

Гельман Александр – драматург.

Горбачев Михаил – президент СССР (1990–1991), лауреат Нобелевской премии мира, президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований.

Гусейнов Вагиф – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Давидян Ирина – ст. научный сотрудник НИЦ «АИРО-XXI», переводчик.

Дедков Никита – зам. зав. кафедрой общественногуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Доброхотов Леонид – профессор Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Евтушенко Евгений – поэт.

Зюганов Геннадий – председатель ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы РФ (с 1993 г.).

Касаев Алан – профессор, зав. кафедрой высшего журналистского мастерства МГЛУ.

Клюшниковая Ирина – бывший продюсер-координатор Московского представительства американской телекомпании CBS News.

Кляйн Эдвард – с 1969 г. президент Chekhov Publishing Corporation, в 1991–2011 гг. президент Фонда Андрея Сахарова в США.

Кристенсен Пол – профессор истории Бостонского колледжа, США.

Кувалдин Виктор – профессор, зав. кафедрой общественногуманитарных дисциплин Московской школы экономик МГУ им. М.В. Ломоносова.

Логинов Владлен – профессор университета Российской академии образования, руководитель проекта «Горбачев-Фонда».

Медведев Рой – историк, публицист.

Муратов Дмитрий – главный редактор «Новой газеты».

Палажченко Павел – руководитель пресс-группы «Горбачев-Фонда», переводчик.

Парфёнов Леонид – журналист, телеведущий, автор документальных фильмов и проекта «Намедни».

Писигин Валерий – историк, публицист, прозаик.

Познер Владимир – телеведущий.

Примаков Евгений – академик РАН, Президент Клуба «Меркурий», в 1998–1999 гг. председатель правительства РФ.

Пушков Алексей – ведущий программы «Постскриптум» канала ТВЦ, профессор.

Рабинович Александр – почетный профессор истории Индианского университета США.

Румянцев Олег – президент Фонда конституционных реформ, в 1990–1993 гг. народный депутат, член Верховного Совета РФ, ответственный секретарь Конституционной комиссии.

Соломонов Юрий – журналист, руководитель Высшей школы журналистики Международного университета в Москве.

Третьяков Виталий – декан Факультета телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Умеренков Евгений – собственный корреспондент «Комсомольской правды» в Нью-Йорке, 2002–2006 гг.

Уткин Анатолий – профессор.

Фадеева Надежда – дочь А.М. Лариной-Бухариной.

Фрезинский Борис – литературовед, специалист по творческому наследию Ильи Эренбурга и Николая Бухарина.

Ципко Александр – политолог, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

ванден Хювел Катрина – издатель и главный редактор журнала «The Nation».

Шатров Михаил – драматург.

Издания АИРО-XXI в 2009–2013 гг.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.

- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- “...ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мешёра-край: Альм. по истории и культуре Мешерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Научное издание

ДВЕ РОДИНЫ СТИВЕНА КОЭНА

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 11.11.2013
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 14,0
Тираж 1000 экз. Зак.